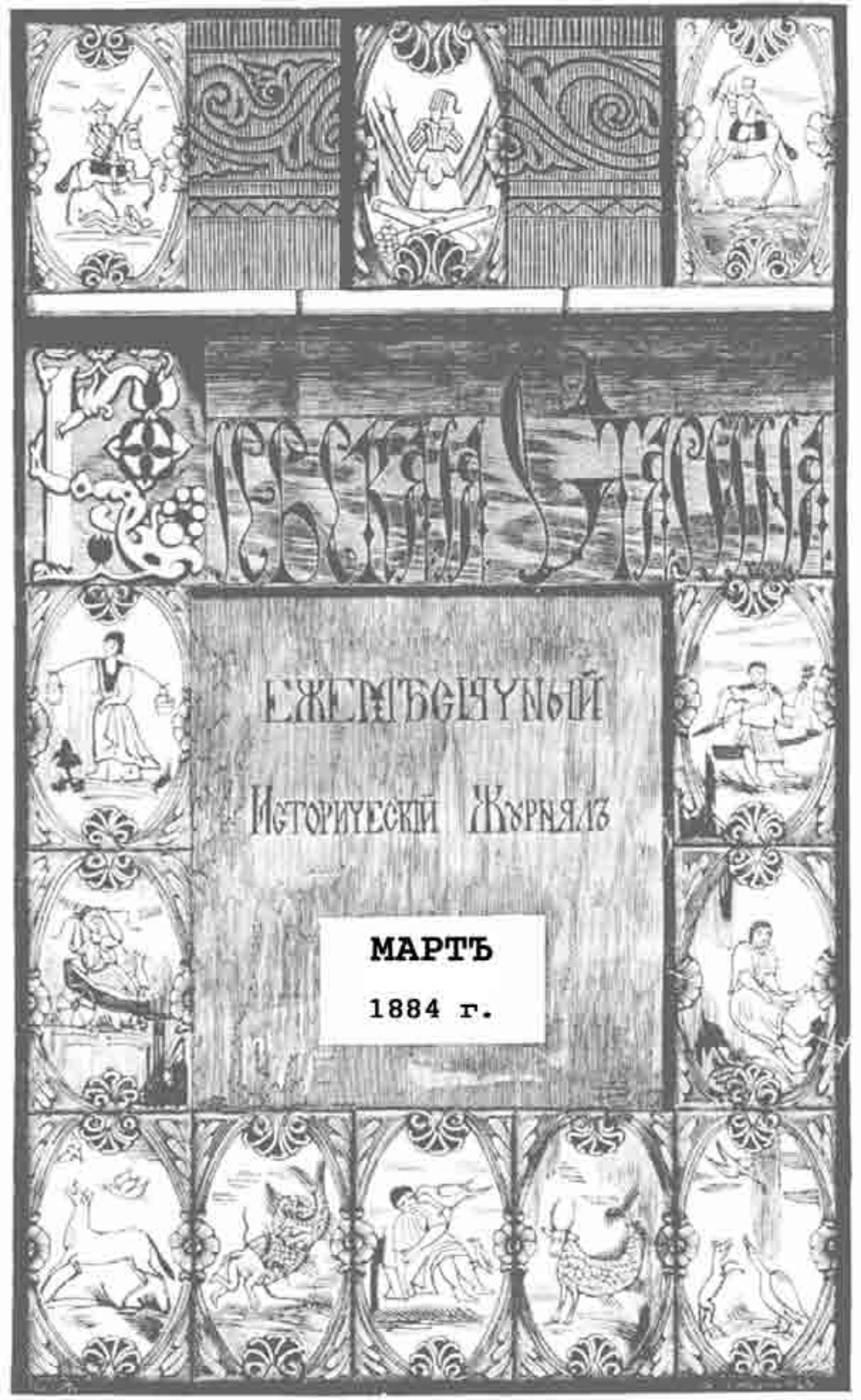

Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
МАРТЪ
1884 г.

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО
BOOK SPACE

СОДЕРЖАНІЕ.

Мартъ, 1884 г.

стр.

I. ЗМІЕВЫ ВАЛЫ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ КІЕВСКОЙ ЗЕМЛИ. **В. Антоновича** 253

II. ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка). *(Продолженіе)*. **Н. Ѳ. Сумцова** 271

III. КНЯГИНЯ. (Разсказъ Т. Г. Шевченка) 391

IV. ПЕРВЫЯ КОЗАЦКІЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ. (1591—1596 г.). **Ѳ. Николайчика** 423

V. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. Часть первая. 1821—1846 годъ. *(Продолженіе)*. 443

VI. ПИСЬМО АРХ. НОВГ. ѲЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА КЪ АРХ. КІЕВ. РАФАИЛУ ЗАБОРОВСКОМУ. (О способахъ къ улучшенію матеріальнаго положенія кіев. академіи) 465

VII. РЯДНАЯ ЗАПИСЬ 1-й ПОЛОВИНЫ XVIII В. 471

IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Н. Любовичъ. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и антитринитаріи. Варшава. 1883 г.—б) Покутье. Этнографическій этюдъ. Сост. Оскаръ Кольбергъ. Краковъ. I. 1882. II. 1883. *Ц.—Неймана.*—в) Четъ, или не четъ? Историческая новѣсть конца XVII в. І. Крашевскаго. Варшава. 1884. Т. 1 и 2. *S.*—г) Споминки про житє и дѣяльность Володимира Барвѣньского. Львовъ. 1884 г.—*В. Г—ка.*—д) Къ новоселью городской публичной библіотеки въ Одессѣ (1829—1883 г.). Одесса. 1883 г. 478

X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи слободско-украинскаго чумачества.—*Н. Сумцова.*—б) Изъ школьныхъ воспоминаній о Кіевѣ.—*Н. Я. Бар—вскаго.*—в) Сто семь лѣтъ южно-русской этнографіи.—*В. Г—ка.*—г) Попытка околдовать волостной судъ.—*П. Еф.*—д) Послѣдствія клятвопреступленія. *П. Еф.*—е) Вертепъ въ купянскомъ уѣздѣ харьковской губерніи.—*А. Селиванова.*—ж) Вымирающіе типы украинской деревни. Прот. *Луки Киселевича.*—з) Контрактъ на постройку церкви конца XVII в. 493

XI. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1727—1753 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями *А. М. Лазаревскаго.* (Приложеніе). . . . . 1—16

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ VIII.

МАРТЪ.

1884 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го февраля 1884 года.

ЗМІЕВЫ ВАЛЫ

въ предѣлахъ кіевской земли.

Во многихъ мѣстностяхъ южно-русскаго края виднѣются весьма древнія земляныя сооруженія—это земляные валы, которые пролегаютъ по полямъ и лѣсамъ на протяженіи десятковъ и сотень верстъ, охватываютъ цѣлые округи и уѣзды, по временамъ сопровождаютъ русла рѣкъ, иногда перерѣзываютъ ихъ теченіе или пролегаютъ по водораздѣльнымъ линіямъ; они, то постепенно понижаясь, какъ-бы сглаживаются и перестаютъ быть замѣтными, то, послѣ перерыва въ нѣсколько верстъ, опять постепенно возвышаются и тянутся въ таинственную, понынѣ не изслѣдованную даль. Насыпи эти извѣстны у народа подъ именемъ „зміевыхъ валовъ", на основаніи многочисленныхъ легендарныхъ преданій, сущность которыхъ будетъ изложена ниже. Люди книжные еще съ XVII вѣка, на основаніи весьма поверхностной и шаткой гипотезы, называли ихъ до весьма еще недавняго времени „Траяновыми валами". Вопросъ о происхожденіи этихъ громадныхъ сооруженій не можетъ быть въ настоящее время точно рѣшенъ какъ по отсутствію необходимыхъ географическихъ и археологическихъ данныхъ, такъ и по недостатку прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ о времени ихъ возникновенія.

Самое существенное неудобство при изслѣдованіи древнихъ валовъ южно-русскаго края заключается въ томъ, что они не нанесены на карты, даже самыя подробныя, и описанія ихъ встрѣчаются лишь въ видѣ отрывочныхъ свѣдѣній, разсѣянныхъ въ различныхъ сочиненіяхъ; свѣдѣнія эти притомъ не всегда совпадаютъ

другъ съ другомъ и почти всѣ не отличаются точностью и обстоятельностью. Такимъ образомъ общаго контура направленія всѣхъ валовъ невозможно пока возстановить и потому невозможно основывать общихъ выводовъ на географическомъ ихъ расположеніи.

Если сведемъ всѣ свѣдѣнія о валахъ находящихся въ кіевской губерніи [1]), то можемъ начертить на картѣ только нѣсколько цѣльныхъ линій, которыя пролегаютъ къ югу и частью къ западу отъ Кіева и находятся въ нѣкоторой связи съ рѣчною системою страны. Самая длинная изъ извѣстныхъ линій вала сопровождаетъ Рось: она начинается на лѣвомъ берегу этой рѣки, недалеко отъ ея устья и, то удаляясь, то приближаясь къ ея руслу, тянется мимо Корсуня и Богуслава до Бѣлой-Церкви [2]); здѣсь она поворачиваетъ къ западу, пересѣкаетъ притокъ Роси—Каменку, переходитъ на другой ея притокъ—Раставицу и затѣмъ, поворачивая къ сѣверу, проходитъ черезъ село Попельню и огибая съ запада истоки рѣкъ: Унавы, Ирпеня и Здвижи, достигаетъ южнѣе Радомысля береговъ Тетерева, въ окрестности котораго даетъ нѣсколько боковыхъ отроговъ и соединяется съ другими линіями валовъ. Другой валъ начинается вблизи мѣстечка Триполья и тянется къ западу, окаймляя болѣе или менѣе близко сѣверный берегъ рѣки Красной, изъ верховьевъ которой переходитъ на Раставицу. Третяя линія начинается вблизи предъидущей у Триполья, идетъ почти параллельно теченію рѣки Стугны, по правому ея берегу, затѣмъ пересѣкаетъ рѣку Унаву и тянется дальше къ западу, но западныя оконечности какъ этого вала, такъ и предъидущаго не изслѣдованы; правдоподобно они соединяются съ тою частью перваго вала, которая пролегаетъ по направленію съ юга на сѣверъ. Четвертая

---

[1]) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ слѣдующихъ источниковъ: Фундуклей, Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ кіевской губерніи; Grabowski—Ukraina dawna i teraźniejsza; Lipproman, Zastanowienie się nad mogiłami etc., Похилевичъ, Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губерніи, Археологическій матеріалъ, собранный по донесеніямъ волостей кіевскимъ статистическимъ губернскимъ комитетомъ (рукопись). Наконецъ данныя о валахъ пополнены до нѣкоторой степени личнымъ нашимъ наблюденіемъ.

[2]) Валъ этотъ даетъ нѣсколько отроговъ, которые переходятъ на правый берегъ Роси, какъ напримѣръ у сс. Синицы и Острова, но намъ не удалось найти свѣдѣній о дальнѣйшемъ направленіи этихъ отроговъ.

линія вала начинается на лѣвомъ, сѣверномъ берегу Стугны, проходитъ черезъ Васильковъ, пересѣкаетъ р. Ирпень вблизи Черногородки, отдѣляя соединительную вѣтвь къ юго-востоку къ предъидущей линіи, затѣмъ, направляясь къ западу, достигаетъ мѣстечка Бышева; отсюда валъ, дѣлая крутыя извилины въ разныхъ направленіяхъ, пролегаетъ дальше къ сѣверо-западу, пересѣкаетъ теченіе Здвижи и между этою рѣкою и Тетеревомъ соединяется съ линіею первою и притомъ даетъ отроги въ разныя стороны, направленіе которыхъ и дальнѣйшее протяженіе намъ неизвѣстны; одинъ изъ этихъ отроговъ пересѣкаетъ русло Тетерева и теряется въ лѣсахъ въ окрестности села Верлоока, другой отходитъ по правую сторону Тетерева, параллельно его теченію, и часть его извѣстна нѣсколько ниже пе теченію этой рѣки, между селами: Песковкою и Тальскою Рудою. Пятой линіи намъ извѣстны только незначительные отрѣзки: къ сѣверу отъ Кіева между селами Вышгородомъ, Петровцами и Валками, къ западу въ лѣсу села Боярки и къ юго-западу у села Рославичи. Если гипотетически соединить эти отрѣзки между собою, то окажется полная половина круга, описанная около Кіева радіусомъ въ 18—20 верстъ. Наконецъ небольшое кольце вала замѣчается у села Ходосовки—оно охватываетъ небольшую площадь нагорной мѣстности и обоими концами упирается въ луговую долину Днѣпра.

Перечисленными линіями конечно не исчерпывается все количество земляныхъ сооруженій на площади кіевской губерніи; множество отрывочныхъ указаній свидѣтельствуютъ о томъ, что другія линіи валовъ, вѣроятно гораздо болѣе длинныя, существуютъ къ югу, западу и сѣверу отъ вышеисчисленныхъ. Такъ у Фундуклея намѣчены валы къ югу отъ Роси, на правомъ берегу Тасьмина и въ рѣчной системѣ Синюхи и ея притоковъ; послѣдніе тянутся на довольно значительномъ пространствѣ и южный отростъ ихъ переходитъ въ степи балтскаго уѣзда подольской губерніи. Нѣсколько западнѣе, въ окрестности мѣстечка Дашева извѣстны два вала, переходящіе также въ Подоліе. На сѣверѣ намѣчены отрѣзки валовъ между рр. Устью и Припятью, а также длинный, по видимому, валъ, который переходитъ изъ радомышльскаго уѣзда въ волынскую губернію, въ окрестности села Выдыбора, и т. д.

Въ связи съ валами кіевщины находятся валы южной части переяславскаго уѣзда, описанные Максимовичемъ [1]). Валы эти пролегаютъ въ видѣ двухъ параллельныхъ дугообразныхъ линій, которыя упираются въ Днѣпръ, другими-же концами соединяются между собою у села Строковы.

Всѣ исчисленные валы сохранились не вездѣ въ равной мѣрѣ: въ мѣстностяхъ открытыхъ и степныхъ поверхность ихъ давно уже вспахивается и потому валы все болѣе и болѣе сглаживаются; вообще въ этихъ мѣстностяхъ вышина ихъ незначительна, иногда они едва замѣтны и даже по мѣстамъ какъ-бы прерываются. Напротивъ того въ мѣстностяхъ, покрытыхъ лѣсомъ, контуры валовъ сохранились довольно полно, высота вала достигаетъ здѣсь 3—4 сажень, ширина-же его у основанія равняется обыкновенно 7—8 саженямъ. Вездѣ, гдѣ контуры вала уцѣлѣли въ значительной степени, наблюдается одна характеристическая черта: валъ всегда сопровождается съ одной стороны рвомъ, и ровъ этотъ всегда находится на одной и той-же сторонѣ насыпи, именно, каково-бы ни было направленіе вала, ровъ находится со стороны противуположной Кіеву; въ валахъ переяславскихъ ровъ у обѣихъ параллелей находится съ южной стороны, т. е. со стороны, противуположной Переяславлю.

Упомянемъ гипотезы, высказанныя понынѣ относительно назначенія и времени происхожденія кіевскихъ валовъ. Въ первомъ отношеніи всѣ мнѣнія согласны: никто не сомнѣвается въ томъ, что валы были насыпаны съ стратегическою цѣлью для защиты страны. Довольно взглянуть на географическое расположеніе валовъ, чтобы вполнѣ убѣдиться въ справедливости этого мнѣнія: валы тянутся главнымъ образомъ по южной границѣ старой полянской территоріи: по Роси, Красной и Стугнѣ, охраняя эту страну отъ степи, на которой съ незапамятныхъ временъ до половины XIII ст. кочевали хищныя орды степняковъ, составлявшія постоянную грозу для осѣдлаго населенія кіевской территоріи; нѣкоторыя вѣтви вала, продолжаясь далѣе на сѣверъ, дополняютъ систему охраны той

---

[1]) См. Труды перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ, т. I, стр. CXXV—CXXVI; замѣтки и чертежи, собранные для этого описанія, покойный М. А. Максимовичъ сообщилъ мнѣ.—В. А.

территоріи, въ которой лежитъ Кіевъ, исконный центръ русской или полянской земли; такое-же значеніе имѣютъ по отношенію къ Переяславлю валы, находящіеся на лѣвомъ берегу Днѣпра. Указанное выше расположеніе рвовъ подтверждаетъ наглядно тоже мнѣніе.

Относительно времени возникновенія валовъ мнѣнія далеко не такъ однородны, какъ относительно ихъ назначенія. Мы уже указали, что книжные люди съ XVII в. стали давать имъ названіе Траяновыхъ валовъ, на основаніи предположенія, будто валы эти сооружены императоромъ Траяномъ, послѣ завоеванія имъ Дакіи. Конечно, мнѣніе это слишкомъ поверхностно для того, чтобы подлежало серьезной критикѣ; намъ кажется лишь достойнымъ удивленія то обстоятельство, что до недавняго времени серьезные писатели не могли вполнѣ отрѣшиться отъ этой гипотезы. Такъ и Фундуклей и Грабовскій, при описаніи валовъ въ кіевской губерніи, приняли странную номенклатуру для опредѣленія ихъ: одни изъ этихъ валовъ они называютъ народнымъ названіемъ: „Зміевыми“ другіе книжнымъ названіемъ „Траяновыми“, при чемъ стараются привести доказательства въ подтвержденіе старой гипотезы о сооруженіи ихъ императоромъ Ульпіемъ Траяномъ.

Описывая одинъ изъ валовъ, пролегающихъ по васильковскому уѣзду, оба названныя писателя утверждаютъ, будто въ народѣ сохранились какія-то преданія о Траянѣ, царѣ Ермаланскомъ (sic), но текста самыхъ преданій они не приводятъ и мы полагаемъ, что почтенные писатели введены были въ заблужденіе смутнымъ и неточнымъ слухомъ, слишкомъ поспѣшно занесеннымъ ими въ серьезный трудъ. По крайней мѣрѣ въ многочисленныхъ этнографическихъ изданіяхъ, вышедшихъ и раньше и позже названныхъ сочиненій, мы не встрѣтили нигдѣ намека ни на Траяна, ни на царя Ермаланскаго. Еще болѣе шатко другое доказательство, приведенное двумя названными авторами въ подкрѣпленіе Траяновой гипотезы. Они указываютъ, что въ мѣстечкѣ Кошеватой, лежащемъ впрочемъ въ сторонѣ отъ вала, найдена была монета съ именемъ Траяна; но по сообщенному ими-же описанію найденой монеты явствуетъ, что она чеканена не при императорѣ Ульпіѣ Траянѣ (98—117 г.), а при Деціѣ Траянѣ (249—251) и что она принадлежитъ къ числу колоніальныхъ монетъ города Виминація въ Мезіи. Такимъ образомъ

очевидно монета не имѣетъ ничего общаго не только съ валомъ и кіевскою мѣстностью, но и съ императоромъ Ульпіемъ Траяномъ [1]).

Въ одно почти время съ Грабовскимъ и Фундуклеемъ неизвѣстный писатель, скрывшійся подъ псевдонимомъ Кіянина Дмитрія, посвятилъ цѣлое отдѣльное сочиненіе гипотезѣ о Трояновыхъ валахъ [2]) и пришелъ въ немъ къ весьма оригинальнымъ выводамъ: нисколько не сомнѣваясь, что имя Трояновыхъ валовъ осталось въ народной памяти съ незапамятныхъ, доисторическихъ временъ, авторъ силится путемъ филологическихъ, иногда весьма странныхъ сближеній, подкрѣпленныхъ цѣлымъ рядомъ нежданныхъ, диковинныхъ гипотезъ, доказать, что Троянъ, соорудившій валы, существовалъ дѣйствительно, но что лице это не тождественно съ римскимъ императоромъ II столѣтія, что Троянъ былъ князь славянскій, княжившій въ землѣ полянъ за 500 лѣтъ до Рождества Христова, что Кіевъ тогда носилъ правдоподобно имя Трои, что слово „Кій“ было нарицательнымъ наименованіемъ или титуломъ князя и т. д. Словомъ авторъ забрелъ въ непроходимыя дебри, въ какія увлекаются всегда писатели, старающіеся пояснить историческій фактъ не историческими свидѣтельствами, а исключительно филологическими сближеніями, подкрѣпленными произвольными фантастическими гипотезами.

Липпоманъ, писавшій гораздо раньше Фундуклея и Грабовскаго, болѣе здраво отнесся къ гипотезѣ о Траяновыхъ валахъ: передавая описаніе извѣстныхъ ему линій, онъ говоритъ: „нѣкоторые ученые, вѣроятно имѣя ошибочныя свѣдѣнія о мѣстоположеніи этихъ валовъ, приписывали ихъ сооруженіе Траяну... но познакомившись съ ихъ расположеніемъ, нельзя не убѣдиться, что они не были сооружены Траяномъ и не могли находится на границѣ римской провинціи Дакіи“ [3]). Въ замѣнъ этой гипотезы Липпоманъ представляетъ свою, весьма впрочемъ неопредѣленную; по его мнѣнію зміевы валы относятся къ весьма глубокой древности и сооружены были сарматами, которыхъ Липпоманъ считаетъ предками

---

[1]) Фундуклей, Обозрѣніе могилъ и т. д., стр. 30. Grabowski—Ukraina dawna i teraźniejsza, стр. 72.

[2]) Выводъ о томъ, что въ древней Россіи Порусско-украинскіе и Дунайскіе Трояновы валы построены были не римскимъ, а русскимъ Трояномъ. Кіевъ. 1845.

[3]) Lippoman, op. cit., стр. 23—24.

славянъ“ [1]).—Наконецъ Максимовичъ, съ свойственною ему трезвостію взгляда, основываясь на лѣтописныхъ указаніяхъ и на свидѣтельствѣ Брунона Мерзебурскаго, высказываетъ предположеніе, что переяславскіе валы были насыпаны въ концѣ X столѣтія [2]).

Отклонивъ названіе Траяновыхъ валовъ, какъ совершенно произвольное и лишенное научныхъ основаній, обратимся къ народному названію *Змієвыхъ валовъ*. Народъ называетъ ихъ этимъ именемъ не по имени предполагаемаго Липпоманомъ, будто-бы нѣкогда существовавшаго вождя змія, ни потому, что валы тянутся извилисто, подобно змѣѣ, какъ предполагалъ Максимовичъ, и еще менѣе по причинѣ высказанной Кіяниномъ Дмитріемъ, будто „они были столь огромны и страшны, что народъ, уподобляя ихъ змію, назвалъ его именемъ“ [3]), а потому, что въ народной памяти уцѣлѣло въ видѣ фантастической легенды преданіе о возникновеніи вала, главнымъ-же дѣйствующимъ лицемъ легенды является миѳическое существо *змій* (по малорусски змій означаетъ не змѣю, а дракона), по имени котораго и названы валы.

Сказочная легенда о возникновеніи змієвыхъ валовъ была записана изъ устъ народа и издана во многихъ этнографическихъ сборникахъ [4]); она представляетъ множество варіантовъ, но существенныя черты разсказа сводятся къ слѣдующему: въ весьма давнее время, вблизи Кіева, у Днѣпра залегъ огромный и страшный Змій: онъ причинялъ жителямъ многія бѣдствія и, между прочимъ, потребовалъ у кіевлянъ дани дѣтьми; всѣ семейства безъ различія сословій должны были доставлять поочередно змію дѣвицъ и мальчиковъ на съѣденіе; очередь пришла на княжескую дочь; змію она полюбилась и онъ оставилъ ее жить у себя; княжна, пользуясь

---

[1]) Lipproman, стр. 24 и 139.

[2]) Труды перваго археологическаго съѣзда, т. I, стр. CXXVI.

[3]) Lipproman, стр. 26. Максимовичъ l. c., стр. CXXV. Выводъ о томъ et c, стр. 7.

[4]) Намъ извѣстны варіанты помѣщенные, въ слѣдующихъ сборникахъ: 1) *Кулишъ*, Записки о южной Руси, т. II, стр. 27—30; Nowosielski, Lud ukrainski, т. 1, стр. 254—284; Малорусскія народныя преданія и разсказы, изд. юго-западнаго отдѣла имп. русск. географич. общ., стр. 248—249; Фундуклей, Описаніе могилъ, валовъ и городищъ, стр. 30—31; Lipproman, Zastanowienie się etc., стр. 23; Atheneum, журналъ, выходившій въ Вильнѣ, за 1842 г., Чубинскій, Малорусскія сказки, стр. 128 и 252.

расположеніемъ чудовища, выпытала у него, кто въ состояніи его побѣдить и сообщила эту тайну отцу, переславъ ему извѣстіе въ письмѣ, привязанномъ къ шеѣ голубя. Оказалось, что въ Кіевѣ жилъ богатырь „*Кирило Кожемяка*“, отличавшійся громадною силою: онъ въ раздраженіи разрывалъ по 12 сыромятныхъ воловьихъ шкуръ, сложенныхъ вмѣстѣ; этому-то богатырю и суждено было побѣдить Змія. Князь съ трудомъ упросилъ его предпринять подвигъ, который и увѣнчался полною побѣдою Кожемяки. О пріемахъ борьбы почти каждый варіантъ разсказываетъ иначе, но изъ 12 извѣстныхъ мнѣ варіантовъ—четыре передаютъ, что богатырь побѣдилъ Змія, благодаря заступничеству святыхъ „Кузьмы—Даміяна“ (въ пятомъ варіантѣ Бориса и Глѣба), которые сковали огромный плугъ и доставили возможность богатырю впречь въ этотъ плугъ Змія и принудить его пахать; борозда выкинутая плугомъ и составляетъ Зміевъ валъ. Въ одномъ изъ варіантовъ прибавлена подробность, что Змій, утомленный работою, остановился на берегу рѣки, выпилъ ее почти всю и вслѣдствіе этого околѣлъ въ страшныхъ мученіяхъ, оставшаяся-же въ долинѣ рѣчки ничтожная струя воды съ того времени получила названіе рѣки Стугны, отъ стоновъ (по малорусски стогнати), которые испускалъ Змій; по причинѣ-же смерти Змія на берегу этой рѣки прекращается линія вала [1]).

Конечно, самъ по себѣ приведенный народный разсказъ принялъ слишкомъ сказочную, фантастическую окраску, чтобы можно было извлечь изъ него прямыя указанія на время возникновенія валовъ; мы привели его только потому, что нѣкоторыя черты этого разсказа совпадаютъ съ лѣтописною легендою объ основаніи Переяславля и о единоборствѣ русскаго богатыря съ силачемъ Печенѣжиномъ [2]). Богатырь лѣтописной легенды, подобно Кирилу—кожевникъ (усмошвецъ, кожемяка), подобно ему онъ заявляетъ свою силу, разрывая сыромятныя кожи; оба богатыря одерживаютъ побѣду въ единоборствѣ съ страшнымъ врагомъ, котораго кромѣ ихъ никто не въ состояніи побѣдить и который причиняетъ страшныя бѣдствія русской землѣ. Если на основаніи этого сходства въ нѣкоторыхъ подробностяхъ можно предположить, что лѣтописная

---

[1]) Nowosielski, т. I, стр. 269.

[2]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. IX, стр. 65—66.

легенда есть не что иное, какъ варіантъ той-же современной намъ народной сказки, только записанный за нѣсколько столѣтій раньше и потому не потерявшій еще многихъ чертъ реальной обстановки, замѣненныхъ впослѣдствіи чертами миѳическими, то прямымъ логическимъ послѣдствіемъ этого предположенія будетъ выводъ, что сказочный Змій современныхъ народныхъ преданій есть ничто иное, какъ аллегорія, подъ которою скрывается совершенно теперь забытый, но нѣкогда вполнѣ реальный и грозный образъ печенѣговъ, занявшихъ было оба берега Днѣпра и неоднократно бравшихъ кровавую дань со славянскаго населенія кіевской земли.

Обратимся отъ народныхъ сказаній къ болѣе точнымъ историческимъ свидѣтельствамъ. Если историческія сказанія о кіевскихъ собственно валахъ очень скудны, то за то мы находимъ весьма многочисленныя свидѣтельства о возникновеніи земляныхъ укрѣпленій, пролегавшихъ на большихъ разстояніяхъ и охватывавшихъ обширныя области въ западной Европѣ [1]). Римляне первые ввели земляные валы, какъ средство защиты своихъ границъ отъ германцевъ; уже въ I столѣтіи послѣ Рождества Христова сооружена была длинная линія вала, ограждавшая римскія владѣнія вдоль сѣверной ихъ границы отъ Кельна, по правому берегу Рейна, затѣмъ по Майну и до впаденія Альтмюля въ Дунай; линія эта тянулась на протяженіи 500 верстъ и впослѣдствіи была продолжена гораздо дальше къ востоку—до устья Дуная. Германцы заимствовали быстро у римлянъ эту фортификаціонную систему. Сначала западныя германскія племена стали окружать валами территоріи отдѣльныхъ общинъ и даже цѣлыхъ племенъ, затѣмъ, мало по малу, обычай этотъ распространился и въ восточной и сѣверной Германіи. Уже Германикъ, по свидѣтельству Тацита, наткнулся на валъ, окружавшій территорію херусковъ отъ сосѣдняго племени ангриваріевъ, третій валъ окружалъ предѣлы страны бруктеріевъ и т. д.

Во время Карла Великаго эта римская фортификаціонная система была во всеобщемъ употребленіи какъ у франковъ, такъ и у тѣхъ германскихъ и сопредѣльныхъ съ германцами народовъ,

---

[1]) Данныя о валахъ въ западной Европѣ мы заимствуемъ изъ спеціальнаго военно-историческаго сочиненія генерала Пеукера—von Peucker. Das Deutsche Kriegswesen der Urzeiten. Berlin. 1860 г. См. т. II, стр. 349—415.

съ которыми приходилось сталкиваться франкскому завоевателю. Такъ въ анналахъ Эйнгарта есть свѣдѣнія о сооруженіи въ 812 г. по повелѣнію Карла Великаго пространной линіи валовъ, которая назначалась для охраненія сѣверныхъ границъ Саксоніи отъ нападеній датчанъ и славянъ вильковъ. По правую сторону Эльбы линія эта простиралась отъ крѣпости Гогбуки на Эльбѣ до устья рѣки Свентины въ Балтійское море. Укрѣпленія эти, такъ называемые „limites Saxoniae", въ свое время видѣлъ и описалъ подробно Адамъ Бременскій. Въ одно почти время съ возведеніемъ этой линіи современникъ Карла Великаго, датскій конунгъ Готфридъ оградилъ въ 808 г. южные предѣлы своихъ владѣній по сѣверному берегу Эйдера длиннымъ валомъ, который тянулся отъ Балтійскаго моря до Нѣмецкаго. На юго-востокѣ арміи Карла Великаго встрѣтили также страну защищенную земляными валами: монахъ Сенгалленскій, разсказывая походъ сына Карла Великаго Пипина на аваровъ (796 г.), сообщаетъ подробное описаніе девяти концентрическихъ линій валовъ, которыми опоясана была страна аваровъ и которыя представляли главное препятствіе для завоеванія этой страны франками. Въ X в. германскіе императоры продолжали еще возводить на границахъ своихъ владѣній земляные валы; такъ около 970 года при Оттонѣ I насыпанъ былъ длинный валъ вдоль сѣверной границы Гольштиніи для защиты этой страны отъ датчанъ.

При постоянныхъ столкновеніяхъ полабскихъ славянъ съ германцами, установившаяся у послѣднихъ фортификаціонная система была заимствована и примѣнена славянами для защиты своей земли. Славянскія нѣкогда земли, лежавшія на пдощади нынѣшней Саксоніи, Брандебурга и Силезіи, представляютъ цѣлую сложную систему земляныхъ валовъ и рвовъ, которые тянутся на протяженіи сотень верстъ и охватываютъ обширные округи. Такія насыпи окружаютъ древнюю Миснію и верхнюю Лужицу, и вообще наполняютъ въ разныхъ направленіяхъ всю область отъ Саалы на западѣ до Одера и Варты на востокѣ [1]).

---

[1]) Весьма подробныя свѣдѣнія о валахъ и рвахъ полабскихъ и лужицкихъ собраны въ сочиненіи Шустера: Oscar Schuster—Die alten Heidenschanzen Deutschlands mit specieller Beschreibung des Oberlausitzer Schanzensystems. Dresden. 1869.

Отъ полабскихъ славянъ фортификаціонная система правдоподобно заимствована была поляками. Длинные валы окружаютъ разные округи Силезіи, составляя какъ-бы продолженіе лужицкихъ укрѣпленій; затѣмъ такіе-же круги валовъ охватываютъ всю озерную систему Гопла въ Великой Польшѣ, простираясь между рр. Вартою и Нотецью [1]).

Такимъ образомъ изъ этого краткаго обзора мы видимъ, что укрѣпленіе границъ линіями и кругами длинныхъ земляныхъ валовъ введено было римлянами, отъ нихъ заимствовано германцами и затѣмъ западными славянами; у германцевъ такія фортификаціонныя работы возводились еще въ IX и X столѣтіяхъ, слѣдовательно въ это время отвѣчали еще стратегическимъ условіямъ защиты страны отъ иноземнаго вторженія.

Если обратимся къ историческимъ свидѣтельствамъ о кіевскихъ валахъ, то найдемъ лишь немногочисленныя о нихъ свидѣтельства. Лѣтописи упоминаютъ пять разъ (1093, 1095, 1149, 1151 и 1169) о валахъ въ кіевскомъ и переяславскомъ княженіяхъ и упоминанія эти свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что валы уже существовали, но не служили уже повидимому для стратегическихъ цѣлей; лѣтописецъ пользуется лишь существованіемъ вала для того, чтобы точнѣе обозначить топографическое положеніе мѣстностей, по которымъ проходили княжескія дружины или гдѣ происходили боевыя стычки. Такъ подъ 1093 годомъ, описывая неудачный походъ князей: Святополка, Владиміра Мономаха и Ростислава противъ половцевъ, осаждавшихъ Торческъ, лѣтописецъ говоритъ, что князья переправились черезъ Стугну у Триполья, прошли валъ и здѣсь встрѣтили половцевъ. „Нашимъ-же ставшимъ межи валома и поставиша стяги своя и изидоста стрѣльцы по валу“ [2]). Очевидно лѣтописное указаніе относится къ тѣмъ двумъ валамъ, которые начинаются около Триполья весьма близко другъ отъ друга на устьѣ Стугны и потомъ расходятся: одинъ параллельно теченію Стугны, другой вдоль теченія Красной.

Подъ 1095 годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописи разсказъ о неудачной попыткѣ половецкихъ хановъ, Итляра и Китяна, заключить

[1]) Schuster, op. cit., стр. 103—109. Kraszewski. Sztuka u Sławian, стр. 93—94.

[2]) Ипатская лѣтоп., стр. 153. Лаврентьевская лѣт., стр. 212.

мирный договоръ съ Мономахомъ. Оба хана подошли къ стольному граду Владиміра—Переяславлю; Итляръ со свитою вошелъ въ городъ, Китянъ-же съ ордою „ста межи валома", взявъ въ заложники сына Мономаха—Святослава. Но на совѣтѣ Владиміра рѣшено было, чтобы вмѣсто заключенія договора избить хановъ и пришедшую съ ними орду и потому ночью кіевлянинъ Славата отправился съ частью переяславской дружины и съ торками „межи валы", успѣлъ сначала „выкрасть" Святослава, а потомъ избилъ Китяна и его рать [1]). Въ этомъ отрывкѣ лѣтопись конечно говоритъ о двухъ валахъ, окаймляющихъ съ юга Переяславль. Къ тѣмъ-же валамъ относится и слѣдующее упоминаніе лѣтописи, записанное подъ 1149 годомъ: во время распри Юрія Долгорукаго съ Изяславомъ Мстиславичемъ, Юрій осадилъ Переяславль, но, узнавъ о приближеніи Изяслава, отступилъ отъ города и „*ста межи валома*"; за нимъ послѣдовалъ Изяславъ и здѣсь, у Янчина сельца, произошла рѣшительная битва, кончившаяся полною побѣдою Юрія [2]).

Подъ 1151 годомъ лѣтопись два раза упоминаетъ о валѣ, и оба раза, по видимому, слѣдуетъ указанныхъ лѣтописью частей вала искать на той линіи, которая пролегаетъ южнѣе Стугны и не доходя истоковъ этой рѣки, переходитъ на Унаву. Въ названномъ году Юрій Долгорукій, добиваясь кіевскаго стола, осадилъ Бѣлгородъ, но когда горожане отказались сдать ему крѣпость, то онъ отступилъ вверхъ по Ирпеню къ Черневу (Черногородкѣ?) и оттуда „иде за валъ и ста у Бзяницѣ" на Перепетовомъ полѣ, наджидая прихода своего союзника, князя Владиміра Галицкаго. Узнавъ объ этомъ движеніи, Изяславъ выступилъ изъ Кіева и пройдя Звенигородъ и Васильковъ, гдѣ переправился черезъ Стугну, „пришедше къ валови, и не проходяче къ валу, ту и сташа полки своими"; въ теченіи трехъ дней между обоими ратями происходили незначительныя стычки, имѣвшія повидимому цѣлью заманить Юрія въ битву такъ, чтобы рать Изяслава могла вступить въ бой подъ прикрытіемъ вала; но когда разсчетъ этотъ не удался, то Изяславъ, вмѣстѣ съ своими союзниками, „въ четвертый день преже солнца пройдоша валъ на чистое поле и пойдоша битися, гдѣ-же

[1]) Лаврентіевская лѣтопись, стр. 219—230.
[2]) Та же, стр. 305—306.

стояше Юрій". Затѣмъ послѣдовала битва на верховьяхъ рѣки Рутка, кончившаяся совершеннымъ пораженіемъ Юрія и его союзниковъ [1]).

Наконецъ о валахъ лѣтопись упоминаетъ послѣдній разъ подъ 1169 годомъ по поводу междоусобія, вспыхнувшаго между Мстиславомъ Изяславичемъ и его дядею Владиміромъ и другими родственниками. Мстиславъ выступилъ изъ Кіева къ Вышгороду, гдѣ затворился Владиміръ, и „пришедъ, ста по горѣ отъ бору, а пѣшци постави по валови". Очевидно здѣсь рѣчь идетъ о томъ отрѣзкѣ вала, который понынѣ проходитъ сѣвернѣе Вышгорода, между этимъ селомъ и Петровцами—отъ стороны бору [2]).

Немногими приведенными мѣстами исчерпывается все то, что лѣтопись сообщаетъ намъ о кіевскихъ валахъ. По отрывкамъ этимъ мы можемъ констатировать существованіе зміевыхъ валовъ съ конца XI столѣтія, но не находимъ никакого указанія на время ихъ возникновенія; за то указаніе это мы встрѣчаемъ въ одномъ иностранномъ памятникѣ начала XI столѣтія, именно дошедшемъ отъ 1008 года до насъ письмѣ, писанномъ Бруноном, архіепископомъ мерзебурскимъ къ императору германскому, Генриху II. Одинъ отрывокъ этого письма имѣетъ связь съ занимающимъ насъ предметомъ. Направляясь въ качествѣ миссіонера въ страну печенѣговъ, Брунонъ гостилъ нѣкоторое время въ столицѣ русскаго князя. „Князь руссовъ, пишетъ онъ, обладающій большимъ государствомъ и значительными богатствами, удержалъ меня въ продолженіи цѣлаго мѣсяца противъ моей воли; онъ усиленно упрашивалъ меня, чтобы я не ходилъ къ столь неистовому народу, утверждая, будто я добровольно ищу собственной гибели, будто я ничего не успѣю относительно спасенія душъ (язычниковъ) и обрѣту лишь позорную смерть. Но, когда оказалось, что онъ не былъ въ состояніи убѣдить меня и когда при томъ нѣкоторое видѣніе, касавшееся меня грѣшнаго, навело на него ужасъ, онъ въ продолженіи двухъ дней проводилъ меня съ отрядомъ войска до границъ своего государства, которыя онъ, для безопасности отъ враговъ кочевниковъ, *окружилъ со всѣхъ*

---

[1]) Ипатская лѣтопись, стр. 300—301.

[2]) Также, стр. 365—366.

сторонъ весьма длинною и крѣпкою оградою [1]). Здѣсь онъ соскочилъ съ коня и мы вышли изъ воротъ: я съ своими спутниками шелъ впереди, онъ съ своими вельможами слѣдовалъ за нами. За воротами онъ сталъ на одномъ курганѣ, я на другомъ и, держа въ рукахъ крестъ, я пропѣлъ возвышенный тропарь: „Если любишь меня Петръ, паси мои овцы“! Когда спутники мои пропѣли кондакъ, князь прислалъ ко мнѣ одного изъ вельможъ своихъ съ слѣдующимъ увѣщаніемъ: „я привелъ тебя къ предѣлу, гдѣ кончается моя земля и гдѣ начинается область враговъ. Именемъ Господа взываю къ тебѣ, не губи къ моему безславію своей юной жизни. Я увѣренъ, что завтра передъ вечеромъ ты безплодно и безцѣльно подвергнешься позорной смерти“. Въ отвѣтъ я передалъ: „да откроетъ тебѣ Господь царство небесное, подобно тому, какъ ты намъ открылъ путь въ землю язычниковъ“ [2]).

Изъ приведеннаго свидѣтельства Брунона видно, что одинъ изъ валовъ, окружавшихъ Кіевъ, былъ возведенъ княземъ, управлявшимъ страною въ 1008 году, т. е. Владиміромъ святымъ. Сооруженіе этого вала вѣроятно произошло одновременно съ усиленною постройкою Владиміромъ городовъ на Деснѣ, Острѣ, Трубежѣ и Стугнѣ, о которой разсказываетъ кіевская лѣтопись подъ 988 годомъ и которую Владиміръ предпринялъ потому, что „бѣ рать отъ печенѣгъ и бѣ воюяся съ ними и одоляя имъ“ [3]). Тотъ валъ, сквозь который проходилъ Брунонъ и который, по его словамъ, окружалъ кольцемъ (undique) владѣнія русскаго князя, находился въ двухъ дняхъ пѣшаго пути отъ столицы: на основаніи этихъ данныхъ мы полагаемъ, что у Брунона рѣчь идетъ о той линіи Зміеваго вала, которая, начинаясь у Триполья (50 верстъ отъ Кіева), проходитъ черезъ Мытницу (42 версты отъ Кіева) и Бышевъ (50 верстъ отъ Кіева) къ Здвижу и Тетереву; миссіонеръ, шедшій въ печенѣжскую степь, долженъ былъ пройти черезъ южную вѣтвь этого вала, между Трипольемъ и Васильковымъ.

---

[1]) Ad regni sui terminum ultimum, quem, propter vagum hostem, firmissima et longissima sepe undique circumclausit.

[2]) Bielowski—Monumenta Poloniae historica, т. I, стр. 224—225.

[3]) Лаврент. лѣтоп., стр. 119.

О другихъ линіяхъ Зміеваго вала мы не имѣемъ указаній, подобныхъ Брунонову, но полагаемъ, что по теченію Роси они могли возникнуть тогда, когда Ярославъ раздвинулъ къ югу предѣлы своего государства до Роси и рѣшился укрѣпить границу по этой рѣкѣ, подобно тому, какъ отецъ укрѣпилъ ее по Стугнѣ. Подъ 1031—1032 годами лѣтопись передаетъ намъ, что „Ярославъ поча ставити городы на Роси и многи Ляхи (военноплѣнныхъ) приведе и посади на Роси“ [1]). Вѣроятно лѣтопись при этомъ умолчала о насыпкѣ поросьскаго вала, подобно тому, какъ умолчала о сооруженіи вала постугнянскаго, во время постройки городовъ по этой рѣкѣ въ 988 году.

Если сведемъ всѣ свѣдѣнія, какія намъ удалось собрать о Зміевыхъ валахъ, то полагаемъ можемъ прійти на ихъ основаніи къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Географическое расположеніе валовъ и положеніе сопровождающихъ ихъ рвовъ указываетъ на то, что валы возведены были для защиты отъ кочевниковъ той территоріи, въ центрѣ которой лежалъ Кіевъ.

2) Такъ какъ опасность отъ кочевниковъ угрожала по преимуществу со стороны южныхъ степей, то и валы сосредоточены главнымъ образомъ на южной границѣ древней кіевской области, опираясь на рѣку Рось и ея притоки—Красную и Стугну, и представляя съ южной стороны до 5 параллелей, расположенныхъ одна за другою.

3) Система огражденія областей длинными земляными валами не составляла особенности кіевской Руси; она была заимствована съ запада; римляне сообщили ее германцамъ, отъ которыхъ она перешла къ славянамъ. На западѣ земляные валы возводились еще до конца X столѣтія.

4) Мы имѣемъ свидѣтельство Брунона, дополняющее русскую лѣтопись о томъ, что Владиміръ св. возводилъ на границахъ своего государства валы для защиты отъ печенѣговъ также въ концѣ X столѣтія.

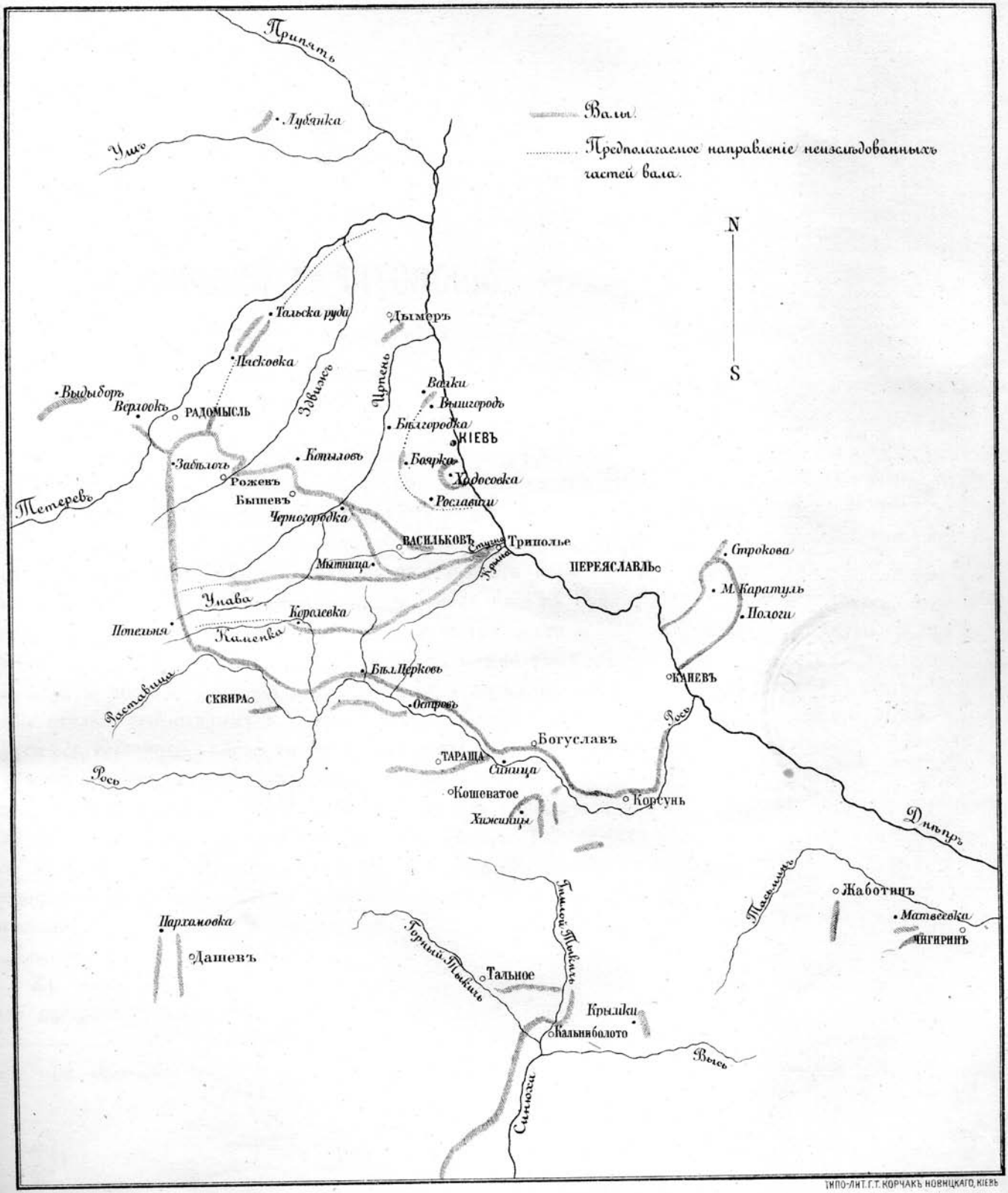
---

[1]) Также стр. 146.

5) Изъ сличенія народныхъ легендъ съ лѣтописною можно вывести заключеніе, что „Змій“, отъ имени котораго названы валы, есть не что иное, какъ миѳическій символъ, подъ которымъ скрывается забытое уже представленіе о печенѣгахъ.

6) Съ исходомъ XI столѣтія, судя по лѣтописнымъ указаніямъ, валы потеряли свое фортификаціонное назначеніе.

В. Антоновичъ.



ТИПО-ЛИТ. Г.Т. КОРЧАКЪ НОВИЦКАГО, КІЕВЪ

ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ.

(Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1]).

Церковно-общественная жизнь польской и южно-русской интеллигенціи второй половины семнадцатаго вѣка многими своими сторонами напоминаетъ религіозное настроеніе и церковно-литературные порядки и вкусы западно-европейскаго общества въ глухое средневѣковье. Изъ іезуитскихъ коллегіумовъ, появившихся въ Польшѣ и въ Литвѣ въ XVI и XVII ст., выросли давно уже на Западѣ заглохшія сорныя травы суевѣрій, религіозной нетерпимости и ханжества. Безъ опасенія впасть въ погрѣшность можно утверждать, что іезуиты послали польскій и южно-русскій разумъ въ школу, чтобы сдѣлать его слѣпымъ и одностороннимъ. Въ Польшѣ, Литвѣ и Руси искусственнымъ образомъ были укрѣплены устарѣлыя формы и обветшалое содержаніе западно-европейской жизни, что въ особенности обнаружилось въ наукѣ и литературѣ. На первый взглядъ кажется, что въ лицѣ Галятовскаго воскресъ Цезарій Гейстербахскій или Яковъ де Ворагине. Эту странную иллюзію вызываетъ необыкновенное сходство „Неба Новаго“ и „Софіи мудрости“ Галятовскаго съ такими произведеніями, какъ „Dialogus miraculurum“ и „Legenda aurea“.

Къ числу весьма характерныхъ чертъ религіозно-нравственнаго настроенія польскаго и южно-русскаго общества второй по-

---

[1]) См. «Кіевская Старина», 1884 г., фер. кн., стр. 183—204.

ловины семнадцатаго вѣка принадлежитъ весьма своеобразное, вполнѣ средневѣковое по духу и внѣшней формѣ, прославленіе пресвятой Дѣвы, весьма отличное отъ того смиреннаго и безыскусственнаго почитанія, которое воздавали Ей въ московскомъ государствѣ. Польскій проповѣдникъ второй половины XVII в., іезуитъ Ѳома Млодзяновскій называетъ пресвятую Богородицу польской королевой, причемъ увѣряетъ, что она сама такъ назвала себя. По мнѣнію Млодзяновскаго, Польшу отъ окончательной гибели во время турецкаго нашествія въ 1676 г. спасло то важное обстоятельство, что, кромѣ особеннаго благоволенія Господа, Польша находится еще подъ покровительствомъ пресвятой Дѣвы [1]). Южно-русскіе проповѣдники усердно плели изъ своихъ напыщенныхъ „казаній вѣнокъ“ для Богородицы или устраивали для нея „садъ“. Они объясняли, изъ какихъ нитокъ сшито было платье Богоматери, изъ какихъ камней была составлена ея корона, какъ украшенъ ея дворецъ. При крайней матеріализаціи высоко-чтимаго образа пресвятой Дѣвы, въ южной Россіи развилась наклонность къ собиранію разсказовъ о ея чудесахъ.

Въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ Галятовскій выбиралъ изъ разныхъ книгъ сказанія о чудесахъ пресвятой Богородицы. Въ концѣ „Ключа“ приведено сто чудесъ пресвятой Дѣвы, какъ пособіе для амплификаціи проповѣдей. Въ 1665 году Галятовскій издалъ во Львовѣ цѣлую книжку о чудесахъ Богоматери, подъ заглавіемъ: „Небо новое съ новыми звѣздами сотворенное, т. е. преблагословенная Дѣва Марія Богородица съ чудами своими, составленное трудолюбіемъ іеромонаха Іоанникія Галятовскаго, ректора и игумена братства кіевскаго“. „Небо“ имѣло три изданія: львовское 1665 года на польскомъ и малорусскомъ языкѣ [2]), черниговское 1677 года на малорусскомъ языкѣ и могилевское 1699 года на малорусскомъ языкѣ. „Небо“ было въ 1677 года переведено на русскій языкъ дьякономъ звенигородскаго Саввы Сторожевскаго монастыря Ѳеофаномъ [3]). Новѣй-

---

[1]) Мацѣевичъ. «Труды К. Дух. акад.» 1870. Іюль. 263.

[2]) Wisznewski, Hist. liter., VIII. 393. Одинъ экземпляръ «Неба» находится въ библіотекѣ харьк. дух. семинаріи.

[3]) Бычковъ, библіологич. словарь Строева. 1882. стр. 132.

шій русскій переводъ сдѣланъ въ Москвѣ въ 1851 году А. Плоховымъ [1]).

На первой страницѣ заглавнаго листа изображена пресвятая Богородица, окруженная ангелами и въ одеждѣ, усѣянной звѣздами. На второй страницѣ того-жъ листа въ изданіи 1665 г. находится гербъ Могилъ и посвященіе книги двоюродной сестрѣ Петра Могилы, Аннѣ Потоцкой, а въ изданіи 1677 и 1699 г. изображено крещеніе Спасителя. На третьей страницѣ находится обращеніе къ „ласкавому чительнику“, въ которомъ объясняется цѣль изданія книги: „Тыи чуда пресвятой Богородицы могутъ священники въ церкви читать, на утрени, для науки людямъ и на похвалу пресвятой Богородицы. На праздники Богородичные могутъ читать и законники въ церкви, того-жъ часу, могутъ читать и въ трапезѣ, подчасъ обѣда албо вечери; зъ тыхъ чудовъ могутъ и казнодѣи помочь мѣти до казаня на праздники Богородичные и на иншіи свята и недѣли, и на погребы, и на оказіи розныи, беручи ихъ и аппликуючи до своеи мовы, що знайдуется въ моихъ казаняхъ многихъ; тыми чудами могутъ всѣ христіяне православные вѣру свою спирати и всѣмъ людямъ невѣрнымъ, геретикомъ, жидомъ и поганомъ отпоръ давати, и сами ся въ добрыхъ учинкахъ будовати и дѣдичами царствія небеснаго зостати“. На листахъ 1—4 находятся пророчества Сивиллъ о 12 чудесахъ Богородицы.

Всѣхъ чудесъ въ „Небѣ“ 445; распредѣлены они по 28 отдѣламъ: чудеса при рождествѣ пресвятой Богородицы, во время ея пребыванія въ храмѣ, во время рождества Іисуса Христа, отъ имени пресвятой Дѣвы, отъ ея перстня, надъ монахами, больными, умершими, жидами, язычниками и проч. Въ распредѣленіи чудесъ замѣтна искусственность и хаотичность.

Галятовскій черпалъ сказанія о чудесахъ Богородицы изъ разнообразныхъ источниковъ, изъ житій святыхъ, описаній чудотворныхъ иконъ, историческихъ сочиненій. Онъ пользовался почти исключительно латинскими источниками. „Prawda, писалъ Рутка въ 1696 г., ze pisali teraz schizmaticy kazania, jak przeciw żydow jako i mahometanow, ale cokolwiek tam jest dobrego, pięknego i

[1]) Пекарскій, наука и литер. при Петрѣ В. II. 19.

mądrego, to się z authorow łacinskich pobrało. Co się widzieć daje z authora „Nowego Nieba“. Bo w tym Niebie naprzod znaydziesz i spiac Dormi secure Anzelma, Suriusza, Karthagena, Marchauciusza, Boziusza, Bellowaceńskiego Vincenciusza i inszych. A schysmatykom Pan Bog nie dał tego, według nauki Ducha Swiętego: „do dusze złej woli nie wnidzie Duch mądrośći“ [1]).

Нѣтъ надобности доказывать, что „Небо“ Галятовскаго никогда не имѣло того образовательнаго и воспитательнаго значенія, какое ему приписывалъ благочестивый авторъ. Довольно важно другое значеніе этого литературнаго памятника, которое Галятовскій ни мало не предвидѣлъ,—значеніе историко-литературное. Нѣкоторые религіозные разсказы и легенды, циркулирующіе въ настоящее время въ народѣ, проникли въ Малороссію черезъ „Небо“ Галятовскаго. Чтобы не отклоняться въ сторону отъ нити изслѣдованія, можно ограничиться однимъ примѣромъ. Въ XIII вѣкѣ въ Германіи существовалъ разсказъ о томъ, какъ одинъ живописецъ изобразилъ на холстѣ Богоматерь и чорта. Чортъ былъ представленъ безобразнымъ, и Богоматерь попирала его ногами. Демонъ, какъ и слѣдовало ожидать, обидѣлся. Онъ выдернулъ изъ-подъ живописца скамью, чтобы живописецъ разбился; но Богоматерь поддержала его на воздухѣ и такимъ образомъ посрамила чорта [2]). Подобнаго рода разсказъ нынѣ циркулируетъ въ украинскомъ простонародьѣ. Сходство между средневѣковыми нѣмецкими и современными малорусскими разсказами о чортѣ и живописцѣ до такой степени велико, что малорусскіе разсказы необходимо признать простымъ пересказомъ сказаній нѣмецкихъ. У Галятовскаго разсказъ о живописцѣ и чортѣ встрѣчается въ „Небѣ“, въ XXI отдѣлѣ, и мы склонны думать, что именно Галятовскій, пользовавшійся при составленіи „Неба“ средневѣковыми сочиненіями, пересадилъ этотъ разсказъ на малорусскую почву, гдѣ онъ и принялся. Изслѣдователямъ исторіи малорусскихъ народныхъ преданій, разсказовъ и легендъ придется обратиться къ изученію вышедшихъ во второй половинѣ XVII ст. сборниковъ чудесъ, и, быть можетъ, изученіе

[1]) Treoph. Butka, Herby abo znaki kościoła prawdziwego. 1696. стр. 208. (Одинъ экз. «Гербовъ» находится въ библ. харьк. дух. семин.).

[2]) Roskoff. Geschichte des Teufels. II. 203.

этихъ сухихъ и безцвѣтныхъ памятниковъ украинской старины броситъ свѣтъ на исторію украинскихъ народныхъ легендъ, опредѣлитъ, какія изъ этихъ легендъ возникли въ самой Украйнѣ, а какія забрели съ чужбины и акклиматизировались въ Малороссіи.

Въ „Небѣ“ встрѣчаются чудеса, любопытныя для изслѣдователя исторіи демонологіи. Такъ, Богородица привязала чорта къ столбу, и монахи его избили (XXIV, 15); демоны производятъ свѣтъ отъ тѣлъ еретиковъ, чтобы люди поклонялись имъ, какъ мощамъ (XX, 6); демоны, живущіе въ идолахъ, совѣтуютъ посвятить языческій храмъ Богородицѣ (XXI. 3—4) и друг.

Излагая чудеса отъ иконъ пр. Богородицы, Галятовскій говоритъ преимущественно объ иконѣ купятицкой и иконѣ печерской. Впослѣдствіи Галятовскій описалъ чудеса елецкой иконы Богоматери. Эти три иконы были особенно почитаемы Галятовскимъ, какъ устроительницы и руководительницы его въ разные періоды жизни,—икона купятицкая въ молодости, икона печерская въ зрѣломъ возрастѣ, икона елецкая въ старости.

Краевой южно-русскій элементъ въ „Небѣ„ незначителенъ. Въ XXII—XXVIII отдѣлахъ находится довольно много чудесъ Богородицы въ предѣлахъ Малороссіи; но чудеса эти большею частью заимствованы изъ книгъ и по содержанію однообразны,—говорится большею частью о монахахъ, видѣвшихъ во снѣ или на яву Богородицу (XXIV 21—27; XXVI 22; XXVIII 7, 15, 18, 22). Въ одномъ мѣстѣ (XXVIII 17) встрѣчается довольно любопытное историческое преданіе, записанное изъ устъ народа. „Въ Малороссіи, въ галицкомъ повѣтѣ, говоритъ Галятовскій, есть городъ Заваловъ, получившій названіе отъ древнихъ валовъ. Повѣдаютъ старые духовные и свѣтскіе люди, которые отъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ слышали, что Бунякъ (яко они мовятъ), але рачей Батый, татарскій царь, разоряя русскую землю, встрѣтилъ воеводу Романа, который окопался тремя валами. Романъ видѣлъ св. Николая, который велѣлъ ему сразиться съ татарами и на мѣстѣ побѣды надъ ними построить церковь во имя пр. Богородицы. Романъ побѣдилъ татаръ и построилъ на мѣстѣ побѣды монастырь, подъ названіемъ „Погоня“, съ церковью Успенія пр. Богородицы“.

1665—1669 годы самые темные въ жизни Галятовскаго, темные въ томъ смыслѣ, что о нихъ почти ничего неизвѣстно. Въ

1665 г. академія была разорена и ректорство Галятовскаго фактически прекратилось. Въ 1667 г. Галятовскій, по порученію Лазаря Барановича, ѣздилъ въ Литву. Въ этомъ году между московскимъ правительствомъ и нѣкоторыми знатными польскими панами шли переговоры о возведеніи на польскій престолъ царевича Алексѣя Алексѣевича. Сторонникъ Москвы, Лазарь Барановичъ былъ заинтересованъ въ вопросѣ объ избраніи въ польскіе короли московскаго царевича. Можно думать, что Галятовскій ѣздилъ въ Литву въ интересахъ царевича. Такое предположеніе находитъ опору въ одномъ письмѣ Барановича, гдѣ одновременно говорится о желаемомъ избраніи царевича въ польскіе короли и о возвращеніи Галятовскаго изъ Литвы. „Вся Литва и сильнѣйшая партія въ Польшѣ, писалъ Барановичъ Симеону Полоцкому въ 1668 г., желаютъ, чтобы у нихъ былъ королемъ его милость царевичъ. Честный отецъ Галятовскій прибылъ изъ Литвы въ Черниговъ, точно какъ отъ дождя подъ водосточный жолобъ; онъ, какъ очевидецъ, умѣетъ разсказать объ ужасахъ войны; развѣ, говоритъ онъ, на страшномъ судѣ страшнѣе будетъ. Тамъ (?), по тоему старанію, Демко, сѣверскій гетманъ (рѣчь идетъ о Многогрѣшномъ), заключилъ союзъ съ княземъ Ромодановскимъ, перемиріе“... Быть можетъ, и въ заключеніи этого перемирія участвовалъ Галятовскій. Впрочемъ участіе Галятовскаго въ этомъ дѣлѣ могло быть лишь незначительно, такъ какъ Демьянъ Многогрѣшный вступилъ въ переговоры съ Ромодановскимъ въ концѣ 1668 г. въ Черниговѣ, гдѣ пребывалъ самъ Барановичъ и въ посредничествѣ Галятовскаго не могло быть надобности.

Политическія дѣла, безпокоившія Галятовскаго въ смутное въ исторіи Малороссіи время гетманствъ Брюховецкаго и Многогрѣшнаго, не помѣшали ему однако подготовить для печати крупное изслѣдованіе о правдивомъ, истинномъ Мессіи. Въ предисловіи къ „Мессіи правдивому“ Галятовскій говоритъ, что сочиненіе это издается на трехъ языкахъ: латинскомъ, польскомъ и русскомъ. О существованіи латинскаго „Мессіи“ не имѣется никакихъ свидѣтельствъ. На польскомъ языкѣ „Мессія“ изданъ въ 1668 г., на русскомъ въ 1669 г. [1]). Содержаніе польскаго „Messiasza“ и рус-

[1]) Въ библіотекѣ харьк. духовн. семин. находится 1 экз. «Мессіи» и 1 экз. «Messiasza».

скаго „Мессіи", за исключеніемъ начальной виньетки и предисловія, тождественно. На первой страницѣ заглавнаго листа польскаго „Мессіяша" изображенъ московскій гербъ (двуглавый орелъ съ Георгіемъ Побѣдоносцемъ въ серединѣ); въ русскомъ „Мессіи" изображенъ прор. Іезекіиль, держащій въ правой и лѣвой рукахъ по жезлу, которые на верху страницы оканчиваются изображеніями ап. Петра и ап. Матѳея; между ними изъ-за разодранной занавѣсы выступаетъ Іисусъ Христосъ. Польскій „Мессіашъ" посвященъ московскому царю, который будто бы ненавидѣлъ жидовъ; русскій „Мессія" посвященъ самому Іисусу Христу, причемъ, странно сказать, прилагается гербъ Господа: крестъ въ кругѣ. Въ посвященіи книги Іисусу Христу говорится: „Созданіе рукъ Его, сей книги создатель, сію книгу Ему самому, какъ своему и сей книги начальнику создателю, офѣруетъ и дедикуетъ. Пріими, Мессія правдивый, сію книгу, потому что въ сей книгѣ я написалъ противъ непріятелей Твоихъ жидовъ, которые Тебя преслѣдовали и ученіе Твое хулили, а Ты меня за то избавь отъ всѣхъ непріятелей моихъ, видимыхъ и невидимыхъ, которые меня преслѣдуютъ и хулятъ по-жидовски, или хотятъ хулить Твои божественныя слова, исходящія изъ устъ моихъ на хвалу Твою. Да постыдятся тѣ, которые меня гонятъ; да устрашатся они; наведи на нихъ день озлобленія и сугубымъ сотрясеніемъ сотряси ихъ"... Въ дальнѣйшихъ строкахъ посвященія обнаруживается такое же наивное отношеніе автора книги къ Іисусу Христу: „Я написалъ въ этой книгѣ имя Твое, а Ты за то напиши мое имя въ книгѣ живота. Малое прошеніе мое вношу въ уши Твои, надѣясь больше получить отъ Тебя за трудъ мой, чѣмъ я прошу"... Далѣе слѣдуютъ строки автобіографическаго характера: „Помяни, Господи, Іоанникія, и всѣ труды, и трудности, и исходы, и небезпеченства, и болѣзни, и всѣ утраченія мои, которыя сію книгу я на хвалу Твою пишучи поднялъ; виждь смиреніе мое и трудъ мой и отпусти мнѣ всѣ грѣхи. Не имѣя своей обители, слоняюсь по свѣту, въ чужихъ обителяхъ сію книгу написалъ, что сопряжено съ затрудненіемъ".

Въ 1803 г. въ Москвѣ вышелъ переводъ „Мессіи правдиваго" на современный русскій языкъ. Переводчикъ, Космодемьянскій, не обозначилъ имени Галятовскаго, а только замѣтилъ на заглавномъ листѣ: „переводъ съ иностраннаго". Переводъ посвященъ Левашову:

Измѣненія значительны: вступленіе Галятовскаго сокращено, отброшены ссылки на источники, выброшено обвиненіе евреевъ въ разныхъ преступленіяхъ и сокращено число „знаковъ“, т. е. прообразовъ Мессіи (19 вмѣсто 24) [1]).

Послѣ „Предмовы“ находится 1) благословеніе и похваленіе кіев. митр. Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго 1669 г., 2) благословеніе и похваленіе черниг. архіеп. Лазаря Барановича, 3) похваленіе игумена минскаго монастыря, Іосифа Ходоновича, 18 окт. 1667 г. и 4) стихотворная похвала ректора и игумена кіево-братск. монастыря Варлаама Ясинскаго. Интересна хронологическая дата при похваленіи Ходоновича, свидѣтельствующая во первыхъ о томъ, что Галятовскій давалъ свое сочиненіе въ рукописи для прочтенія выдающимся православнымъ духовнымъ лицамъ, во вторыхъ, что „Мессія правдивый“ былъ составленъ не позже половины 1667 года. Благословенія и похваленія были одною изъ отличительныхъ чертъ литературныхъ нравовъ XVII в. Аппробаціи были обычны и въ Польшѣ. Съ одной стороны онѣ имѣли характеръ цензурнаго одобренія, съ другой стороны служили своего рода рецензіей со стороны лица авторитетнаго, предварительно расположеннаго къ одобрительному отзыву о сочиненіи.

Для Малороссіи искони два обстоятельства составляли несчастье. Во первыхъ ея бѣдственное топографическое положеніе: Малороссія—„горохъ при дорозѣ“. Много разъ расхищали ея достояніе добрые и недобрые сосѣди. Разные народы толкались по ней, въ ущербъ ея національной самостоятельности, ея культурному благосостоянію. Во вторыхъ въ этнографическомъ составѣ малорусскаго населенія издавна весьма значительный процентъ составляютъ евреи, племя всегда внутренно презиравшее пріютившій его народъ, всегда дѣйствовавшее въ ущербъ туземному населенію. Евреи проживали въ южной Россіи со времени глубокой древности. По временамъ они настолько усиливались и такъ эксплуатировали мѣстное, коренное, собственно украинское населеніе, что вызывали возстанія и погромы. Въ 1113 г., по лѣтописнымъ извѣстіямъ, въ Кіевѣ былъ погромъ евреевъ. Въ началѣ XVI в. малороссы изби-

[1]) Одинъ экземпляръ этого перевода находится въ библіотекѣ харьковской духовной семинаріи.

вали евреевъ. При Богданѣ Хмельницкомъ произошло безпощадное избіеніе евреевъ въ предѣлахъ Малороссіи, и народъ сложилъ веселую пѣсеньку:

Та не буде лучче,
Та не буде краще,
Якъ у насъ на Украині;
Нема жида, нема ляха,
Нема и уніи.

Отсутствіе евреевъ было непродолжительно. Въ концѣ семнадцатаго столѣтія они снова стали появляться въ казацкой странѣ, привлекаемые откупами съ торговли виномъ и нѣкоторыми другими предметами доходовъ.

Во второй половинѣ XVII в. среди южно-русскихъ евреевъ обнаружилось сильное волненіе, вызвавшее сочиненіе Галятовскаго „Мессія правдивый“. „Въ 1666 г., говорится въ предисловіи къ „Мессіи“, во всей Малороссіи, въ в. княжествѣ литовскомъ, въ Польшѣ и въ пограничныхъ странахъ жидовское невѣріе высоко подняло свои рога. На Востокѣ, въ Смирнѣ появился лже-мессія Сабефа. Онъ увлекъ жидовъ ложными чудесами и обѣщалъ имъ возвратить Іерусалимъ и Палестину и освободить ихъ отъ подчиненія христіанскимъ народамъ. Жиды надѣялись, что Сабефа возьметъ ихъ на облако и перенесетъ въ Іерусалимъ. Они постили по нѣсколько дней въ недѣлю, въ зимнее время купались въ проруби, произнося новосоставленную молитву, отчего иные простудились и умерли. Днемъ и ночью жиды ходили въ синагогу и молились о скорѣйшемъ пришествіи Мессіи. Жиды стали смѣяться надъ христіанами и грозить имъ, говоря: мы будемъ вашими господами; ваши короли, князья, гетманы, воеводы, сенаторы и всѣ вообще сильные христіане будутъ у жидовъ пастухами, жнецами, работниками, будутъ рубить дрова и топить печи, и все дѣлать, что прикажутъ жиды, должны будутъ принять жидовскую вѣру и поклониться мессіи Сабефѣ и его пророку Нафану Леви“. Жиды смѣялись и надъ Іисусомъ Христомъ. Нѣкоторые малодушные христіане начали сомнѣваться, дѣйствительно ли Іисусъ Христосъ настоящій Мессія, начали даже склоняться мыслью къ жидовскому лже-мессіи. Движеніе, вызванное среди украинскихъ евреевъ появленіемъ на Востокѣ Сабефы, было настолько значительно, что на него обратили

вниманіе и малорусскіе лѣтописцы. „Того жъ року (1666), говоритъ Самуилъ Величко, въ панствѣ турецкомъ, нѣякійсь Сабета, начальникъ жидовскій, провозгласилъ былъ себя лживаго мессіяша, котораго турчинъ вскорѣ велѣлъ поймати и повѣсити на шебеницѣ“ [1]). Въ шестидесятыхъ годахъ XVII ст., до выхода въ свѣтъ „Мессіи правдиваго“, въ южной Россіи было уже составлено неизвѣстнымъ лицомъ сочиненіе противъ Сабефы, подъ заглавіемъ: „Дивный початокъ и странный конецъ“. Галятовскій пользовался этимъ сочиненіемъ при составленіи своего „Мессіи правдиваго“. [2]).

При составленіи сочиненія о „Мессіи правдивомъ“ Галятовскій пользовался письменными и устными источниками. Главные письменные источники: муч. Юстинъ, Іоаннъ Златоустъ, Юліанъ Померій, Павелъ Буржскій, Маркъ Корина, Іоаннъ Людовикъ, Ѳома Брюссельскій и Цезарь Бароній. „Для уясненія жидовскихъ мнѣній о Мессіи, говоритъ Галятовскій, я ѣздилъ по разнымъ городамъ и селамъ, нарочито разговаривалъ съ учеными жидами о Мессіи, доказывалъ имъ истинность Іисуса Христа, какъ Мессіи, и отмѣчалъ ихъ нелѣпые отвѣты... Мнѣ пріятенъ мой трудъ, хотя для составленія его я ѣздилъ по неудобнымъ и небезопаснымъ дорогамъ въ Малороссіи и в. кн. литовскомъ, претерпѣвалъ ущербъ здоровья, подвергался возможности быть убитымъ, и все это я терпѣлъ, во-первыхъ, по примѣру Іисуса Христа, который много потрудился для міра, и во-вторыхъ, въ надеждѣ получить небесное царство“.

---

[1]) С. Величко, Лѣтопись. II, 37.

[2]) Подробности о Сабатеѣ Цви см. въ соч. «Iost'a, Geschichte des Iudenthums und seiner Sekten». Плохое сокращеніе этого сочиненія сдѣлано было на русск. языкѣ, и вышло въ Москвѣ въ 1864 г. О С. Цви была еще статья въ «Восходѣ» 1882 г.—Сабатей Цви родился въ Смирнѣ въ 1641 г. Семи лѣтъ онъ сталъ уже разсказывать, что ему снятся чудесные сны; звѣри ему кланяются, ангелы наставляютъ его врачебной наукѣ. Онъ ознакомился съ Талмудомъ и Кабалой и назвалъ себя мессіей. Раввины возстали противъ него и изгнали изъ Смирны. Цви отправился въ Салоники, потомъ въ Іерусалимъ, наконецъ въ египетскую Александрію, проповѣдь его имѣла громадный успѣхъ. Въ 1664 г. у него было до 75.000 послѣдователей, въ Константинополѣ, Палестинѣ, Аравіи, Египтѣ, Литвѣ, Польшѣ. Турецкое правительство обратило вниманіе на Цви. Онъ былъ вызванъ къ султану. Угрозой смертной казни его принудили принять исламъ. Лже-мессія сошелъ со сцены; но его послѣдователи, въ особенности лже-пророкъ Наоанъ, еще долго волновались. Движеніе окончательно улеглось въ началѣ восемнадцатаго вѣка.

„Мессія правдивый“ раздѣляется на двѣ неравномѣрныя части. Въ первой, бо́льшей части Галятовскій выдвигаетъ тяжелую аргументацію изъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ о Мессіи, исполнившихся на Христѣ; во второй части говорится о ветхозавѣтныхъ „знакахъ“ и сивиллиныхъ пророчествахъ, подтверждающихъ божественность Спасителя. Всѣхъ пророчествъ въ „Мессіи правдивомъ“—50, прообразовъ, знаковъ 24. Объ однихъ пророчествахъ говорится на многихъ страницахъ, о другихъ въ пяти или шести строкахъ.

Схема сочиненія о „Мессіи правдивомъ“ была давно уже готова у Галятовскаго. Въ „Ключѣ разумѣнія“ казанье на Преображеніе Господне состоитъ въ краткомъ изложеніи ветхозавѣтныхъ пророчествъ объ Іисусѣ Христѣ. Въ „Мессіи правдивомъ“ эти пророчества изложены подробно, и въ объясненіе пророчествъ вставлены богословскіе трактаты о св. Троицѣ, о воплощеніи Слова и другихъ догматахъ христіанскихъ. Эти трактаты совершенно механически вставлены въ рядъ объясненій пророчествъ и не имѣютъ съ послѣдними внутренней связи; каждый трактатъ легко могъ-бы пойти за отдѣльное сочиненіе.

Въ разныхъ мѣстахъ сочиненія, преимущественно во второй его части, въ объясненіи 18 „знака“, говорится о „злостяхъ жидовскихъ“. Такъ, въ объясненіи 31 и 4 пророчествъ говорится о томъ, что евреи однажды распяли христіанина въ великую пятницу, убиваютъ христіанскихъ дѣтей и выцѣживаютъ изъ нихъ кровь для лѣченія больныхъ или для цѣлей волшебства. Въ изъясненіи 18 „знака“ евреи обвиняются въ шпіонствѣ во время войны, въ отбираніи у христіанъ плутовскими средствами въ мирное время имущества, въ отравленіи колодцевъ, въ примѣшиваніи въ лѣкарства яда, во взиманіи большихъ процентовъ, въ отниманіи у христіанъ церквей, въ ненависти къ выкрестамъ, въ склоненіи русскихъ служанокъ въ іудейскую вѣру, въ выдаиваніи у женщинъ христіанокъ молока на чары.

Отношеніе Галятовскаго къ евреямъ, разумѣется, враждебно. Но ненависть Галятовскаго къ евреямъ не заходила такъ далеко, какъ ненависть польскихъ писателей іезуитовъ. „Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, въ бытность мою въ Персіи, говоритъ Ѳома Млодзяновскій, польскій познанскій проповѣдникъ, прежній еще король Абасъ созвалъ въ одно время всѣхъ жидовъ и спросилъ

ихъ: скоро-ли прійдетъ Мессія? Жиды отвѣчали въ одинъ голосъ: да, мы ожидаемъ Мессію! Король сказалъ имъ на это: сказки! напрасно только вы себя обманываете. Или дѣлайтесь магометанами, или прочь изъ моего царства. Жиды начали просить срока на 70 лѣтъ; если, сказали они, не прійдетъ Мессія въ продолженіи 70 лѣтъ, тогда мы уже исполнимъ приказаніе вашей королевской милости. Жиды дали въ этомъ росписку. Въ бытность мою въ Персіи нашелъ упомянутую росписку эт-мадулетъ, т. е. канцлеръ персидскій, и напомнилъ о ней королю. Король поручилъ ему это дѣло. Тотъ созываетъ жидовъ и спрашиваетъ ихъ: а, что? пришелъ Мессія? Услышавъ отъ жидовъ, что Мессія не пришелъ, онъ показалъ имъ упомянутую росписку и отъ имени короля приказалъ или принять магометанство, или удалиться изъ государства". На размышленіе евреямъ данъ былъ одинъ годъ; потомъ срокъ этотъ былъ немного продолженъ. „Если обратитесь въ магометанство, сказалъ эт-мадулетъ евреямъ, то каждому мужчинѣ король даетъ сто абасы, или злотыхъ, и халатъ, а каждой женщинѣ 50 абасы". Но жиды по старому не хотѣли ни на что рѣшиться. Тогда, при наступленіи тѣхъ мѣсяцевъ, когда особенно свирѣпствуютъ холодные вѣтры и приморозки, приказано было имъ подъ страхомъ смерти выйти изъ города; приказано подъ страхомъ смерти никому не принимать ихъ и подъ страхомъ смерти не давать имъ ни хлѣба, ни огня. И что же? Когда начали умирать дѣти, женщины и старики, всѣ жиды должны были пристать къ магометанской вѣрѣ. Чья же ревность къ вѣрѣ большая, турецкая или христіанская? Страшно будетъ на страшномъ судѣ христіанамъ отъ того, что язычники и магометане болѣе дѣлаютъ для своего невѣрія, чѣмъ мы для нашей вѣры" [1]). Тяжелое впечатлѣніе производитъ нарисованная Млодзяновскимъ картина жестокаго гоненія за вѣру, тяжелое тѣмъ болѣе, что польскій проповѣдникъ желаетъ этого гоненія, приглашаетъ къ нему христіанъ. Какъ ни искалѣченъ былъ Галятовскій узкой схоластической школой, въ его душѣ не было мѣста для такого человѣконенавистничества, какое оказалось въ полякѣ іезуитѣ. Южно-русскій ученый отвергалъ насильственное обращеніе евреевъ въ христіанство. „Въ дѣлѣ обращенія евреевъ въ христіанство, гово-

[1]) Мацѣевичъ, «Труды к. д. ак.» 1870. Іюль. 179—181.

ритъ онъ въ объясненіи 24 пророчества, принужденіе не должно имѣть мѣста. Должна быть употреблена кротость и снисхожденіе; должно быть употреблено непрестанное чтеніе слова Божія и тщательное изъясненіе онаго". Странно читать эти свѣтлыя выраженія у писателя XVII в., у кіевскаго ученаго схоластика. Проблеснувшая въ этихъ выраженіяхъ вѣро-терпимость и гуманность свидѣтельствуютъ о высокомъ нравственномъ уровнѣ Галятовскаго, съумѣвшаго подъ тяжелымъ бременемъ злостной и сухой схоластики сохранить въ глубинѣ души живое чувство любви къ человѣку.

Догматическое ученіе въ „Мессіи" раскрывается не всегда убѣдительно, но почти всегда ясно, иногда образно, съ приведеніемъ подобій изъ міра физическаго. Положительная сторона христіанства излагается въ отвѣтахъ христіанина на вопросы еврея, въ которыхъ выражено отрицательное отношеніе къ христіанству. Въ изложеніи отрицательныхъ возраженій и замѣчаній еврея обнаруживается ученая добросовѣстность Галятовскаго. Христіанинъ апологетъ не скрываетъ вѣскихъ возраженій еврея и опровергаетъ ихъ по силѣ разумѣнія. Галятовскій довольно подробно останавливается на мнѣніяхъ противниковъ христіанскихъ истинъ и рядомъ своихъ опроверженій возстановляетъ въ общественномъ сознаніи религіозную истину.

Краевой національный элементъ въ „Мессіи правдивомъ" такъ-же ничтоженъ, какъ и въ предыдущихъ сочиненіяхъ Галятовскаго, „Ключѣ" и „Небѣ". Какъ писатель схоластикъ, далекій отъ народныхъ интересовъ, Галятовскій останавливается исключительно на такихъ проявленіяхъ еврейской „злости", которыя обнаружились въ Германіи, Франціи, Италіи. Такъ, говоря о томъ, что евреи берутъ слишкомъ большіе проценты, Галятовскій приводитъ примѣръ изъ римской исторіи временъ Тита Флавія; при указаніи на ненависть евреевъ къ выкрестамъ приводится примѣръ изъ западно-европейскаго прошлаго. Какъ проявлялась „жидовская злость" въ Малороссіи, на глазахъ самаго автора, въ „Мессіи правдивомъ" не говорится.

Полемическій тонъ Галятовскаго довольно мягкій. Вообще, южно-русскіе писатели второй половины XVII ст. не такъ суровы и рѣзки въ своихъ выраженіяхъ, какъ южно-русскіе писатели первой половины XVII в. Изъ полемическихъ сочиненій конца XVI ст. узнаемъ, что Кириллъ Терлецкій вывезъ изъ Рима скабрезныя кар-

тинки, или что Стефанъ Зизаній не зналъ, кто его отецъ [1]). Въ особенности суровыми полемистами и обличителями являются Іоаннъ Вишенскій, въ интересахъ тѣхъ, „що з одной мисочки борщикъ хлебчуть и сами собі господа и слуги суть“, поражавшій уніатскихъ епископовъ тяжеловѣсными обвиненіями въ развратѣ, роскоши, и жестокости, и Евсевій Пиминъ (Петръ Могила), постоянно напоминающій въ „Лиѳосѣ“ своему противнику Кассьяну Саковичу, что у него нѣтъ одного уха, что другое его ухо будто бы свиньи съѣли, что онъ толстобрюхій, дурень и т. д. Западно-русскіе писатели, перешедшіе въ Москву, также были невоздержны на языкъ. Такъ, современникъ Галятовскаго, Симеонъ Полоцкій, въ „Жезлѣ правленія“, написанномъ противъ Никиты Пустосвята, цѣлью своего сочиненія ставитъ: „обезглавить сего Голіафа, то же уды его и вся тѣлеса полчища его птицамъ и звѣрямъ отдати“ (листъ 18). И достается же этому несчастному Голіафу! Никита Пустосвятъ оказывается скотоумнымъ, окаяннымъ, свиньей. [2]). Рѣзкость выраженій подрывала значеніе разумнаго слова, производила ожесточеніе и возбуждала наклонность къ кулачной расправѣ. Во второй половинѣ XVII ст. Лазарь Барановичъ сознадъ дурныя стороны полемическаго задора и литературной брани. Онъ самъ воздерживался отъ этихъ недостатковъ и старался воздержать другихъ южнорусскихъ писателей. „Если въ чемъ не соблюдено вѣжливости, писалъ Барановичъ И. Гизелю въ 1670 г., посылая ему свой отвѣтъ на книгу іезуита Боймы противъ православія, то, чтобы онъ (т. е. Бойма) не считалъ насъ невѣждами, я не прочь что либо и обрѣзать“. Въ письмѣ къ Ѳеодосію Сафоновичу 1670 года Барановичъ говоритъ, что въ своемъ отвѣтѣ Боймѣ онъ „клеймилъ его, но безъ посмѣянія, острилъ, но безъ колкости“. Въ письмѣ къ И. Гизелю 1671 г. Барановичъ говоритъ, что „нужно дѣло свое вести спокойно, какъ должно, или даже съ уваженіемъ“. Въ письмѣ къ И. Гизелю отъ 18 дек. 1672 г. Барановичъ говоритъ: „писать задористо я не совѣтую, и самъ такъ не пишу, а развѣ гдѣ-либо слегка уколю остро того; но и тутъ, по обыкновенію моему, тотъ-же часъ ограничиваю, высказавши впрочемъ свое“ [3]). Галятовскій слѣдо-

[1]) Коялович, Литов. церк. унія. II. 34.

[2]) Л. Майковъ, „Древ. и нов. Россія“ 1875.

[3]) Письма Лазаря Барановича, стр. 103, 107, 156 и 180.

валъ этому благоразумному совѣту своего стараго наставника, друга и покровителя. Въ „Мессіи правдивомъ“ онъ только изрѣдка позволяетъ себѣ „уколоть остро“ противника, назвавъ его глупымъ (напр., въ объясненіи 12 пророч.). Въ „Бѣлоцерковской Бесѣдѣ“ Галятовскій обнаруживаетъ самую тонкую вѣжливость, очевидно потому, что бесѣда происходила въ многочисленномъ собраніи знатныхъ лицъ.

Съ выходомъ въ свѣтъ „Мессіи правдиваго“ общественное положеніе Галятовскаго измѣнилось къ лучшему. Галятовскій получилъ мѣсто игумена черниговскаго елецкаго монастыря. Назначая Галятовскаго игуменомъ елецкаго монастыря, Барановичъ, можно думать, руководствовался не только дружескимъ къ нему расположеніемъ, какъ къ своему талантливому ученику и единомышленнику, но и желаніемъ приблизить къ себѣ въ лицѣ Галятовскаго человѣка ученаго и искуснаго въ религіозно-полемическихъ бояхъ. Барановичъ именно въ это время, въ концѣ 60 и въ началѣ 70 годовъ нуждался въ совѣтѣ и содѣйствіи ученыхъ людей. „Какъ-то на дняхъ, писалъ онъ И. Гизелю въ 1671 г., отыскалъ я въ московскихъ правилахъ (кормчей) помѣстнаго собора сардикійскаго правило 344. Тамъ на листѣ 109 судъ предоставляется римскому папѣ. Прикажите, ваша пречестность, прочитать его себѣ. Когда престолъ константинопольскій сравненъ въ правахъ съ престоломъ римскимъ, то и судъ долженъ быть равный; мнѣ хотѣлось-бы соображаться въ моей „Мѣрѣ“ (рѣчь идетъ о сочиненіи „Nawa miara starey wiary“) съ вами и отъ васъ, не краснѣя, поучаться. Лучше же намъ поправить свои труды тихонько между собою, нежели возьмутъ ихъ на зубы, а потому должно ихъ хорошо выточить, такъ чтобы было чѣмъ заняться, когда начнутъ грызть; нужно такую имъ приготовить костку, чтобы имъ въ горлѣ стала“ [1]). Галятовскій болѣе, чѣмъ что-либо другой, болѣе, чѣмъ И. Гизель, могъ помочь Барановичу въ составленіи „Новой Мѣры“, по своей начитанности и литературно-полемической опытности. Въ семидесятыхъ годахъ Галятовскій дѣлается правой рукой Барановича почти во всѣхъ его дѣлахъ, въ особенности въ дѣлахъ хозяйственныхъ епархіальныхъ.

[1]) Письма Лазаря Барановича, стр. 156.

Относительно возведенія Галятовскаго въ санъ архимандрита Барановичъ встрѣтилъ нѣкоторое препятствіе, точнѣе сказать, задержку, со стороны м. Нелюбовича—Тукальскаго, не долюбливавшаго Галятовскаго, какъ ученика и сторонника Барановича, и со стороны гетмана Многогрѣшнаго, не имѣвшаго ни времени, ни охоты заниматься собственно церковными дѣлами Малороссіи. Въ письмѣ 14 апрѣля 1679 г. Барановичъ писалъ Галятовскому: „слово мое посвятить васъ въ санъ архимандрита я потверждy дѣломъ, если Богъ поможетъ моей немощи". „Безъ затрудненій, говорится въ другомъ письмѣ Барановича къ Галятовскому 1669 г., полагаемыхъ его милостью (митр. Нелюбовичемъ Тукальскимъ), и моя хотя слабая голова сдержала-бы для васъ слово. Напоминалъ я въ Глуховѣ пану гетману о томъ, что хочу возвысить васъ въ санъ; но онъ какъ-то глухо это принялъ; даже и другимъ отцамъ игуменамъ не хотѣлъ подтвердить царскихъ грамотъ, откладывая до окончательнаго мира" [1]). Благословенная грамота Галятовскому отъ Барановича на елецкую архимандрію дана была 9 августа 1669 г. Въ грамотѣ говорится, что „на высокій тотъ архимандрическій степень" Барановичъ возводитъ „змежы прочихъ годнаго быти, значне заслуженого, въ наукахъ письма святаго добре выцвичоного и въ житіи иноческомъ искуснаго, поважного мужа, пречестного господина отца Іоанникія Галятовскаго,... абы южъ на той преемининціи певнымъ строителемъ, правителемъ и господаремъ помененного старожитного монастыря архимандріи черниговской зостаючи около строенія его оздобы, порядку и належитого хвалы Божой отправованья вседушное имѣлъ попеченіе, яко-бы за его диспонованьемъ, промысломъ и печаловитостью мѣсце тое святое пустыни, яко красенъ кринъ, во чести Господу Богу и въ похвалу имени пречистой госпожи Богородицы проквѣтнуло"... Благословенная грамота Барановича Галятовскому вполнѣ напечатана въ „Исторіи россійской іерархіи" Амвросія [2]).

Елецкій успенскій мужескій 1-го класса монастырь находится подъ Черниговомъ на Болдинскихъ горахъ. Строителемъ монастыря считаютъ князя Святослава, сына Ярослава мудраго. Сѣдая древность придала монастырю величіе. Галятовскій дорожилъ историче-

[1]) Письма Лазаря Барановича, 28—83, 89.
[2]) Амвросій, Ист. рос. іерарх. VI, 504—511.

скими сказаніями и преданіями о монастырѣ. Онъ принялъ къ свѣдѣнію письменныя, документальныя свидѣтельства о монастырѣ, заключающіяся въ Патерикѣ и елецкомъ Синодикѣ. Кромѣ того, Галятовскій распрашивалъ стариковъ о прошломъ монастыря и обращался письменно съ вопросами къ потомкамъ Святослава Ярославича, князьямъ Одоевскимъ и Воротынскимъ". Въ селѣ Сомовѣ, что между Сѣвскомъ и Карачевымъ, пишетъ Галятовскій въ „Скарбницѣ", жили два брата, священникъ Симеонъ и священникъ Ѳеофанъ, старый до того, что ему было болѣе ста лѣтъ; въ Тупичевѣ Авдей Дорофеевичъ имѣетъ до 150 лѣтъ; въ Черниговѣ Максимъ Костомака 110 лѣтъ; эти старцы разсказывали намъ въ 1676 г... Сила Денисовичъ Вохня, черниговскій житель, которому было 200 лѣтъ (?), отъ старости слѣпой и глухой, разсказывалъ намъ"... Далѣе слѣдуютъ сообщенія стариковъ, что монастырь нѣкогда былъ окруженъ палями, куполы покрыты дубовыми досками и проч. На основаніи письменныхъ свидѣтельствъ и народныхъ преданій о монастырѣ, Галятовскій составилъ въ 1676 г. „Скарбницу потребную и пожитечную всему свѣту" [1]). Здѣсь перечисляются архимандриты елецкаго монастыря и 32 чуда отъ елецкой иконы Богоматери. Книга посвящена гетману Самойловичу. Къ „Скарбницѣ" приложена „Бѣлоцерковская бесѣда".

Галятовскій заботился о благоустройствѣ ввѣренной его попеченіямъ обители. Въ первые четыре года своего игуменства онъ очищалъ щебень снаружи и внутри елецкой церкви, исправилъ фрамуги подъ хоромъ и столбы между окнами въ большомъ куполѣ, построилъ каменную трапезу и каменную церковь. Въ началѣ семнадцатаго вѣка, когда елецкій монастырь находился во власти уніатовъ, по словамъ Галятовскаго „неразумныи звѣрята и птахи въ немъ гнѣзда себѣ чинили". Галятовскій реставрировалъ монастырь при дѣятельномъ содѣйствіи малорусской старшины и московскаго царя. Четырьмя универсалами 1669, 1670 и 1671 годовъ Многогрѣшный утвердилъ за монастыремъ разныя маетности. Самайловичъ также благотворилъ елецкому монастырю. Въ 1672 г. онъ выдалъ монастырю утвердительную грамоту на маетности. Въ особенности усердным жертвователемъ явился черниговскій полковникъ, впо-

[1]) Одинъ экз. «Скарбницы» находится въ библіотекѣ Хлудова.

слѣдствіи генеральный обозный Дунинъ—Борковскій, давшій деньги на постройку каменной трапезы [1]).

Задолго еще до Галятовскаго, разные попрошайки греческаго происхожденія проложили дорожку въ Москву. Со времени присоединенія восточной Малороссіи къ московскому государству по этой дорожкѣ охотно пошли южно-русскія духовныя лица. Ранѣе Галятовскаго въ Москѣ побывали Лазарь Барановичъ, епископъ мстиславскій Меѳодій, нѣжинскій протопопъ Адамовичъ. Барановичъ направилъ Галятовскаго въ Москву: „ты жалуешься, писалъ онъ Галятовскому въ 1670 г., что тебѣ неоткуда взять гроша и даже шеляга [2]). Но, находясь подъ державою государя, надобно иначе выражаться и стараться о копѣйкахъ, а не о шелягахъ“ [3]). Галятовскій ѣздилъ въ Москву съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Барановича. Изъ сохранившейся въ елецкомъ монастырѣ записки видно, что Галятовскій „великую ласку, 50 рублей, 13 струговъ для огороженія монастыря, 7 фелоней съ епитрахилями, 5 стихаровъ съ орорами зъ разного блавату изъ среброглаву и златоглаву, три дискоса, звѣзду, копію, келихъ, ложку одъ серебра съ позолотою, кадильницу сребную и сребный крестъ злоцистый, евангеліе, окрытое аксамитомъ рытымъ и сребромъ злотистымъ пріоздобленное, съ иншими книгами церковными, отъ царскаго величества одержалъ“ [4]). Въ Москвѣ Галятовскій сказалъ царю привѣтственное слово и въ дворцовой церкви произнесъ проповѣдь. Все это было сказано въ концѣ 1670 года, а не въ 1671 годъ, какъ значится у архіеп. Филарета [5]). Къ первому числу января 1671 года Галятовскій былъ уже на родинѣ. Въ письмѣ къ думному дворянину Артамону Матвѣеву отъ 1 января 1671 г. Галятовскій сообщаетъ о своемъ благополучномъ возвращеніи въ Черниговъ и проситъ ходатайствовать о выдачѣ ему изъ царской казны ста рублей на печатаніе „Мессіи“ на польскомъ и латинскомъ языкахъ“ [6]). Въ письмѣ Галятовскаго рѣчь идетъ о второмъ польскомъ изданіи „Мессіаша“, которое на-

[1]) Истор.-стат. Опис. черниг. епархіи. III. 16.
[2]) Шелягъ—польская мѣдная монета въ полъ-копѣйки.
[3]) Письма Лазаря Барановича, стр. 100—101.
[4]) Амвросій, Ист. рос. іерархіи. 1815. VI. 495.
[5]) Филаретъ, Обзоръ дух. литер. I, 286.
[6]) Акты южн. и зап. Россіи, IX, 333—335.

чало печататься, судя по письму Галятовскаго, въ 1671 г. передъ великимъ постомъ, а вышло въ свѣтъ въ 1672 г. [1]). Сношенія Галятовскаго съ Москвой и царскія милости Галятовскому не прекращались. Въ 1672 г. Галятовскій просилъ царя о дарованіи монастырю жалованной грамоты на маетности. 18 іюня 1672 г. князь Ромодановскій, по случаю рожденія Петра Алексѣевича, роздалъ малорусскимъ военачальникамъ и духовнымъ лицамъ подарки: Самойловичу соболей на 170 рублей, обозному на 70 руб., судьямъ и полковникамъ на 60 руб. каждому, Барановичу на 50 руб., нѣжинскому протопопу Адамовичу на 28 р. Галятовскій получилъ маловато, всего 2 пары соболей на 12 руб. Галятовскій напоминалъ о себѣ просьбами. Такъ, не получивъ еще [2]) отвѣта на челобитную 1671 г., Галятовскій 4 іюля 1672 г. посвящаетъ царю второе изданіе „Мессіи“ на польскомъ языкѣ и въ письмѣ къ царю напоминаетъ ему о его обѣщаніи построить въ елецкомъ монастырѣ каменную церковь и, пока суть да дѣло, проситъ у царя пособіе на „поправленіе и побѣлѣніе вапномъ церкви пресвятой Богородицы елецкой, на покрытіе купола, на звонъ и паникадилъ“ [3]). Вскорѣ послѣ этого письма 1 августа 1672 г. Галятовскій получилъ отъ царя утвердительную грамоту на монастырскія маетности [4]). Галятовскій писалъ патріарху Іоакиму, чтобы онъ напомнилъ царю Ѳедору Алексѣевичу о нуждахъ елецкаго монастыря [5]).

Поддерживая дѣятельныя сношенія съ Москвой въ интересахъ монастыря елецкаго, Галятовскій и на мѣстѣ своего постояннаго жительства въ черниговщинѣ велъ жизнь дѣятельную, участвовалъ въ встрѣчѣ и въ богослуженіи александрійскаго патріарха Паисія, пробывшаго нѣкоторое время въ Черниговѣ, на обратномъ пути изъ Москвы въ Египетъ, въ августѣ 1669 года [6]), въ 1672 г. присутствовалъ въ Козачьей Дубравѣ при избраніи Ивана Самойловича въ гетманы [7]), въ 1676 г. обсуждалъ спорное дѣло

[1]) Wisznewski. Hist. liter. VIII. 395.
[2]) Акты ю. и з. Россіи. IX, 951.
[3]) Акты ю. и з. Россіи. XI, № 3.
[4]) Аѳросій. Ист. рос. іерархіи. VI. 497.
[5]) Рукопись въ моск. общ. ист., № 98.
[6]) Акты ю. и з. Россіи IX, № 12, стр. 54.
[7]) Акты ю. и з. Россіи. IX, 957; XI, 2.

Барановича съ Симеономъ Адамовичемъ о церковныхъ маетностяхъ, причемъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими духовными лицами подписался подъ приговоромъ войсковаго суда 1677 г. о низложеніи Адамовича съ протопопіи и о заключеніи его въ монастырь за клевету и неосновательный доносъ на Самойловича [1]):

Галятовскій въ политическихъ дѣлахъ обнаруживалъ честность и осторожность. Когда братъ Демьяна Многогрѣшнаго Василій, спасаясь отъ московскихъ ратныхъ людей, искалъ въ 1672 г. убѣжища въ елецкомъ монастырѣ и спрашивалъ у Галятовскаго совѣта, что ему дѣлать: ѣхать къ воеводѣ или бѣжать далѣе, Галятовскій отвѣтилъ: „Какъ де себѣ хочешь, побѣги далѣ, а здѣсь де тебѣ дѣлать нечего“. Василій Многогрѣшный изъ елецкаго монастыря бѣжалъ за Десну и нѣкоторое время скрывался въ никольскомъ и максаковскомъ монастыряхъ, пока не былъ вѣроломно выданъ въ руки воеводы кіево-братскимъ ректоромъ, у котораго просилъ убѣжища [2]).

Н. Сумцовъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

---

[1]) Письма Лазаря Барановича, 209; Акты ю. и з. Россіи, XII, 669, 672, 860—862.

[2]) Акты, ю. и з. Россіи, IX, № 147., стр. 790.

КНЯГИНЯ.

РАЗСКАЗЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКА

1853 года.

(Посвящается Б. Ф. Заспцкому).

Разсказъ этотъ принадлежитъ къ числу неизданныхъ набросковъ и этюдовъ поэта. Онъ написанъ въ бытность Шевченка въ новороссійскомъ укрѣпленіи и переданъ былъ имъ въ Петербургъ доброму другу и заступницѣ его, графинѣ Ан. Ив. Толстой, для помѣщенія въ одномъ изъ журналовъ. При томъ спискѣ разсказа, съ котораго онъ печатается нынѣ, находится короткое письмо автора, скрывавшагося подъ псевдонимомъ Дармограя, къ издателю „Отечественныхъ Записокъ“ А. А. Краевскому такого содержанія: „Посылаю вамъ мой разсказъ „Княгиня“ и прошу, если не будетъ противорѣчить духу вашего журнала, напечатать его. Если же окажется онъ неудобопечатнымъ, то прошу переслать рукопись въ Оренбургъ, на имя Бронислава Францовича Залескаго, въ батальонъ № 2“. Этому же другу поэта, переписка съ которымъ была помѣщена прошлый годъ на страницахъ „Кіевской Старины“, и посвящено самое произведеніе. Въ перепискѣ съ Н. И. Осиповымъ („Основа“ 1861 г.) Тарасъ Григорьевичъ вспоминаетъ объ этомъ разсказѣ, не появившемся въ печати. Произведеніе это имѣетъ большое сходство съ неоконченной поэмой „Княжна“, помѣщенной въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ „Кобзаря“. Разница состоитъ въ томъ, что въ поэмѣ жертвою безпутнаго и развратнаго князя, кромѣ загубленной имъ жены, является и несчастная дочь его. Молодая княжна, безвинная и кроткая страдалица, заступница угнетеннаго крѣпостного люда, вносившая въ хаты помощь и утѣшеніе—героиня той поэмы.

По выполненію прозаическіе опыты Шевченка нельзя, конечно, и сравнивать съ его поэзіей. Въ этомъ отношеніи во всей силѣ остается мнѣніе, высказанное о нихъ С. Т. Аксаковымъ и П. А. Кулишомъ. Но отрицать ихъ историческое зна-

ченіе невозможно. Въ 1853 году, въ самую тяжелую пору своихъ жизненныхъ испытаній, поэтъ изъ далекой киргизской пустыни силится подать голосъ противъ угнетателей тѣхъ, о комъ онъ всю жизнь свою болѣлъ душею. Пусть несвойственная ему прозаическая рѣчь не имѣетъ огненной силы его стиха, но голосъ его звучитъ все той-же скорбной страстью.

Псевдонимъ, прозаическая форма и общелитературный языкъ приданы были этой работѣ, въ виду возможнаго помѣщенія ея въ журналѣ. Своеобразность стиха всегда выдала-бы автора, да и въ журналахъ того времени не печатались малорусскіе стихи. Къ тому-же тогда во всей силѣ оставалось тяготѣвшее надъ поэтомъ запрещеніе рисовать и писать что-бы то ни было, кромѣ писемъ. Во всѣхъ біографіяхъ поэта встрѣчаемъ тотъ фактъ, что генералу Обручеву, взявшему Шевченка въ ученую экспедицію по Аральскому морю въ качествѣ рисовальщика, былъ сдѣланъ изъ Петербурга строгій выговоръ, а начальникъ экспедиціи Бутаковъ за тоже самое былъ подвергнутъ тайному наблюденію III-го отдѣленія, продолжавшемуся нѣсколько лѣтъ (Чалый, „Жизнь и произведенія Т. Г. Шевченка“, стр. 74 и др.). Обнаруженная попытка литературной работы могла-бы повести еще къ болѣе серьезнымъ послѣдствіямъ. Опасаясь ихъ, поэтъ, какъ мы видѣли выше, маскируетъ и друга своего, которому посвящаетъ свой разсказъ, назвавъ его въ посвященіи не *Залескимъ*, а *Заспцкимъ*.

Печатаемый теперь, спустя двадцать три года отъ смерти Шевченка, его разсказъ нельзя, конечно, разсматривать, какъ законченное художественное произведеніе. Простой этотъ разсказъ принадлежитъ къ несродной Шевченку области творчества и оцѣнка его можетъ касаться только идеи и направленія, а въ этомъ отношеніи Шевченко всегда оставался вѣрнымъ самому себѣ. Тѣмъ не менѣе и въ настоящемъ разсказѣ, при всей простотѣ его замысла и построенія, широкая кисть художника даетъ чувствовать себя во многихъ частностяхъ, особенно-же въ картинѣ голода. Заимствованная не разъ въ печать интродукція разсказа, въ которой поэтъ рисуетъ свое дѣтство, кромѣ поэтической картины родного его села, даетъ нѣсколько мѣткихъ чертъ для совершенно безъизвѣстнаго, но весьма интереснаго быта старинныхъ малорусскихъ дьячковъ—по *призванію* и *избранію*, послѣднихъ представителей которыхъ захватила память поэта. Не лишено также историческаго значенія свидѣтельство очевидца-поэта о тогдашнемъ народномъ образованіи, составлявшемъ потребность даже такого бѣдняка—„приблуды“, какимъ былъ сирота Шевченко.

Сохраняемъ не только всѣ особенности литературной рѣчи поэта, но и его малорусское правописаніе, очевидно приспособленное для читателей столичнаго журнала. Въ разсказѣ, кромѣ малорусскихъ терминовъ, встрѣчаются свѣдѣнія, ставшія уже достояніемъ исторіи: тѣ и другія мы сочли нужнымъ объяснить въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Село! о сколько милыхъ, очаровательныхъ видѣній пробуждается въ моемъ старомъ сердцѣ, при этомъ задушевномъ словѣ. Село! и вотъ стоитъ передо мною наша бѣдная, старая, бѣлая хата, съ потемнѣвшею соломенною крышею и чорнымъ *дымаремъ*, а около хаты на причилку яблоня, съ краснобокими яблоками, а вокругъ яблони цвѣтникъ,—любимецъ моей незабвенной сестры, моей терпѣливой, моей нѣжной няньки: у воротъ стоитъ старая развѣсистая верба съ засохшею верхушкою, а за вербою стоитъ клуня, окруженная стогами жита, пшеницы и всякаго хлѣба; а за клунею по косогору пойдетъ уже садъ. Да какой садъ! видалъ я много на своемъ вѣку таки порядочныхъ садовъ, какъ напримѣръ уманскій и петергофскій, но это что за сады; гроша не стоютъ въ сравненіи съ нашимъ великолѣпнымъ садомъ: густой, темный, тихій, словомъ: другого такого саду нѣтъ на всемъ свѣтѣ. А за садомъ *ливада*, за ливадою долина, а въ долинѣ тихій, едва журчащій ручеекъ, уставленный вербами и калиною и окутанный широколиственными, темно-зелеными лопухами; а въ этомъ ручейкѣ подъ нависшими лопухами купается кубическій бѣлокурый мальчуганъ, а выкупавшись перебѣгаетъ онъ долину и ливаду, вбѣгаетъ въ тѣнистый садъ и падаетъ подъ первою грушею, или яблонею и засыпаетъ настоящимъ невозмутимымъ сномъ. Проснувшись, онъ смотритъ на противуположную гору, смотритъ, смотритъ и спрашиваетъ самъ у себя: „а что-же тамъ за горою? Тамъ должны быть желѣзные столбы, что подерживаютъ небо; а что если-бы пойти, да посмотрѣть, какъ это они его тамъ подпираютъ? Пойду да посмотрю, вѣдь это недалеко“. Всталъ и не задумавшись, пошелъ онъ чрезъ долину и ливаду прямо на гору, и вотъ выходитъ онъ за село, прошелъ *царину*, прошелъ съ полверсты поле, на полѣ стоитъ высокая, черная могила. Онъ вскарабкался на могилу, чтобы съ нея посмотрѣть, далеко-ли еще до тѣхъ желѣзныхъ столбовъ. Стоитъ мальчуганъ на могилѣ и смотритъ во всѣ стороны: и по одну сторону село, и по другую сторону село, и тамъ изъ темныхъ садовъ выглядываетъ трехглавая церковь, бѣлымъ желѣзомъ крытая, тамъ тоже выглядываетъ церковь изъ темныхъ садовъ—и тоже бѣлымъ желѣзомъ крытая. Мальчуганъ задумался. Нѣтъ, думаетъ онъ, сегодня поздно, не дойду я до тѣхъ желѣзныхъ столбовъ, а завтра вмѣстѣ съ Катрею. Она *до череды* коровъ погонитъ, а я пойду къ

желѣзнымъ столбамъ, а сегодня одурю Микиту (брата), скажу, что я видѣлъ желѣзные столбы, тѣ, что подпираютъ небо. И онъ, скатившись кубаремъ съ могилы, всталъ на ноги и пошелъ не оглядываясь въ чужое село. Къ его счастію встрѣтились ему чумаки и, остановивши, спросили:

— А куда ты мандруешь, *парубче?*

— До дому.

— А дежъ твоя дома, *небораче?*

— Въ Кереливци!

— Такъ чего-жъ ты йдешъ у Моринци?

— Я не въ Моринци, а въ Кереливку йду.

— А колы въ Кереливку, такъ сѣдай на мою *мажу*, товарищу, мы тебе довеземъ до дому.

Посадили его на скрыньку, что бываетъ въ передкѣ чумацкаго воза, и дали ему батигъ въ руки; онъ погоняетъ себѣ воловъ, какъ ни въ чемъ не бывало; подъѣзжая къ селу, онъ увидалъ свою хату на противоположной горѣ и закричалъ весело:

— Онъ де, онъ де наша хата!

— А колы ты вже бачишъ свою хату, сказалъ хозяинъ воза, то и йди съ Богомъ!

И снявши мальчугана съ воза, спустилъ его на землю и обращаясь къ товарищамъ, сказалъ:

— Нехай иде соби съ Богомъ!

— Нехай иде соби съ Богомъ! проговорили чумаки, и мальчуганъ побѣжалъ себѣ съ Богомъ въ село.

На дворѣ уже смеркало, когда я (потому что этотъ кубическій, бѣлокурый мальчуганъ былъ никто иной, какъ смиренный авторъ сего, хотя и не сентиментальнаго, но тѣмъ не менѣе печальнаго разсказа) подошелъ къ нашему перелазу; смотрю чрезъ перелазъ на дворъ, а тамъ, около хаты, на темномъ, зеленомъ, бархатномъ *шпориші*, всѣ наши сидятъ себѣ въ кружкѣ и вечеряютъ; только моя старшая сестра и нянька Катерина не вечеряетъ, а стоитъ себѣ около дверей, подпершн голову рукою, и какъ будто посматриваетъ на перелазъ. Когда я высунулъ голову изъза перелаза, то она вскрикнула: „прійшовъ, прійшовъ!“ и подбѣжавъ ко мнѣ, схватила меня на руки, понесла черезъ дворъ и посадила въ кружокъ вечерять, сказавши: „сидай вечерять, *приблудо!*“ Пове-

черявши, сестра повела меня спать и уложивши въ постель, перекрестила, поцѣловала и улыбаясь, назвала меня опять приблудою.

Я долго не могъ заснуть; произшествія прошлаго дня мнѣ не давали спать. Я думалъ все о желѣзныхъ столбахъ и о томъ, говорить-ли мнѣ о нихъ Катеринѣ и Микитѣ, или не говорить. Никита былъ разъ съ отцемъ въ Одессѣ, и тамъ конечно видѣлъ эти столбы,—какъ-же я ему буду говорить о нихъ, когда я ихъ вовсе не видалъ; Катерину можно-бъ одурить... нѣтъ, я и ей не скажу ничего, и подумавши еще не долго о желѣзныхъ столбахъ, я заснулъ.

Чрезъ два-три года я уже вижу себя въ школѣ у слѣпаго Совгиря (такъ назывался нашъ нестихарный [1]) дьячекъ), складывающаго *тму-мну*. Проскладавши, бывало, до *тля-мля*, выйду изъ школы на улицу, посмотрю въ яръ, а тамъ мои счастливые сверстники играютъ себѣ на соломѣ около клуни и не знаютъ, что есть на свѣтѣ и дьякъ, и школа. Смотрю, бывало, на нихъ и думаю: отъ чего-же я такой безталанный, зачѣмъ меня сердечнаго мучатъ надъ этимъ проклятымъ букваремъ, и махнувши рукой, *дамъ драла* черезъ *цвинтарь* [2]) въ яръ къ счастливцамъ на свѣтлую, теплую солому, и только что начну барахтаться на соломѣ, какъ идутъ два *псалтирника* [3]), берутъ меня раба Божьяго за руки и обращаютъ вспять, сирѣчь ведутъ въ школу, а въ школѣ, сами здоровы знаете, что дѣлается надъ нашимъ братомъ школяромъ, за отлучки.

Совгиръ-слиный (слѣпымъ его звали за то, что онъ былъ только косой, а не слѣпой) былъ въ нашемъ селѣ дьячкомъ не то, чтобы стихарнымъ, настоящимъ дьячкомъ, а такъ себѣ приблудою. Предшественникъ его, Никифоръ Хмара, тоже былъ у насъ не стихарнымъ дьячкомъ; только разъ у тытаря *на меду* [4]) захворалъ ночью, а къ утру и померъ, Богъ его знаетъ, отъ чего. А Совгиръ-слиный случился тутъ-же у тытаря на меду-же, да не долго думаючи,

---

[1]) Точнѣе: не назначенный епархіальною властію, а избранный и поставленный на мѣсто прихожанами съ согласія лишь священника, какъ всегда было до того времени.

[2]) Махну чрезъ погостъ.

[3]) Обучающіеся ~~чтенію по~~ псалтири.

[4]) Въ храмовые и другіе большіе праздники, по вѣковому обычаю, варили по приходамъ во всей южной Россіи медъ и въ самый праздникъ распивали при церкви, а вечеромъ и на другой день у старосты угощались оставшимся медомъ.

въ слѣдующее-же воскресеніе сталъ на клиросѣ, пропѣлъ обѣдню, прочиталъ *Апостола*, да такъ прочиталъ, что громада и самъ отецъ Кассіянъ только что переглянулися и болше ничего. Послѣ обѣдни громадою былъ провозглашенъ слѣпый Совгиръ дьякомъ, и съ честію подобающею его сану введенъ былъ въ школу, яко въ свою *дидивщину*[1]). Великій человѣкъ громада! Поселился онъ въ своей школѣ и школяры, въ томъ числѣ и азъ невеликій пошелъ къ нему за наукою. А собою онъ былъ росту высокого, широкоплечій и смотрѣлъ-бы настоящимъ запорожцемъ, еслибы не былъ косой; даже свою не заплетенную косу носилъ онъ какъ-то въ родѣ чуприны.

Нрава онъ былъ болѣе суроваго, нежели кроткаго, а въ отношеніи житейскихъ потребностей и вообще комфорта онъ былъ настоящій спартанецъ. Но мнѣ болѣе всего въ немъ не нравилось то, что когда, бывало, въ субботу послѣ вечерни начнетъ насъ всѣхъ по обыкновенію кормить *березовою кашею*[2]),—это все еще ничего, пускай-бы себѣ кормилъ, намъ эта каша была въ обыкновеніи;—а то вотъ гдѣ, можно сказать, истинное испытаніе: бьетъ бывало, а самому лежать велитъ, да не кричать и не *борзяся* явственно самому читать четвертую заповѣдь. Настоящій спартанецъ! Ну скажите, люди добрые, рождался-ли когда на свѣтъ такой богатырь, чтобы улежалъ спокойно подъ розгами ~~и читалъ-бы~~ еще, *не борзяся*, четвертую заповѣдь? Нѣтъ, я думаю, такого человѣка еще земля не носила. Бывало, когда дойдетъ до меня очередь, то я уже не прошу о помилованіи, а прошу только, чтобы онъ умилосердился надо мною, велѣлъ меня, субботы ради святой, придержать хоть немножко. Иной разъ бывало и умилосердится и велитъ придержать, да ужъ такъ выпоретъ, что лучшебъ и не просить о милосердіи.

Миръ праху твоему, слѣпый-Совгирю! Ты горемыка и самъ не зналъ, что дѣлалъ: тебя такъ били и ты такъ билъ и не подо-

---

[1]) Таковъ и былъ повсюду порядокъ избранія и опредѣленія къ мѣсту дьячка, и онъ не считался въ духовномъ званіи и не зависѣлъ отъ епархіальной власти.

[2]) Сѣчь березовою розгою. Общій обычай старыхъ школъ — сѣчь по окончаніи недѣльнаго ученія всѣхъ поголовно, для внушенія страха Божія и усердія къ ученію.

зрѣвалъ грѣха въ своемъ простосердечіи! Миръ праху твоему, жалкій скиталецъ, ты былъ совершенно правъ!

И вотъ я къ несказанной моей радости кончилъ „*Малъ бысъ*“ [1]). т. е. кончилъ псалтирь, поставилъ, по обыкновенію, кашу братіи съ грошами, совершилъ сей священный обрядъ неукоснѣнно по всѣмъ преданіямъ старины, и на другой-же день принялся мѣломъ выводить премудрыя каракули на крашенной доскѣ, сирѣчь я уже былъ не псалтырникъ какой-нибудь, а скорописецъ.

Въ эту-то почти счастливую для меня эпоху случилось переобразованіе школы: прислали къ намъ изъ самаго Кіева стихарнаго дьячка. Совгиръ-слѣпый сначала было поартачился, но принужденъ былъ уступить предъ могуществомъ закона и, собравши всю свою *мизерію* [2]) въ одну торбу, закинулъ ее за плечи, взялъ *патерицю* [3]) въ руки, а тетрадь изъ синей бумаги, съ сковородинскими [4]) псальмами или виршами, въ другую и пошелъ искать себѣ иной школы. А братія моя по наукѣ аки овцы отъ волка разсыпалася, такъ они отъ новаго стихарнаго дьячка, зане пьяница бѣ, паче всѣхъ пьяницъ на свѣтѣ. Тяжко противу рожна прати; и я, терпѣливѣйшій изъ братіи, наконецъ взялъ свое орудіе—таблицу, перо, каламаръ [5]) съ мѣломъ, и пошелъ во свояси съ миромъ, дивяся бывшему.

Съ этого времени начинается длинный рядъ самыхъ грустныхъ, самыхъ безотрадныхъ моихъ воспоминаній. Вскорѣ умираетъ мать, отецъ женится на молодой вдовѣ и беретъ съ нею трохъ дѣтей вмѣсто приданнаго. Кто видѣлъ хоть издали мачиху и такъ называемыхъ сведенныхъ дѣтей, тотъ, значитъ, видѣлъ адъ въ самомъ его отвратительнытъ торжествѣ. Не проходило часа безъ слезъ и драки между нами дѣтьми и не проходило часа безъ ссоры и брани между отцемъ и мачихой; мачиха особенно ненавидѣла меня, вѣроятно за то, что я часто тузалъ ее щедушнаго Степанка. Того-же года отецъ осенью поѣхалъ за чѣмъ-то въ Кіевъ, занемогъ въ дорогѣ и возвратясь домой, вскорѣ умеръ.

---

[1]) Этими словами начинается послѣдній въ Псалтири псаломъ.

[2]) Скудное имущество.

[3]) Палка, отъ *pater* отецъ.

[4]) Извѣстнаго Сковороды, философа украинскаго.

[5]) Чернильницу, въ которую вмѣсто чернилъ вливался растворъ мѣлу для писанья перомъ на доскѣ.

Послѣ смерти отца, одинъ изъ многихъ моихъ дядей, чтобъ вывести сироту въ люди, какъ онъ говорилъ, предложилъ мнѣ за ястіе и питіе пасти лѣтомъ стадо свинное, а зимою помогать его наймиту по хозяйству; но я избралъ другую часть.

Взявши свою таблицу, каламаръ и псалтырь, отправился я къ пьяному стихарному дьячку въ школу и поселился у него въ видѣ школяра и работника. Тутъ начинается моя практичная жизнь. Пребываніе мое въ школѣ было довольно не комфортабельно. Хорошо еще, если случались покойники въ селѣ (прости меня, Господи!), то мы еще кое-какъ перебивались; а не то, просто голодали по нѣскольку дней сряду. Вечеромъ иногда бывало я возьму торбу, а учитель возметъ въ десную посохъ дебелый, а въ шуйцу сосудъ скудельной (мы и жидкостями не пренебрегали, какъ-то грушевымъ квасомъ и проч.) и пойдемъ подъ окнами воспѣвать „*Богомъ избранную*“. Иной разъ принесемъ таки кое что въ школу, а иной разъ и такъ на-сухо придемъ, только что неголодные.

Я зналъ почти весь псалтирь наизустъ и читалъ его, какъ говорили слушатели мои, выразно, т. е. громко. Въ слѣдствіе такого моего досужества не былъ въ селѣ похороненъ ни одинъ покойникъ, надъ которымъ-бы я не прочиталъ псалтиря. За прочтеніе его я получалъ *кнышъ* и *копу* [1]) деньгами, которыя отдавалъ учителю, какъ его доходъ, и онъ уже, отъ щедротъ своихъ, удѣлялъ мнѣ пятакъ на бублики, и это былъ одинъ-единственный источникъ моего существованія. При такихъ, можно сказать, умѣренныхъ доходахъ, я не могъ жить открыто и одѣвался не щегольски, какъ прилично званію школяра. Ходилъ я, постоянно въ сѣренькой, дырявой свиткѣ, и въ вѣчной грязной рубашкѣ, а о шапкѣ и сапогахъ и помину не было, ни лѣтомъ, ни зимою. Однажды далъ мнѣ какой-то мужикъ за прочтеніе псалтиря на *пришвы ремню* [2]), да и тотъ отъ меня учитель отобралъ, какъ свою собственность.

И много-много могъ-бы я разсказать презанимательныхъ и назидательныхъ вещей на эту тему, да разсказывать какъ-то грустно.

Такъ пролетѣли четыре жалкихъ года надъ моею дѣтскою головою.

---

[1]) Кнышъ—особой формы пшеничный хлѣбъ, праздничный и заупокойный, *копа*—50 коп.

[2]) Простой кожи на головки къ сапогамъ.

Потомъ воспоминанія мои принимаютъ еще печальнѣйшіе образы. Далеко, далеко отъ моей бѣдной, моей милой родины,

Безъ любви, безъ радости
Юность пролетѣла!

Не пролетѣла, правда, а проползла въ нищетѣ, въ невѣжествѣ и въ униженіи, и все это длилось ровно двадцать лѣтъ...

Въ продолженіи моего странствованія внѣ моей милой родины, я воображалъ ее такою, какою видѣлъ въ дѣтствѣ, прекрасною, грандіозною, а о нравахъ ея молчаливыхъ обитателей я составилъ уже свое понятіе, гармонируя ихъ, разумѣется, съ пейзажемъ; да мнѣ и въ голову не приходило, чтобы это могло быть иначе, а выходитъ, что иначе.

Послѣ двадцатилѣтнихъ испытаній, я не много окрылился и, разумѣется, полетѣлъ прямо въ родимое гнѣздо. Вскорѣ передо мною засверкали давно знакомые мнѣ бѣленькія хатки,—онѣ какъ будто улыбались изъ темной зелени.

Можетъ-ли быть мѣсто въ этихъ милыхъ пріютахъ нищетѣ и ея гнуснымъ спутникамъ? Нѣтъ, а иначе человѣкъ былъ-бы не человѣкъ, а простое животное... Съ этимъ сладкимъ убѣжденіемъ я проѣхалъ почти всю черниговскую губернію, нигдѣ не останавливаясь. Изъ города Козельца мнѣ нужно было взять въ сторону отъ почтовой дороги, и взглянуть поближе на мой эдемъ, и даже выслушать сію печальную и правдивую повѣсть.

Городъ Козелецъ ничѣмъ не отличается своей физіономіею отъ прочихъ своихъ собратій, повѣтовыхъ малороссійскихъ городовъ. Въ исторіи нашей онъ тоже не играетъ особенной роли, какъ напримѣръ заднѣпрянскіе его товарищи, развѣ только что въ 1663 году недалеко отсюда собрана была знаменитая *Чорная Рада*, вслѣдствіе которой Брюховецкій отрубилъ голову своему сопернику, Якиму Сомку. Словомъ: городокъ ничѣмъ не примѣчательный, но проѣзжающій, если только онъ не спитъ во время перемѣны лошадей, или не закусываетъ у пана Тихоновича, непремѣнно полюбуется величественнымъ храмомъ граціозной архитектуры Растрелевской, воздвигнутымъ Натальею Розумихою, родоначальницею дома графовъ Разумовскихъ.

Въ шести верстахъ отъ г. Козельца, въ селѣ Лемешахъ, въ бѣдной хаткѣ, на *сволокѣ* или балкѣ, читаемъ: *сей домъ соорудила раба Божія Наталія Розумиха 1710 року Божого;* а въ г. Козельцѣ въ величественномъ домѣ читаемъ на мраморной доскѣ: *сей храмъ соорудила Графиня Наталія Разумовская въ 1742 году.* Странные два памятника одной и той-же строительницы!

Въ Козельцѣ я нанялъ пару не мудрыхъ лошадокъ, вмѣстѣ съ рыжимъ жидкомъ, и поѣхалъ себѣ проселкомъ, куда мнѣ нужно, что было въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Съ утра былъ день только сѣренькій, а къ вечеру сталъ и мокренькій, время шло къ ночи, нужно было гдѣ нибудь приготовить себѣ ночлегъ, а по дорогѣ не только корчмы, и мизернаго шинка не видно.

Не доѣзжая Трубежа, или по мѣстному Трубайла, намъ показалося на косогорѣ село; подъѣзжаемъ ближе, и дѣйствительно село, только погорѣлое, и ничего живаго на чорной улицѣ не видно, а за греблею, по ту сторону Трубежа, мы увидѣли между вербами и едва начинающими желтѣть садами бѣлыя хаты. Проѣхали мы по плотинѣ мимо двухъ шумящихъ мельницъ и очутились въ большомъ козачьемъ селѣ. Чистыя большія хаты и неразрушенные тыны свидѣтельствовали о благосостояніи обитателей; но первая къ царинѣ хата своею миловидностію мнѣ особенно приглянулась, такъ что я рѣшился просить въ ней пріюта на ночь. Дождичекъ моросилъ таки порядочно, а хозяинъ привѣтно улыбающейся хаты, какъ ни въ чемъ не бывало—стоитъ себѣ, облокотяся на тынъ, въ новомъ нагольномъ тулупѣ, куритъ коротенькую трубку и улыбаясь смотритъ, какъ его любимцы круторогіе половые волы наслаждаются въ огородѣ капустою. Увидѣвши въ окно такое святотатство, изъ хаты выбѣжала хозяйка и сквозь слезы закричала:

— Чего-же ты стоишь, *недолюде* старый, и смотришъ, какъ добро *нивечитъ* скотина, чому ты не заженешъ въ загороду?

— Я ее тридцать лѣтъ загонялъ, пускай теперь другіе загоняютъ,—отвѣтилъ хозяинъ совершенно равнодушно и продолжалъ курить трубку.

— А Боже мій съ тобою, снова закричала хозяйка. Да ты хоть-бы кожухъ снялъ, видишь дождь идетъ?

— Такъ чтожъ, пускай себѣ идетъ съ Богомъ!

— Какъ чтожъ? кожухъ изнивечишъ!

— Такъ чтожъ, пускай себѣ изнивечу, у меня другой есть.

— Хоть колъ на головѣ теши, а онъ все свое провадить,—сказала хозяйка и побѣжала выгонять изъ огорода скотину. Хозяинъ посмотрѣлъ ей въ слѣдъ и самодовольно улыбнулся.

Мнѣ очень понравилась его совершенно хохлацкая выходка, и я, высунувшись изъ брички, привѣтствовалъ хозяина съ добрымъ вечеромъ, на что онъ отвѣчалъ:

— Добри-вечеръ и вамъ, люди добри! а чи далеко Богъ провадитъ?—прибавилъ онъ, надѣвая шапку.

— Та не далеко, а все таки сегодня не доидемо,—сказалъ я, вылѣзая изъ брички, и прибавилъ съ разстановкой: а чи не можно-бъ у васъ, дядюшко, пидночевать?

— Чому не можно, можно, Боже благослови! хата у насъ чимала, а мы добрымъ людямъ ради,—и говоря это, онъ отворилъ ворота, и бричка всунулась въ дворъ.

— Просимо покорно до *господы*,—сказалъ мнѣ хозяинъ, когда я вошелъ на дворъ, и замѣтно было, что онъ старался выговорить слова на русскій ладъ. Я вошелъ въ хату, въ ней было почти темно, но все таки можно было видѣть, что хата была просторная и чистая.

— Просимо, покорно, садовитесь,—говорилъ хозяинъ, показывая на лаву,—а я тимъ часомъ скажу своей старой, шобъ що нибудь намъ засвѣтила,—прибавилъ онъ, уходя изъ хаты.

Черезъ минуту вошла въ хату старушка со свѣчей и поставивъ ее на столъ, тихо отошла къ двери и сложа руки на груди, молча остановилась. Она была въ чистомъ чепцѣ и въ нѣмецкомъ платьѣ, что меня не мало удивило. Какимъ родомъ, подумалъ я, очутилось подобное явленіе въ мужицкой хатѣ.

Вскорѣ за старушкой вошелъ и хозяинъ въ хату, неся на рукахъ плачущее дитя, которое, увидя старушку, зажало губки и улыбаясь протянуло къ ней свои крошечныя ручонки.

— Возьми его, Микитовна, до себе, говорилъ хозяинъ, передавая дитя старушкѣ. Бачъ, воно мужика боится; сказано княжа, прибавилъ онъ, гладя его по головѣ своей костлявой и широкой рукою.

У меня въ карманѣ были леденцы; нужно замѣтить, что я этотъ продуктъ постоянно имѣлъ въ карманѣ во время моихъ поѣздокъ по Малороссіи, ибо ничѣмъ нельзя такъ скоро задобрить моего угрюмаго земляка, какъ приласкать его дитя, и я часто не

безъ пользы употреблялъ эту тактику. Я подалъ леденецъ дитяти, оно сначала посмотрѣло на меня своими необыкновенно большими глазами, потомъ молча взяло леденецъ и улыбаясь, воткнуло въ свои розовыя губки.

Тутъ я могъ поближе взглянуть на дитя и на старушку. Старушка показалась мнѣ живой картиной Жераръ-Доу, а дитя было ~~настоящій~~ херувимъ. Меня поразила эта чистая тонкая красота дитяти; мои глаза остановились на этомъ прекрасномъ созданіи. Старушка отнесла дитя въ сторону и перекрестила, вѣроятно отъ дурнаго глазу, а хозяинъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ:

— А что, не правда-ли, что панская дитина?

— Прекрасное дитя,—отвѣчалъ я, и подалъ дитяти еще одинъ леденецъ.

Хозяинъ замѣтно былъ доволенъ моими гостинцами и подходя къ старушкѣ, сказалъ: Скажи моей старой, чи не найде вона тамъ чего-нибудь намъ подвечиркувать, та може коли не *лыха* буде, то й тее... по чарочци... догадуетесь, Микитовна?

— Мы, добродію, люди прости, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, у насъ нема ничого такого сладкого, ни того чаю, ниже того сахару, а такъ просто, по простому.

Старушка вышла изъ хаты, а онъ, съ ребенкомъ на рукахъ подходя ко мнѣ, сказалъ:

— Отеперъ подывитесь на ёго, добродію, правда что хороше; сказано княжа.

— Да какъ-же очутилось у васъ княжеское дитя? разскажите мнѣ, ради Бога! спросилъ я съ удивленіемъ.

— Нехай вамъ, добродію, Микитовна роскаже, бо тутъ, не вамъ кажучи, була настоящая комедія; вы бачили отамъ, за Трубайломъ, погориле село?

— Видѣлъ, отвѣтилъ я.

— Такъ добре, що видѣли. Отъ то самое село було колысь оцего дитяти матери, та и выгорѣло; а вона его маты... Та я не роскажу вамъ, якъ воно тамъ выгорѣло, мене тойди дома не було, то я и не бачивъ; нехай Микитовна сама роскаже; вона бачила, то вона й знае, якъ воно диялось.

Между тѣмъ старушка вошла въ хату и чистой бѣлой скатертью поверхъ *килима* [1]) накрыла столъ, достала съ *полыци* [2]) восьмиугольный расписанный штофъ съ водкою и рюмку, и поставила на столъ; потомъ принесла на деревянной тарѣлкѣ, тоже разрисованной, кусками нарѣзаннаго *чабака* и *паляницю* [3]), и все это было сдѣлано ею тихо, чинно, такъ что глядя на нее, можно было навѣрное сказать, что она выросла и состарѣлась не въ мужицкой хатѣ. Потомъ взяла на руки ребенка и отошла въ сторону, а хозяинъ сказалъ ей:

— Микитовна, когда положишь спать дитину, то зайди до насъ, намъ треба буде роспытать у тебе де що. Та скажите тамъ моей старій, нехай намъ вечерю готуе, та не галушки, або *кулиш*, бачите, що у насъ чужи люде.

Старушка вышла изъ хаты, а онъ въ слѣдъ ей прибавилъ:

— Зайдить же до насъ, Микитовна, якъ *упорастесь*.

— Хорошо, зайду, отвѣчала она изъ сѣней.

Выпивши по одной, а потомъ и по другой, хозяинъ мой сталъ слово-охотнѣе; онъ разговорился до того, что, самъ не замѣчая, разсказалъ мнѣ всю свою біографію; разсказалъ мнѣ, между прочимъ, какъ онъ, будучи нарубкомъ еще, былъ въ погоньцяхъ подъ французомъ и воротился съ нимечины голый-голымъ, съ однимъ батогомъ въ рукахъ, и какъ потомъ пошелъ въ наймы до пана, и какъ послѣ трудомъ и разумомъ богатѣлъ и сдѣлался изъ бездомнаго сироты-наймита первымъ хозяиномъ въ селѣ. Словомъ чрезъ часъ времени я не допытываясь узналъ всю его самую сокровенную исторію. Но что мнѣ особенно въ немъ понравилось,—что онъ разсказывая свою обыкновенную исторію, касался какъ-бы мимоходомъ своихъ богатырскихъ подвиговъ, не подозрѣвая въ нихъ ничего необыкновеннаго.

А между тѣмъ старушка принесла намъ вечерю и сама повечеряла съ нами. Помолившись Богу, послѣ вечери хозяинъ обратился къ старушкѣ, сказалъ:

---

[1]) У людей зажиточныхъ столъ накрывался *ковриком*ъ домашней работы.

[2]) Деревянная полка въ заднемъ углу, для храненія посуды.

[3]) Чабакъ—сушеная, вяленая рыба, любимая у хохловъ съ достаткомъ закуска съ паляницею, т. е. бѣлымъ хлѣбомъ.

— Теперь, Микитовна, роскажить намъ про свою княгиню, якъ воно тамъ у васъ дiялось; а съ самаго начала, прибавилъ онъ,— наточите намъ съ кухоль сливянки, воно, знаете, веселише буде слухать.

Черезъ минутъ пять старушка возвратилась въ хату съ порядочнымъ стекляннымъ *глечикомъ* въ рукахъ; поставивши глечикъ на столъ, сама она сѣла на скамейку, и помолчавъ немного, проговорила вздохнувши:

— Про се безталанье, Степановичу, про сю тяжку горькую долю, я готова каждый день, каждую годину разсказывать всему свѣту, чтобъ весь свѣтъ зналъ про сiи горькiе кровавые слезы и казнился ими.—И старушка тихо заплакала.

Мы выпили по рюмкѣ сливянки, а старушка, утерши слезы, начала такъ:

— Не умѣю сказать, сколько минуло тому лѣтъ, только это случилося давно, еще до француза, я была тогда еще такою *стрiюю*, когда покойный Демьянъ Федоровичъ, царство ему небесное, пришелъ изъ подъ-француза. Они служили въ какихъ-то козакахъ, а въ какихъ именно, не умѣю вамъ сказать, знаю только, что въ козакахъ и больше ничего. Батюшку своего Федора Павловича, царство ему небесное, они не застали въ живыхъ. Осмотрѣвшися дома около хозяйства, поправили, что нужно было поправить, а что не нужно, то и такъ оставили, тогда-же они выстроили и два *витряка*, вотъ что на горѣ стоятъ. Они только и уцѣлѣли отъ всего добра. Построивши витряки, да и задумали свататься, высватали они ажъ за Остромъ у какого-то Солонины Катерину Лукьяновну. Вотъ весною засватались, а послѣ першой Пречистой и повѣнчалися; и полгоду не былъ женихомъ голубчикъ мой; послѣ ихъ сватьбы меня и взяли во дворъ, въ покои. Долго я плакала и скучала за своими домашними, а послѣ и привыкла, когда побольше подросла. На другой или третiй годъ,—кажется на третiй, далъ имъ Богъ дитя, назвали его Катериною, а меня приставили къ нему нянькою; съ той поры и по сiе лютое время я не разлучалася съ моею безталанницею ни на одинъ часъ, у меня на глазахъ выросла и замужъ вышла, и...

— Та годи вамъ плакать, Микитовна, сказалъ хозяинъ съ участiемъ; на все то воля Божiя, слезами только Бога гнивите.

Старушка, помолчавъ немного, продолжала:

— А какой хозяинъ! какой панъ добрый! Душа какая праведная была! И все пошло прахомъ. Бывало, покойный Катериничъ пріѣдетъ къ намъ изъ Кіева, да только подивуется, а ужъ можно сказать, что Катериничъ даромъ никого не похвалитъ, да правду сказать, было чему и подивоваться. Село всего на-вся сорокъ хатъ, а посмотрѣлъ-бъ, чего въ этомъ селѣ не было! И *ставы*, и *млины* и *паськи*, и *винница*, и *броваръ*, и скотины разной, а въ *коморахъ* и *господи* развѣ птичого молока не доставало, а то все было. А въ селѣ такъ любо по улицѣ пройдти, хаты чистыя, бѣлыя, казалось, что въ нашемъ хуторѣ вѣчная великодная суббота, люди ходятъ собѣ по улицѣ, или сидятъ подъ хатами обутые, одѣтые, дѣти бѣгаютъ по улицѣ въ бѣленькихъ сорочечкахъ, точно ангелята Божіи. О, охъ! и гдѣ это все дѣвалося? Правда, и Катерина Лукьяновна была хозяйка, но все таки не то, что самъ. Бывало, каждое Божіе воскресенье, или праздникъ какой запросятъ покойнаго Купріяна на *Отче нашъ*[1]) да и выставлятъ двѣнадцать графиновъ, и все съ разными настойками, а отецъ Купріянъ, царство ему небесное, по *Отче нашъ* выпьетъ бывало съ каждаго графина по рюмкѣ, да какъ дойдетъ уже до послѣдняго, то и скажетъ: вотъ это хорошая водка, ее и будемъ пить; а водки, правду, сказать, всѣ были одинаково хорошія, да онъ покойникъ былъ ужъ такой чудной, любилъ иногда, царство ему небесное, и пошутить.

— Чудный, чудный таки былъ покойникъ, говорилъ хозяинъ, наливая въ рюмку сливянки, а чтобы сказать пьянаго, такъ я его никогда не видѣлъ: Богъ его знаетъ, или это ужъ натуру такую добрую Богъ дастъ человѣку, или человѣкъ уже самъ приспособится, не знаю;—а что, Микитовна, еслибъ и вы съ нами выпили чарочку сливянки, воно може-бъ и полегшало!

Старушка отказалась отъ сливянки, и немного помолчавъ, продолжала свой разсказъ:

— Катеринѣ Демьяновнѣ пошелъ уже другій годочокъ, какъ вона въ первый разъ на ноги стала, я привела ея за ручку въ гостинную, гдѣ они поутру пили чай. Господи! что тутъ было радости,

---

[1]) Т. е. на закуску, благословляя которую, священникъ читалъ молитву Господню; отсюда выраженіе: зайти, или престь на *Отче нашъ*.

такъ и разсказать не можно. Катерина Лукьяновна взяла ее на руки и поцѣловавши, тутъ-же сказала, что ни за кого на свѣтѣ не выдастъ ее замужъ, какъ за князя, или какого генерала... Охъ! такъ-же оно и случилося на наше безголовье. А какіе люди сватались: нѣтъ таки, дай ей князя, или генерала... вотъ тебѣ и князь!

— Да таки нѣчего сказать, хорошій, перебилъ хозяинъ, далъ онъ ей бѣдной знать себя.

— Стало оно выростать, стали его учить сначала грамотѣ, а потомъ—и Господи! чему они его не учили! Бывало, жаль посмотрѣть на бѣдное дитя! и шить, и вышивать, и прясть, и нитки сучить, а разъ самъ такъ послалъ ее бѣдную и коровъ даже доить. Бывало, сама иногда вскипется на него: что ты, говоритъ, дѣлаешь съ бѣднымъ ребенкомъ? развѣ мы его за мужика готовимъ? А можетъ, и за мужикомъ придется жить; будущее кто знаетъ?— бывало, скажетъ самъ, да и замолчитъ. А она ему: ты бы лучше для нее фортопьяны купилъ въ Кіевѣ. Купили и фортопьяны на контрактахъ. Привезли съ фортопьянами и учителя, не умѣю сказать, полякъ-ли онъ былъ, или нѣмецъ, не знаю; только онъ говорить совсѣмъ не умѣлъ по нашему, бывало скажетъ слово, такъ слушаешь, да ~~только~~ хохочешь. Вотъ онъ ее въ годъ или два выучилъ играть на тѣхъ фортопьянахъ, да какъ бывало заиграетъ моя лебедонька, такъ только сидишь, слушаешь, слушаешь да и заплачешь, а она возметъ да и перемѣнитъ пѣсню, да какъ ударитъ *горлицю* или *метелицю*, согрѣшила я грѣшная, не вытерплю бывало, да какъ возьмуся въ боки, да й пойду, да какъ пойду!— Только подъ ноги ложится, а она играетъ, бывало, да хохочетъ. Однажды насъ и застала сама, да какъ крикнетъ на насъ: ты, говоритъ, что это дѣлаешь? развѣ этому тебя учили играть, только инструментъ портишь своими мужицкими пѣснями. А ты, цындря, не знаешь, гдѣ коровъ доятъ, то будешь знать. Я, разумѣется, испугалась и стала себѣ въ уголъ, да и стою, какъ будто меня и въ комнатѣ нѣтъ.

— А вы таки, Микитовна, були, колись, нигде правды *сховать*, таки добре *дзиндзюристы* [1]), сказалъ хозяинъ, наливая рюмку сливянки.

---

[1]) Дзиндзюристый—вертлявый, на всѣ штуки.

— Прости мене, Господи! сказано молодость, а въ молодости чего не случается. А бывало, когда моя пташечка Катруся совсѣмъ выросла, то какъ только лягутъ спать паны послѣ вечери, а мы и выйдемъ тихенько въ садъ, гуляемъ, гуляемъ, до самого свѣта гулямъ, а мѣсяцъ такъ тебѣ и свѣтитъ, какъ будто днемъ; а она еще бывало возметъ, да запоетъ: *Не ходи Грицю, та на вечерницю*— тихо, тихо, та сладко, такъ-бы вотъ, кажется, и слушала-бъ ее, слушала-бъ до самаго свѣту.

— Помню, хорошо помню, сказалъ хозяинъ, разъ иду я въ ночи коло вашего саду, только слушаю, что то поетъ, тилько не *Гриця*, а другую какую-то пѣсню, я остановился и такъ простоялъ, какъ прикованный до тыну, до самаго бѣлаго дня; нечего сказать, прекрасно було слушать, какъ вона бувало заспивае.

— А по утру, спала-ли, нѣтъ-ли, вспорхнется, что твоя пташка, и снова веселится и никто, опричъ меня, не знаетъ, что ночью дiялось. Ахъ, вотъ что я было чуть совсѣмъ не позабыла: есть тутъ, голубчики мои, не далеко отъ нашего села на Трубайлѣ хуторъ маiора Ячнаго. Вы его, Степановичъ, знаете самаго маiора? Онъ и теперъ еще здраствуетъ, благодареніе Богу, а что за хозяинъ, такъ и покойному нашему Демьяну Федоровичу не уступитъ. Правда, у него только всего на все десять хатъ на хуторѣ, такъ за то и хаты, за то и люде, что хата, то семья душъ десять. Извѣстное дѣло въ добри, та въ роскоши живутъ, а у самаго маiора ставочокъ, млиночокъ, садочокъ, а домикъ что твоя писанка,—чистенькiй, бѣленькiй, только смотри да любуйся! А что-же, еслибъ у него еще и хозяйка была-бы жива, а то онъ самъ за всѣмъ хозяйничаетъ: правда, былъ у него сынокъ, но то что? еще можно сказать дитина, да и то не на глазахъ росло, а было гдѣ то въ школахъ, не знаю, въ Кiевѣ или Нѣжинѣ.

— А были они съ нашимъ покойнымъ великiе пріятели. Бывало, или нашъ у него, или онъ у нашего, куска хлѣба не съѣдятъ врозь, все вмѣстѣ. На праздники пріѣзжалъ къ нему гостить и сынъ изъ школы, и только слава, что пріѣзжалъ къ отцу, а у насъ бывало и днюетъ и ночуетъ; изъ моею Катрусею, бывало, и въ полѣ, и въ саду, и въ покояхъ, одно безъ другаго никуда; я, бывало, гляжу на нихъ, та и думаю: вотъ выростастъ парочка такъ, что на диво. Они просто одно для другаго на свѣтъ Божiй роди-

лися. Тукъ думалъ и маіоръ, такъ думалъ и нашъ Демьянъ Федоровичъ, а про дѣтей и говорить нечего; да всѣ такъ думали, да не такъ думала Катерина Лукьяновна. Она спала и видѣла своего зятя или князя или генерала, а о другихъ и думать не хотѣла! Бывало, когда ему бѣдному приходило время отправляться въ школу, то Катруся моя уже за недѣлю начинаетъ плакать, а когда онъ уѣдетъ уже совсѣмъ, то она просто въ постель ляжетъ, и долго послѣ того не ѣстъ, ни пьетъ ничего, Богъ ее знаетъ, чемъ она и жива была.

— Такъ-то они мои голубоньки росли, да и выросли вмѣстѣ, да и полюбилися, сердечные, на свое безголовье. Господи! я уже въ *домовину* смотрю, а когда вспомню про нихъ, моихъ пташечекъ, то какъ будто снова молодѣю. Бывало уже передъ тѣмъ, какъ имъ надо разставаться, сойдутся себѣ въ саду, станутъ гдѣ нибудь подъ липою, или подъ берестомъ, обнимутся, поцѣлуются и долго, долго смотрятъ другъ другу въ очи, а слезы у обоихъ изъ очей такъ жемчугомъ и катятся; знать они чувствовали, что не дадутъ имъ жить одному для другаго.

— Вотъ онъ уже кончилъ свою школу, покойный губернаторъ Катеринчъ взялъ его къ себѣ въ Кіевъ, опредѣлилъ его въ какую-то палату. Не умѣю вамъ сказать, для чего онъ его опредѣлилъ въ палату; вотъ онъ пробылъ годъ въ той палатѣ, а на другой годъ пріѣзжаетъ къ намъ въ гости, да и давай сватать мою Катрусю. Демьянъ Федоровичъ, царство ему небесное, таки сразу согласились и говорятъ, что лучше мужа нашей Кати не найти и за морями, и правду говорили. Такъ что-жъ сама,—не Катруся сама, Боже боронi! а сама Катерина Лукьяновна—уперлась и руками и ногами. Какъ! закричитъ бывало, чтобъ я свою единственную дочь отдала за какого нибудь хуторянина, за *гречкосія*! нѣтъ, я лучше въ гробъ ее положу, чѣмъ увижу ее, мою милую Катеньку, на хуторѣ Ячнаго! Что она тамъ будетъ дѣлать, индиковъ кормить, гусей загонять? нѣтъ, не для того я ее на свѣтъ породила, не для хутора Ячнаго я ее воспитывала... крикнетъ, бывало, и запрется въ своемъ покою на цѣлый день; а онъ самъ около нея и такъ и сякъ, нѣтъ, хоть и не подходи, знай свое *провадитъ*. Князя или генерала, да и только! Покойный Демьянъ Федоровичъ хотѣлъ было уже безъ ея согласія перевѣнчать, да знать Богъ не судилъ ему это доброе

дѣло сдѣлать. О Рождествѣ онъ заболѣлъ, вернувшися изъ Козельца, а на средокрестной и Богу душу отдалъ.

— Господи! и теперь страшно вспомнить! Какъ онъ уже на вѣчной постели просилъ ее, чтобы не отдавала Кати ни за князя, ни за генерала, а чтобы отдала ее за молодаго Ячнаго, или за кого другаго, только за свою ровню. Нѣтъ таки, поставила на своемъ.

На тотъ грѣхъ, какъ разъ въ чистый четвергъ, вступила *драгунія* въ Козелецъ, да и заквартировала по хуторахъ и по селахъ на все лѣто. Да драгунія-жъ эта была! чтобы она къ намъ никогда не возвращалась. Да таки дала себя знать эта проклятая драгунія! не одна чорнобривка умылася слезами, провожавши эту Иродову драгунію; въ одномъ нашемъ селѣ осталось четыре *покрытки*, а что же въ Оглавѣ да въ Гоголевѣ? тамъ я думаю и не пересчитаешь!

— Горе намъ! горе намъ съ тѣми драгунами, промолвилъ хозяинъ, наливая чарку сливянки.

— Да и теперъ страшно вспомнить, продолжала старушка; разъ сидимо мы къ вечеру всѣ трое въ гостинной, я, кажется, карпетку вязала, Катерина Лукьяновна сидѣла такъ, а Катруся книжку читала, та такую жалобную—чуть-чуть я не заплакала, про какого-то запорожца Киршу, или про Юрія, не помню хорошенько, только очень жалобно. Вотъ уже дочиталася она, моя рыбонька, какъ того Юрія запорожца заковали въ кайданы и посадили въ темницу, только глядь, смотримъ—входитъ въ комнату драгунъ, высоченный, усатый, а морда ниначе те *ретето*, гладка та червона, здавалась червоннше одъ воротника, що пришитый до его мундира. Я, говоритъ, такой-то и такой князь Мордатый; мы сами видимъ, что ты мордатый, думаю себѣ. Я, говоритъ, покупаю овесъ и сѣно, нѣтъ ли у васъ овса и сѣна продажняго? Есть, говоритъ Катерина Лукьяновна,—прошу садиться. Вотъ онъ себѣ и сѣлъ, а мы съ Катрусею ушли въ другую комнату дочитывать книжку; только что начала читать, а въ комнату входитъ Катерина Лукьяновна и говоритъ: вотъ тебѣ, Катенька, и твой суженый. Мы какъ сидѣли, такъ и обмерли; какъ уже у нихъ было въ тотъ несчастный вечеръ и какъ онъ сватался, мы ничего не знали, только съ того самаго вечера—князь къ намъ началъ ѣздить каждый Божій день и рано и вечеромъ. А молодаго Ячнаго, когда пріѣдетъ онъ, бывало, изъ

Кіева, и на дворъ не пускали; ходитъ бывало по-за садомъ, да плачетъ, а мы глядя на него, и сами въ слезы. Что жъ? не помогли и слезы, а ни, ни; Катерина Лукьяновна таки поставила на своемъ; какъ разъ черезъ годъ послѣ смерти Демьяна Федоровича, на великодныхъ святкахъ, просватала за князя мою безталанну Катрусю.

— И можно таки сказать, что безталанница: отъ всего добра, отъ всей роскоши только и осталось, что два витряка, да и сама еще, Богъ знаетъ, останется ли въ живыхъ,—говорилъ хозяинъ какъ-бы самъ про себя, наливая рюмку сливянки.

— А вотъ какъ было, Степановичу! На Фоминой недѣли ихъ и повѣнчали; плакала, плакала она, моя безталанница, да что! знать, такъ Господу угодно было, не умолила она Его милосердаго; знать, Господь Богъ любя наказуетъ. На другой день послѣ свадьбы переѣхалъ онъ къ намъ изъ Козельца, и деньщикъ его Яшка, такой скверный, оборванный, тоже съ нимъ переѣхалъ, и только и добра было съ ними, что преогромная бѣлая кудрявая собака, юфтовый зеленый кисетъ и длинная трубка. Съ того же дня и началося новое господарство.

На этомъ словѣ старушка остановилась, и помолчавъ немного, перекрестяся сказала:

— Господи! прости меня непрощенную грѣшницу! за что я осуждаю человѣка, ничего мнѣ злаго не здѣлавшаго... А какъ подумаю, такъ онъ и мнѣ таки не мало надѣлалъ зла. Онъ, прости ему Владыко милосердый;—тутъ она снова перекрестилась,—онъ душегубецъ, загубилъ мое одно единственное сокровище, мою одну единственную любовь! Я никого никогда на свѣтѣ такъ не любила, какъ полюбила ее, мою горькую, мою бездольную Катрусю. Одна моя единая радость, одно мое единое было сладкое счастіе видѣть ее счастливою за мужемъ. И что-же? Слезы, слезы, слезы и посрамленіе, а все мать! всему причиною одна родная мать; захотѣлось ей, видишъ-ли, свою единственную дочь увидѣть княгинею; ну вотъ тебѣ и княгиня! любуйся теперъ на свою княгиню! любуйся теперь на прекрасное свое село, на свой садъ зеленый, на свой домъ высокій! любуйся, Катерина Лукьяновна! любуйся на свои хорошія дѣла, ты, ты одна все это натворила.

— Та цуръ ій, Микитовна, не згадуй ее, нехай ій лихо сниця; розсказуйте, що тамъ дальше буде?

— Охъ! я не знаю, какъ мнѣ и разсказывать, потому что тутъ пойдетъ все такое страшное, скверное, что и подумать грѣшно, а не то что разсказывать.

— Розсказуй уже, Микитовна, до краю, а то—такъ не треба було и зачинать, говорилъ хозяинъ, наливая рюмку сливянки и поднося ее разскащицѣ.

— Спасибо, спасибо Степановичу, я вже моими слезами пьяна.

— А не хочете, то якъ хочете, такъ мы съ добродіемъ выпьемо; а вы тимъ часомъ роскажите, якъ воно зачалося у васъ то новое господарство,—говорилъ хозяинъ, подчуя меня сливянкой.

— А началось вотъ какъ, проговорила старушка, и помолчавши, почти закричала.

— Ну, скажите вы мнѣ, люди добрые, чего сей грѣшницѣ не доставало? пани на всю губу, всякого добра и видимо и не видимо, купалася въ роскоши, такъ-же нѣтъ, мало, дайте мнѣ зятя князя, а то умру, якъ не дадите; добула, выторгувала, купила себѣ князя, продавши свою единственную дочъ. О, матери, матери! вы забываете свои страданія при рожденіи дитяти, когда такъ не дорого продаете это дитя, которое вамъ такъ дорого обошлося!

Старушка замолчала, а хозяинъ сказалъ:

Все воно такъ, Микитовна, а мы все таки не знаемъ, какъ у васъ началося новое господарство?

И она спокойно продолжала:

— А началося воно такъ, Степановичу, что князь въ комнатахъ завелъ псарню; вотъ какъ началося новое господарство! Всякій Божій день пиры да банкеты, бывало, свѣту Божьяго не видишъ отъ табачнаго дыму, а о прочемъ и говорить ничого. А еще бывало, какъ зазоветъ къ себѣ на охоту всю свою драгунію изъ Козельца, то Господи и упаси! Заѣдутъ пьяные, грязные, скверные такіе, что не дай Богъ и во снѣ такихъ увидать. Да еще всякій возьметъ себѣ по деньщику такому-же скверному, какъ и самъ, и не день, и не два, и не три, а цѣлую недѣлю гостятъ. А что они за эту недѣлю надѣлаютъ въ домѣ, такъ я и разсказать стыжуся. Свининецъ, настоящій свининецъ! Такъ что бывало вымываемъ, да выкуриваемъ послѣ ихъ цѣлый мѣсяцъ. Отутъ то я только узнала, что значитъ драгунія. А Катерина Лукьяновна смотритъ на нихъ, да только себѣ улыбается, и больше ничего.

— Не прошло и мѣсяца, какъ онъ все уже къ себѣ забралъ въ руки. Ключи отъ комоды и леху были у его поганого Яшки; такъ что ежели чего захочется Катеринѣ Лукьяновнѣ, то нужно было просить Яшку. О тутъ-то она въ первый разъ заплакала, тутъ-то она увидѣла своего князя такимъ, какъ его надо было видѣть матери до свадьбы. Но она, гордая, и виду не показывала, что все видитъ. А когда бывало придется ей до *скруту*, не въ моготу, то она хоть черезъ великую силу, а все-таки улыбается и поворотитъ все *въ жарты*. А Катруся, моя бѣдная Катруся, сидитъ бывало въ своей комнатѣ и день и ночь, да такъ рѣкою и разливается. А онъ, и это не одинъ разъ, пріѣдетъ въ полночъ изъ Козельца пьяный, да привезетъ съ собой жида съ цимбалами, всѣхъ подыметъ на ноги,—танцуйте, кричитъ, хохлацкія души, танцуйте! а не то всѣхъ васъ передушу! Мы, бывало, съ Катрусею убѣжимъ себѣ въ садъ лѣтомъ, а зимою не разъ мы ночевали въ мужицкой хатѣ.

— Мнѣ только вотъ что кажется чуднымъ, перебилъ ее хозяинъ, какъ вы не догадались его пьянаго задушить, да сказали-бъ, что умеръ съ перепою, или просто сгорѣлъ.

— Э, такъ, думаете, и сказать легко; а грѣхъ, а страшный судъ, Степановичу! нѣтъ, пускай себѣ умираетъ своею смертію, Богъ ему и судъ и кара, а не мы грѣшные.

— Та воно то такъ, Микитовна, а бываетъ и вотъ еще какъ: одному разбойнику на исповѣди въ Кіевѣ чернецъ задалъ такую *покуту* ~~чи эпитемію~~: возьми, говоритъ, непрощенный грѣшниче, два камени, свяжи ихъ до купы сыромятнымъ ремнемъ, перекинь черезъ плечи, и когда ремень перервется, тогда твои грѣхи будутъ прощены. Ото идетъ онъ съ тими камнями черезъ кладовище и видитъ, что на свѣжей могилѣ блудный сынъ мать свою проклинаетъ. Господи! говоритъ разбойникъ, не одного я добраго человѣка послалъ на тотъ свѣтъ, дай пошлю и этого злодѣя ругателя, и только что убилъ его, ремень какъ ножомъ перерѣзало. Вотъ что! прибавилъ онъ значительно.—Такъ что-же у васъ тамъ дальше происходило, Микитовна? сказалъ онъ, подвигая къ себѣ кухоль съ сливянкою.

— О, происходили, Степановичу, спивы, та плясы, та полуночные банкеты, и добанкетовалися до того, что къ концу зимы нечего было на столъ поставить. Драгунія, знаете, наѣдетъ голодная, такъ

тутъ хоть *макитру* пустую поставь на столъ, то и ту съѣдятъ. Все, что не поставь, бывало, какъ метлою метутъ. А когда не успѣемъ, бывало, собрать со стола во время посуды, то и посуда полетитъ подъ столъ; скааано: пьяные люди! А самъ князь сидитъ себѣ за столомъ, та знай въ ладоши бьетъ, та кричитъ: ура!! Сначала я не понимала этого слова и думала, что онъ сердится и ругаетъ своихъ гостей, а вышло, что онъ радъ былъ, когда они пустошили его добро. Вотъ такъ то они всю зиму просодомили, та прогоморрили, а весною смотримъ, наше поле не зеленѣетъ; ни трава, ни жито, ни пшеница не зеленѣютъ. Прошли и зеленые святки, а поле черное, какъ будто на немъ ничего и не сѣяно. Уже и молебствовали, и воду въ криницахъ святили, нѣтъ, ни что не взошло. Посѣяли яровое, и зерно въ землѣ погибло. Народъ заплакалъ, скотина заревѣла съ голоду, и наконецъ собаки завыли и разбѣжались, и Господь знаетъ, откуда это волки взялися, и днемъ, и ночью такъ бывало и ходятъ по селу. Это было горе, всесвѣтное горе! Но намъ было горе двойное! Одно то, что люди въ селѣ пухли отъ голоду, издыхали, якъ ти собаки, безъ святыхъ исповѣди и причастія (отецъ Купріянъ самъ занедужалъ); а другое наше горе было то, что панъ князь, ничего этого не видя, назоветъ къ себѣ гостей, свою драгунію изъ Козельца и съ людьми, и съ лошадьми, и съ собаками, да и кормитъ ихъ и поитъ цѣлый мѣсяцъ; а до того ему и дѣла нѣтъ, что у мужиковъ ни одной крыши не осталось на хатѣ, все скотина съѣла; въ лѣсу даже не осталось ни одного дерева живаго; всѣ деревья—и дубъ и ясень, и кленъ, и осика, ужъ на что верьба горькая—и та была оскоблена и съѣдена людьми. О, Господи, что-то Господь дѣлаетъ съ человѣкомъ! Посмотришъ бывало, совсѣмъ не человѣкъ ходитъ, а что-то страшное, звѣрь какой-то голодный, что и взглянуть на него нельзя безъ ужасу. А дѣти-то бѣдные, дѣти! просто пухли съ голоду; лазятъ бывало по улицѣ, какъ щенята и только и знаютъ одно слово: *паны, паны!*

Вы, можетъ быть, думаете, что у насъ хлѣба не было? мыши его ѣли въ скирдахъ и въ коморахъ; лѣтъ пять можно-бъ прокормить не только наше село, а весь Козелецъ. Такъ что-жъ ты будешъ дѣлать? не даетъ людямъ: лучше, говоритъ, продамъ, когда вздорожаетъ, а люди нехай дохнутъ, отъ нихъ прибыли мало. Кат-

руся моя бѣдная заикнется было сказать слово про людей... Молчать, закричитъ онъ на нее, какъ на свою бѣлую собаку; развѣ я не знаю, что дѣлаю? Она бѣдная и замолчитъ; выйдетъ въ другую комнату да и въ слезы, а я на нее глядя, и себѣ туда-же. Что будемъ съ нимъ дѣлать, сказано звѣрь, а не человѣкъ; и Богъ святый знаетъ, какъ она еще бѣдное дитя выносила!

— Она была тогда уже на износѣ, этимъ самимъ дитямъ, что вы сегодня видѣли, говорила она, обращаясь ко мнѣ, и когда бывало онъ заснетъ пьяный, то она, дрожа, на цыпочкахъ пройдетъ мимо его въ свою комнату, упадетъ на колѣни предъ образомъ скорбной Божіей Матери помолиться, и такъ горько заплачетъ, такъ горько, такъ тяжко, что я и не видѣла никогда, чтобъ люди такъ плакали. Мнѣ даже страшно дѣлалось. А когда онъ поѣдетъ на охоту съ своею драгуніею, тогда мы возьмемъ себѣ по мѣшку хлѣба печеного, я еще бывало говорю ей, не берите, не поднимайте черезъ силу, вы сами видите, какіе вы; я одна понесу; ничего, говоритъ, Микитовна (она меня тоже Микитовной звала), ты только показуй, у кого есть маленькія дѣти и старые, немощные люди. Вотъ мы и пойдемъ по хатамъ. Господи! чего я тамъ не насмотрѣлась... Голодная мать вырываетъ изъ рукъ хлѣбъ у своего умирающаго дитяти! и волчиха, я думаю, этого не дѣлаетъ,—что значитъ голодъ!!

— Разъ зашли мы въ одну хату. О! я этой хаты, пока живу на свѣтѣ, не забуду! отворили мы двери, на насъ такъ и пахнуло пусткою. Входимъ и видимъ: по срединѣ хаты на полу лежатъ двое худыхъ, прехудыхъ дѣтей, только однѣ колѣни толстыя. Одно уже совсѣмъ кончалось, а другое еще губками шевелитъ, а около нихъ сидитъ мать простоволосая, худая, блѣдная, въ разорванной рубахѣ и безъ *запаски*; а глаза у нее, Господи! такіе страшные, и она ими не смотритъ ни на дѣтей, ни на кого, а такъ Богъ знаетъ на что смотритъ. Когда мы остановились на порогѣ, она какъ будто взглянула на насъ и закричала: не треба, не треба хлѣба. Я вынула изъ мѣшка кусокъ хлѣба и подала ей. Она молча обѣими руками схватила его, задрожала и поднесла къ губамъ умершаго дитяти и потомъ захохотала. Мы вышли изъ хаты.

— Да вы таки, Микитовна, видѣли на своемъ вѣку багато де чого!—говорилъ хозяинъ, съ участіемъ глядя на старушку.

— И не говорите, Степановичу! не приведи Господи никому того видѣть, что я видѣла.

— Господь его милосердный знаетъ, продолжалъ хозяинъ, обращаясь ко мнѣ, какъ это воно все мудро, да хитро устроено на свѣтѣ! Я про себя скажу, меня эти проклятые, голодные года просто на ноги поставили. У меня своего хлѣба таки было довольно, да у людей еще прикупилъ, какъ будто зналъ, что будутъ неурожаи. Вотъ какъ насталъ голодный годъ, ко мнѣ всѣ и сунулись за хлѣбомъ; я хотя и вчетверо продавалъ дешевле, нежели паны жидамъ продавали, а все таки выручилъ порядочную копѣйку. Чумаки мои одну зиму зимовали съ худобою на Дону, а другую перезимовали за Днѣстромъ, а тамъ голоду не було; волы, слава Богу, и чумаки вернулися живы и здоровы, еще и соли и рыбы мнѣ привезли, а хлѣбъ святый дома проданный. Вотъ у меня и гроши, и скотина, слава Богу, жива; такъ дѣлается на свѣтѣ, такъ дивно, прибавилъ онъ, обращаясь къ разскащицѣ.

— Такой ужъ вамъ таланъ, Степановичу! сказала она, вздыхая: за то вамъ Господь и посылаетъ, что вы въ нуждѣ людей не оставляете. Вотъ хоть-бы и я теперь, если-бы не вы, куда-бы я приклонилася съ этою бѣдною сиротою; хоть съ горы, та въ воду...

— Господь съ вами, Микитовна! мы свои люди! съ кѣмъ-же намъ дѣлиться, какъ не съ вами? а тымъ часомъ росказуйте дальше Микитовна, а то може нашему гостю и заснуть треба,—говорилъ онъ, на меня поглядывая.

— Кое-какъ прошло лѣто, продолжала старушка, осени мы и не видѣли, разомъ наступила зима, да лютая такая, да жестокая; и холодъ и голодъ разомъ посѣтили насъ. Лѣсъ ободранный весь высохъ, а князь, нашъ хозяинъ, запретилъ его на дрова рубить.— Кто, говоритъ, хоть вѣточку срубитъ, того, говоритъ, въ гробъ вгоню. Лѣсъ славный, сухой, лѣтомъ примусь, говоритъ, палаты себѣ строить. Я люблю просторъ, мнѣ нуженъ дворецъ, а не лачуга хохлацкая, въ которой я теперь гнѣздюся, какъ собака въ канурѣ. И люди бѣдные и мерзли и мерли, а что съ нимъ будешъ дѣлать? сказано панъ, что хочетъ, то и дѣлаетъ.

— На первой недѣли Филиповки разрѣшилась она отъ бремени и не хотѣла взять мамку, а сама кормила свое дитя. Вскорѣ послѣ крестинъ поѣхалъ онъ въ Козелецъ къ товарищамъ и прогостилъ

у нихъ цѣлую недѣлю. Отдохнули мы безъ него немного, слава Богу; только ночью, мы уже спать легли, пріѣзжаетъ онъ, ломится въ двери, да кричитъ; я вскочила, отворила дверь, достала огня, только смотрю, какая-то женщина съ нимъ въ картузѣ и въ офицерской шинели; какъ крикнетъ онъ на меня: что ты, говоритъ, глаза вытаращила, пошла вонъ дура! я и ушла въ свою комнату.

На другой день, за чаемъ, онъ сказалъ Катрусѣ:

— Знаешь, душенька, какой сюрпризъ мнѣ сдѣлала сестрица? не написавши мнѣ ни слова, что хочетъ съ тобою лично познакомится, взяла да и пріѣхала, какъ говорится, не думавши. Такая, право, вѣтренница! И вообрази себѣ, на перекладныхъ вѣдь пріѣхала,—настоящая гусаръ-баба, просто одолжила. Вчера, вообрази себѣ, подхожу я къ почтовой станціи, смотрю, тройка у воротъ стоитъ совсѣмъ готовая. Я остановился, дай, думаю, посмотрю, кто такой поѣдетъ, только смотрю, выходитъ дама. Я, знаешь, этакъ тово... ты прости меня, душеночекъ, проклятая привычка! Смотрю... и представь себѣ мой восторгъ! это была моя сестра... тутъ мы, разумѣется, бросились въ объятія другъ другу!

— А я и не знала, что у тебя есть сестра, проговорила Катруся.

— Какъ-же, есть, и не одна, а двѣ. Одна замужемъ, за графомъ Горбатовымъ, та постоянно живетъ въ столицѣ при дворѣ; она-бы тоже ко мнѣ прикатила, но, знаешь, нельзя, она слишкомъ замѣтная при дворѣ. Я тебѣ, душенька, свою сестрицу сейчасъ представлю.

Какъ полотно поблѣднѣла моя бѣдная Катруся; она вѣрно догадалась, какая это будетъ сестрица... Черезъ минуту онъ ввелъ подъ руку женщину, не знаю молодую, не знаю старую, за бѣлилами та румянами нельзя было узнать; рекомендую тебѣ, душенька, княжна Жюли Мордатова.

И она вертляво поклонилась, проговорила что-то, не знаю по русски, не знаю по польски, я ничего не разобрала, да Катруся, думаю, тоже, потому, что она ей и головою не кивнула, а только поблѣднѣла пуще прежняго.

— Ты извини ее, мой другъ, она у меня еще институтка, по русски почти слова не выговоритъ, а въ высшемъ кругу въ русскомъ языкѣ никакой нѣтъ надобности. Да я про себя скажу, я до двадцати лѣтъ не умѣлъ по русски двухъ словъ сказать, у насъ

въ Грузіи все равно, что и въ столицѣ: никто по русски не говоритъ, все по французски, такая мода, мой другъ; мы и нашего крошку въ столицу въ институтъ пошлемъ; не правда-ли?

— Катруся не могла долѣе вытерпѣть, она молча встала и ушла въ дѣтскую, и я ушла за нею; а Катерина Лукьяновна осталась съ своими князьями. Я была-бы счастлива, Степановичу, если-бы забыла то, что у насъ творилося въ домѣ. Но Богъ меня, не знаю за что, памятью наказалъ.

Послѣ этой проклятой сестры, я ни на одну минуту не оставляла Катруси, да и она, моя безталанница, съ той поры ни шагу не выступала изъ своей комнаты. Господи! Святая Катерина великомученица, страдала-ли ты такъ, какъ она, моя бѣдная Катруся страдала? Бывало день плачетъ, ночъ плачетъ, я уже не знала, что съ нею и дѣлать; вотъ она плакала, плакала, да и начала уже въ умѣ мѣшаться, я хотѣла было ребенка отнять отъ груди, нѣтъ, не даетъ; умру, говоритъ, съ нимъ вмѣстѣ, пускай меня въ одну *труну* положатъ съ нимъ, пускай, что хотятъ, дѣлаютъ, а его никому не отдамъ; что-же мнѣ было съ ней дѣлать? Я такъ и оставила дитя; смотрю только, бывало, да плачу. Катерина Лукьяновна тоже бывало зайдетъ въ нашу комнату, посмотритъ на свою княгиню и хоть была гордая, не выдержитъ, заплачетъ и выйдетъ изъ комнаты.

А тутъ-же рядомъ въ другихъ комнатахъ пѣсни, та музыка, точно въ корчмѣ на перекрестномъ шляху, а жидовка Хайка, что князь назвалъ своею сестрицею, такъ и носится съ драгунами, и поетъ, и пляшетъ, и всякіе фигуры выдѣлываетъ, отвратительная— даже трубку курила.

— Катруся моя бѣдная сначала показывала видъ, что ничего не видитъ и не слышитъ; а послѣ уже ей сердечной и не въ моготу стало, да что станемъ дѣлать съ такимъ уродомъ. У нашей сестры, сказано, однѣ слезы, ничего больше не осталось; а слезы что? вода. Охъ! Не одну рѣку пролила она этой горькой воды, а онъ какъ ни въ чемъ не бывало, зайдетъ къ ней иногда, да еще спрашиваетъ: какъ ты себя чувствуешь? Какъ будто ослѣпъ, прости ты меня, Господи, не видитъ, что ее бѣдную едва ноги носятъ. Не послать-ли другъ мой въ Козелецъ за полковымъ штабъ-докторомъ? —Не нужно, скажетъ она да и замолчитъ.—Ну, какъ знаешь, это

твое дѣло, а не мое, я въ твои дѣла, другъ мой, никогда не мѣшаюсь, скажетъ бывало и уйдетъ, хлопнувши дверью.

— Только мы и свѣтъ Божій видѣли, когда онъ бывало уѣдетъ куда нибудь недѣли на двѣ, на три къ своимъ товарищамъ драгунамъ; тогда мы безъ него вымоемъ, выскоблимъ полы и вывѣтримъ хоть немного покои, а то просто конюшня конюшнею. Разъ онъ ночью тоже пріѣхалъ и привезъ съ собою другую сестру, уже не жидовку, а полячку, или цыганку, кто ее знаетъ; помню только, что была чорная, и хотѣлъ тоже рекомендовать Катрусѣ; только она его и въ комнату не пустила.

Зима уже близилась къ концу; какъ разъ на середокрестной мужики наши, собравшися громадою, пришли къ нему просить зерноваго хлѣба для посѣву, что ежели, говорятъ, Богъ уродитъ, то они ему его добро возвратятъ седмерицею; куда тебѣ, и выговорить слова не далъ, прогналъ ихъ бѣдныхъ, да еще и собаками притравилъ. Хотѣла было вступиться за нихъ сама Катерина Лукьяновна, да какъ онъ гаркнетъ на нее: молчать, говоритъ, не ваше дѣло, я самъ знаю, что я дѣлаю, я въ ваши чепцы, да кофты не мѣшаюсь, такъ прошу не вмѣшиваться и въ мои распоряженія. Сказавши это, кликнулъ своего Яшку и велѣлъ закладывать тройку, чтобы ѣхать къ своимъ драгунамъ.

— Когда онъ уѣхалъ, Катерина Лукьяновна пошла въ клуню, чтобъ выбрать полускирдокъ жита и пшеницы, да и велѣть молотить мужикамъ для сѣменъ; она думала, что онъ по своему обыкновенію долго проѣздитъ; посмотрѣла около клуни, и половины скирдъ хлѣба не досчитала. А куда-же все это дѣлося? спрашиваетъ она у *токового*. А токовой отвѣчаетъ, что самъ князь, по частямъ, все жидамъ продавалъ, да половину уже и продалъ, и солому, и полову, все продалъ жидамъ, а жидъ, разумѣется, солому драгунамъ, а полову нашимъ-же мужикамъ, а они, бѣдные, и половѣ были рады. Катерина Лукьяновна выбрала одну скирду жита, а другую пшеницы, и велѣла мужикамъ молотить; только поскорѣе, говоритъ, молотите, а то пріѣдетъ князь, такъ онъ не дастъ вамъ ничего;— такъ и сталось. На другой день, только что начали молотить, глядь, въѣзжаетъ самъ на дворъ. Что вы дѣлаете, мошенники? крикнулъ на нихъ, какъ вы посмѣли? кто вамъ приказалъ? я васъ! Да какъ выхватилъ нагайку у кучера, или у Яшки, да какъ при-

нялся молотниковъ молотить такъ, что ни одного на току не осталось, всѣ разбѣжались. Досталось же и Катеринѣ Лукьяновнѣ за эту молотьбу; она бѣдная три дня съ постели не вставала. Послѣ этого онъ уже все дома бенкетовалъ, никуда не ѣздилъ *аж*ъ до зеленыхъ святъ. А на самой зеленой недѣли и выѣхалъ онъ куда то съ своимъ Яшкою. Катерина Лукьяновна опять послала за мужиками и велѣла имъ намолотить хоть сколько нибудь яроваго хлѣба для посѣва, потому что, благодаря Бога, дожди перепадали и земля таки порядочно позеленѣла. Только что принялися они молотить просо и гречиху, какъ въ тотъ-же день возвращается онъ самъ, а за нимъ видимо-невидимо драгунія, какъ орда тая за Мамаемъ валитъ. Кто на мужицкомъ возу, а кто такъ просто безъ сѣдла верхомъ, а деньщики-тѣ бѣдные пѣшкомъ и босикомъ, только съ трубкою да кисетомъ въ рукахъ плелися за своими драгунами. Какъ только что на порогъ онъ вступилъ, кликнулъ своего Яшку и приказалъ ему, чтобы къ тремъ часамъ былъ готовъ обѣдъ на 50 персонъ, къ тремъ часамъ непремѣнно, а ужинъ въ вечеру на 100 персонъ, тоже чтобъ былъ готовъ непремѣнно. Для обѣда и для ужина столъ накрой въ саду; полно, говоритъ, въ этой конюшнѣ валяться, теперь можно и на подножный выйти;—а червонцами такъ и гремитъ въ карманахъ. Да слушай, говоритъ, скажи прикащику, чтобъ завтра всѣхъ мужиковъ выгналъ хлѣбъ молотить. Нужно весь перемолотить, сколько его ни есть. Вотъ тутъ мы догадались, откуда у него червонцы взялись. Неужели онъ весь хлѣбъ продалъ? говоритъ Катерина Лукьяновна; что-же люди бѣдные посѣютъ?

— А драгунія тымъ часомъ, со всею своею *мизеріею,* не заходя въ покои, отправилася прямо въ садъ, а потомъ на травѣ лежала и сквернословила, та трубки курила, пока онъ не велѣлъ имъ вынести водку; всѣ стулья и столы тоже въ садъ вынесли; велѣлъ было изъ спальни все забрать, да мы замкнулись и не пустили его къ себѣ. Онъ выругался по своему, по московскому, и оставилъ насъ въ покоѣ, пока приготовляли обѣдъ; драгунія гуляла по саду и пила водку, разставленную чуть-ли не подъ каждымъ деревомъ въ большихъ графинахъ, а другіе гости тоже пили водку и въ карты играли; нашъ князь съ ними тоже пилъ и игралъ въ карты, и всѣ червонцы, что получилъ отъ жида, какъ задатокъ за хлѣбъ, про-

игралъ, потому что бросилъ на землю карты и вышелъ изъ-за стола, а товарищи его захохотали. Все это я въ окно видѣла.

Смеркалось уже, когда Яшка съ другими деньщиками начали накрывать на столъ; поставили столы, а на столы положили длинныя доски, простыя дубовыя доски и покрыли ихъ холстомъ, потому что у насъ хоть и была длинная скатерть, но Катерина Лукьяновна не дала ее, чтобъ не испортили пьяные гости, а скатерть была дорогая; поставили на столъ въ трехъ мѣстахъ свѣчи, а чтобъ свѣтлѣе было, поставили по концамъ длиннаго стола смоляные бочки и зажгли ихъ, и только что вся драгунія сѣла за столъ, откуда не возмись полковые трубачи, да какъ грянутъ, такъ только земля задрожала! Не успѣли они и одного маршу проиграть, смотрю, клуня наша загорѣлась; смоляные бочки такъ и сыплютъ искры на скирды и на клуню, а гости смотрятъ и чрезвычайно пьяные, знай, хохочутъ да кричатъ ура!

— Катруся! говорю, сердце мое, посмотрите, говорю, клуня наша горитъ, что мы будемъ дѣлать? Смотрю, а она—не живая; я къ Катеринѣ Лукьяновнѣ, и та безъ чувствъ лежитъ, я на нее брызнула холодною водой, она очнулась. Спасайте, говорю, Катрусю съ младенцемъ, а то сгоритъ. Скирды уже всѣ загорѣлися, скоро дойдетъ и до дома. На силу-то, на силу, мы ее въ чувство привели, взяли ее подъ руки и вывели изъ дому. Я хотѣла было дитя взять у ней, но она его изъ рукъ не выпускала и только что шептала: не дамъ, никому не отдамъ, сама его похороню. Мы испугалися, она какъ-то страшно все это шептала. Мы повели ее черезъ греблю, прямо къ вамъ, Степановичу, въ хату, дай вамъ Богъ доброе здоровье,—сказала она, обращаясь къ хозяину, и уже изъ вашей хаты я видѣла это проклятое пожарище.—И Господь его знаетъ, откуда тотъ вѣтеръ взялся; снопы такъ прямо и летѣли на *будинокъ* изъ скирдъ, а потомъ вѣтеръ какъ будто перемѣнился, когда загорѣлись *будинки* и поворотилъ прямо на хаты. Черезъ минуту все село запылало. Пропали мы, говорю я моей Катруси; а она, бѣдная моя, лежитъ, только головою мнѣ киваетъ и языка во рту не поворотитъ. Катрусю! Катрусю! кричу я,—не слышитъ; я стою не жива, не мертва. Катрусю! еще проговорила я; она вдругъ вскочила, посмотрѣла вокругъ себя, да какъ броситъ своего бѣднаго ребенка на полъ и какъ закричитъ не своимъ голосомъ, да и ну на себѣ во-

лосы рвать. Я вижу, что она не въ своемъ умѣ, взяла дитя и вынесла въ другую хату, а ее, бѣдную, мы со Степановичемъ коекакъ уласкали, да завернули ее въ рядно, да и стали лить ей холодную воду на голову; она пришла въ себя да и говоритъ: не буду, не буду! а что и чего не буду, она и сама не знала, что говорила. Потомъ она захохотала, потомъ начала пѣть, а потомъ запѣла, да такъ жалобно, такъ страшно запѣла, что мы выбѣжали изъ хаты... такъ она промучилась до самого разсвѣта. Передъ зорницею, она немного успокоилась, а я тѣмъ временемъ сѣла у окна и смотрѣла, какъ наше бѣдное село догораетъ; надъ нимъ кое гдѣ только дымъ дымился, ничего не осталось! И домъ, и кухня, и село—все пропало, остались одни дымари да печи отъ господскаго дому, а отъ мужичьихъ хатъ и того не осталось, потому что у нихъ не каменные. Остался только садъ, почернѣвшій отъ дыму, стоитъ себѣ въ сторонѣ, да такой черный и страшный, что я и смотрѣть на него боялася. Заплакала я грѣшная, глядя на это пожарище: что будемъ дѣлать! На все Его святая воля! Разбудила я Катерину Лукьяновну и говорю ей: что же мы теперь будемъ дѣлать? гдѣ мы пріютимся? куда мы дѣнемся съ нашею бѣдною Катрусею?— А что? говоритъ она.—А то, говорю я, что она не въ своемъ умѣ, что она помѣшалася.—А ребенокъ?—говоритъ она. Ребенка, говорю я, я отъ нея отнесла, а то она его чуть не задушила.

Вскочила она и простоволосая выбѣжала на дворъ и кричитъ, чтобы бричку скорѣе заложили. Только видитъ, что дворъ чужой, она и замолчала, посмотрѣла на ту сторону гребли, ахнула, затрепетала и какъ не живая упала ко мнѣ на руки. Когда пришла въ себя, то сказала, гдѣ-же княгиня? (она всегда ее такъ называла) покажи мнѣ ее. Мы пошли въ комору, гдѣ была заперта Катруся. Когда мы вошли къ ней, то она сидѣла на полу въ рубашкѣ и съ растрепанной косою, и вся, какъ огонь, горѣла, не смотря на то, что въ коморѣ было довольно таки холодно; въ рукахъ держала она свое искомканое платье и прижала его къ груди своей. Когда мы вошли, она взглянула на насъ и шопотомъ сказала: спитъ, спитъ, не будите! Мы вышли изъ коморы; страшно было смотрѣть на нее бѣдную; а Катерина Лукьяновна, какъ ни въ чемъ не бывало, и не вздохнула даже, а никто другой, какъ она сама всему причиной; не осуди ее, Господи, на твоемъ праведномъ судѣ!!.

— Помолчавши, она обратилась ко мнѣ и сказала: Марино! нужно достать гдѣ нибудь бричку и лошадей, да отвезти ее въ Черниговъ, или въ Кіевъ. До Кіева, кажется, ближе, но гдѣ мы лошадей и и бричку достанемъ? хоть-бы телѣгу какую нибудь.—А лошадей, говорю я, намъ и Степановичъ дастъ; только брички у него нѣтъ, а простая мужицкая повозка есть. Попроси, говоритъ она, хоть простой повозки.

Я выпросила у Степановича, спасибѣ ему, и коней и повозки, положили мы въ повозку сѣна да покрыли рядномъ и положили ее бѣдную въ повозку; около нее сѣла сама Катерина Лукьяновна, да и повезли ее въ Кіевъ, въ кириловскій монастырь. Вотъ тебѣ, Катерина Лукьяновна, и княгиня. Теперь любуйся ею!

Старушка замолчала и тихо заплакала! А хозяинъ прибавилъ:

— Да таки нечего сказать, хорошая княгиня!

— А что-же сталося съ княземъ? спросилъ я.

— А Господь его знаетъ!—отвѣчала старушка: предъ Пѣтромъ, драгунія выступила въ походъ изъ Козельца, то можетъ быть и онъ выступилъ съ нею, только мы его съ той ужасной ночи уже не видали.

— И князь хорошій, нечего сказать,—прибавилъ хозяинъ, хотьбы дитя провѣдалъ, проклятый.

— Господь съ нимъ, пускай лучше не провѣдываетъ,—сказала старушка и выходя изъ хаты, пожелала намъ покойной ночи.

На другой день по утру, пока мой жидокъ подмазывалъ бричку и запрягалъ свои тощія лошади, я сидѣлъ подъ хатою на завалинѣ и смотрѣлъ на противуположный берегъ Трубежа, на грустные остатки погорѣвшаго села, невольно восклицая: вотъ тебѣ и село! вотъ тебѣ и идиллія, вотъ тебѣ и патріархальные нравы! И тому подобныя восклицанія срывались у меня съ языка, пока бричка не высунулась на улицу. Поблагодаривъ хозяина за его безкорыстное гостепріимство, я отправился своей дорогой.

Чрезъ нѣсколько дней я былъ уже въ Кіевѣ и поклонившись святымъ угодникамъ печерскимъ, въ тотъ-же день посѣтилъ кириловскій монастырь, и увы! лучше было-бъ не посѣщать его. Я слишкомъ убѣдился въ горькой истинѣ печальнаго этаго разсказа, такъ не отрадно привѣтствовавшаго меня на моей милой родинѣ.

ПЕРВЫЯ КОЗАЦКІЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ.

(1591—1596 г.).

Козацкія возстанія одинаково польскіе, какъ и русскіе историки считаютъ одною изъ главныхъ причинъ ослабленія и гибели обширнаго и могущественнаго нѣкогда королевства польскаго. Чтобы понять эту неоспоримую истину во всей ея полнотѣ и исторической дѣйствительности, необходимо взять во вниманіе значеніе козачества въ исторіи южно-русскаго народа и положеніе этого послѣдняго въ общемъ строѣ государственной жизни Польши. Козачество высшей стороной своей жизни неопровержимо доказываетъ, что оно было выразителемъ государственно-общественныхъ идеаловъ южно-русскаго народа, а эти идеалы шли въ разрѣзъ съ исторически-слагавшимся государственнымъ строемъ Польши. Правда, тамъ и здѣсь въ основѣ высшихъ стремленій лежали самая широкая свобода и равноправность, но по понятіямъ козачества она должна была доходить до самыхъ низшихъ слоевъ и членовъ общины, въ государственномъ-же строѣ Польши свобода была удѣломъ весьма не многихъ, именно одного шляхетскаго сословія, и разширялась то путемъ ограниченія королевской власти, доведенной до совершеннаго безсилія, то путемъ порабощенія народныхъ массъ, лишенныхъ всѣхъ правъ и безъответѣтныхъ предъ своими властителями. Но если и въ коренной Польшѣ такой строй вызывалъ частыя возбужденія народныхъ массъ, то тѣмъ болѣе онъ не могъ быть сносимъ народомъ южно-русскимъ, историческія традиціи котораго были совсѣмъ иныя. Козачество было хранителемъ этихъ традицій, обере-

гало права народа и вело со всякими притѣснителями его упорную борьбу, доколѣ собственная его жизнь не была подмыта иными историческими теченіями. Напрасно ставятъ козацкія возстанія въ исключительную связь съ началомъ уніи и преслѣдованій за вѣру; послѣднія были только однимъ изъ мотивовъ борьбы, усиливали ее, давали ей особый колоритъ, но начало борьбы раньше и основы ея глубже. Выдвинувшись на южную оконечность родной страны для защиты отъ набѣговъ татарскихъ, отраженіемъ ихъ Запорожье не ограничивало своей дѣятельности, но въ видахъ борьбы съ тѣми-же врагами предпринимало заграничные походы, вступая въ иностранную службу; когда-же правительство, давшее ему организацію и желавшее по своему регулировать его дѣятельность, подъ давленіемъ внѣшнимъ, закрывало для него границу, ограничивало его свободу, стѣсняло его дикую силу, оно обращало ее внутрь страны, живо откликалось на всѣ движенія народной жизни, вело борьбу противъ преобладающаго класса *пановъ*, не различая между ними поляковъ и русскихъ, разоряло ихъ замки и имѣнія и уничтожало всѣ слѣды, особливо письменные документы ихъ владѣнія надъ тѣмъ, что считало оно всенароднымъ достояніемъ. Отъ того-то такъ популярно было козачество на всѣмъ пространствѣ южнорусскаго поселенія и увлекало за собою всюду массы народныя.

Такимъ характеромъ въ общихъ чертахъ запечатлѣны и первыя козацкія движенія. Есть особый интересъ въ послѣдовательной группировкѣ и безпристрастной оцѣнкѣ фактовъ, обозначившихъ ихъ историческій ходъ, ибо по масштабу первыхъ козацкихъ движеній организовались всѣ дальнѣйшія, разширяясь постепенно во внѣшнемъ ходѣ своихъ дѣйствій, укрѣпляясь въ основныхъ своихъ принципахъ и пріобрѣтая наконецъ характеръ общенародныхъ движеній. Козачеству, какъ и всему южно-русскому народу, не суждено было достигнуть своихъ политическо общественныхъ идеаловъ и только однажды, въ минуты полнаго торжества Хмельницкаго, онъ былъ не далеко отъ нихъ; но когда осуществленіе этихъ идеаловъ оказалось невозможнымъ, ихъ смѣнило стремленіе къ объединенію съ остальною Русью, съ ближайшею цѣлію спасенія вѣры и народности, и не безъ надежды сохранить и развить тѣ гарантированныя вновь „вольности“, изъ-за которыхъ велась дотолѣ столь ожесточенная кровавая борьба. Достойно вниманія, что даже чисто

народныя возстанія, которыя длились въ теченіи всего XVIII в. въ отданной во власть Польши и лишенной козачества право-бережной Украйнѣ, сохранили общія черты первыхъ козацкихъ движеній и въ самомъ послѣднемъ изъ нихъ ясно обозначилось стремленіе народныхъ массъ къ объединенію со всею Россіею.

О первыхъ козацкихъ движеніяхъ въ нашей литературѣ существуютъ труды частію совсѣмъ устарѣвшіе, каковы напримѣръ Бантыша-Каменскаго и Маркевича, частію недавняго сравнительно времени, которыя трактуютъ объ нихъ болѣе или менѣе подробно, но не даютъ все таки полной ихъ картины, каковы: „Изслѣдованія о козачествѣ по актамъ отъ 1500—1648 г.“, Антоновича (Руковод. статья къ 1-му т. 3-й части, „Архива Юго-Западной Россіи“), 3-й т. Монографій (изданіе Кожанчикова) Костомарова и „Исторіи возсоединенія Руси“ Кулиша. Послѣднее сочиненіе имѣетъ скорѣе полемическій, чѣмъ научный характеръ. Авторъ безпрестанно дѣлаетъ отступленія и оговорки, иногда очень длинныя и страстныя; очень часто забѣгаетъ впередъ, если это нужно для его полемическихъ цѣлей, и затѣмъ возвращается къ прерванному разсказу. Вслѣдствіе этого въ его книгѣ, при самомъ внимательномъ чтеніи, очень трудно выдѣлить то, что относится къ безпристрастрому изложенію фактовъ въ ихъ естественной послѣдовательности. Статья профессора Антоновича имѣла спеціальную цѣль: въ краткомъ, связномъ разсказѣ представить публикѣ содержаніе того тома сыраго матеріала, при которомъ она помѣщена. Эта цѣль обусловливала и характеръ составленія статьи: другіе источники брались лишь для того, что-бы кратко иллюстрировать эпоху и пополнять недостающія звенья въ разсказѣ тамъ, гдѣ предлагаемые акты не представляли изъ себя достаточной связи въ событіяхъ. Понятно поэтому, что упомянутая статья не полна, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Найбольшею полнотою отличается сочиненіе Н. И. Костомарова, но со времени появленія его въ свѣтъ, изданы нѣкоторые новые матеріалы, между которыми особо важное значеніе имѣетъ сборникъ писемъ Жолкевскаго.

Въ настоящей статьѣ мы попытаемся послѣдовательно изложить ходъ первыхъ козацкихъ движеній, взявъ за основаніе разсказа только такъ называемые источники первой руки, т. е. такіе письменные памятники и извѣстія, которые современны излагаемымъ

событіямъ [1]), обходя источники болѣе поздняго времени, дабы не разширять излишне предположеннаго нами очерка и лишними подробностями не мѣшать цѣльности общей картины.

I.

Война Косинскаго.

Миръ Польши съ турками и татарами лѣтомъ 1591 г.—Мѣры правительства противъ козаковъ.—Замыслы козаковъ на Молдавію.—Первое козацкое возстаніе.—Косинскій.—Первое козацкое движеніе въ 1591 г. 1592-й годъ: взятіе козаками Кіева и Бѣлой Церкви; опустошеніе имѣній князя Острожскаго въ Подоліи; обращеніе Острожскаго къ окрестной шляхтѣ. 1593 годъ: постановленія шляхты разныхъ повѣтовъ о вооруженіи противъ Косинскаго.—Сборъ войскъ и сраженіе подъ Пяткой. Договоръ.—Смерть Косинскаго.—Заключеніе.

Лѣтомъ 1591 года Рѣчь Посполитая заключила вѣчный миръ съ турками и татарами и перемиріе на 11 лѣтъ съ Москвою. Отмѣчая этотъ фактъ, два современныхъ польскихъ историка (Бѣльскій и Гейденштейнъ), какъ-бы сговорившись, замѣчаютъ тутъ-же съ сожалѣніемъ, что государство, обезпечивъ себя извнѣ, не пріобрѣло однако внутренняго спокойствія [2]). Дѣйствительно, продолжались религіозныя несогласія католиковъ съ диссидентами; паны

[1]) Такими источниками служили для насъ слѣдующія изданія:

1. Архивъ Юго-Западной Россіи. Часть III. Акты о козакахъ (1500—1648 г.). Томъ 1-й.

2. Listy Stanisława Żółkiewskiego. 1584—1620 r. W Krakowie. 1868 r.

3. Письма кн. Острожскаго. Приложенія ко 2 т. „Исторіи возсоединенія Руси“ Кулиша.

4. Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси. Т. I. Москва. 1877 года. Изд. Кулишомъ.

5. Ioachima Bielskiego. Dalszy ciąg kroniki polskiej, zawierającej dzieje od 1587 do 1598 r. Warszawa 1851 r.

6. Rajnolda Hejdensztejna. Dzieje Polski od śmierci Zygmunta Augusta do roku 1594. Petersburg. 1857. T. 2.

7. Tagebuch des Erich Lassota. Русскій переводъ Ф. Бруна. С.-Петербургъ. 1873 г.

[2]) Bielski. Dalszy ciąg kroniki polskiej.., стр. 151; Hejdensztejn (въ переводѣ на польскій), Dzieje Polski od śmierci Zygmunta Augusta do roku 1594. T. 2, стр. 299.

упражнялись въ кулачномъ правѣ; жолнѣры, собранные передъ тѣмъ въ виду опасной войны съ Турціей, производили страшныя безчинства и не хотѣли расходиться, пока не получатъ жалованья. А собрать деньги было очень трудно: шляхта и такъ роптала на Замойскаго за напрасные расходы на несостоявшуюся войну. Ко всему этому въ украинныхъ воеводствахъ—кіевскомъ, волынскомъ и брацлавскомъ—присоединялись еще козацкія своеволія. Подъ конецъ 1591 года они начали проявляться чаще и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ и положили начало той цѣпи козацкихъ насилій надъ имѣніями пановъ, особенно князя Острожскаго, которая тянулась въ продолженіе всего 1592 года и завершилась въ началѣ 1593 года настоящей междоусобной войной, издавна извѣстной въ исторіи подъ именемъ перваго козацкаго возстанія.

Миръ съ татарами и турками былъ заключенъ подъ непремѣннымъ условіемъ усмиренія низовыхъ козаковъ и удержанія ихъ отъ дальнѣйшихъ набѣговъ на турецкія владѣнія. Условіе это было не ново для польскаго правительства, но теперь неисполненіе его грозило дѣйствительною опасностью, такъ какъ терпѣніе турокъ по видимому истощилось. Польскому послу пришлось перенести много разныхъ непріятностей въ Константинополѣ, прежде чѣмъ султанъ согласился, и то по ходатайству англійскаго посла, взять сто сороковъ соболей за убытки, причиненные козаками его владѣніямъ [1]). Сила турокъ наводила тогда страхъ на всю Европу.

Мѣры къ усмиренію козаковъ начались еще въ 1590 году изданіемъ универсала, въ которомъ Сигизмудъ III предписывалъ построить на Днѣпрѣ, въ урочищѣ Кременчукѣ, укрѣпленіе и въ немъ помѣстить 1000 человѣкъ, обязанныхъ слѣдить за тѣмъ, чтобы люди своевольные не нападали на сосѣднія государства и не подвергали-бы изъ-за этого опасности Рѣчь Посполитую. Въ случаѣ нападенія непріятелей, гарнизонъ долженъ былъ первымъ стать противъ нихъ. Старшимъ надъ гарнизономъ назначался снятынскій староста Николай Язловецкій, которому и поручалось, по данному королемъ приповѣдному листу, набрать 1000 годныхъ къ бою пахолковъ и построить замокъ. Продовольствіе доставлять обязывались

[1]) Гейденштейнъ. Т. 2, стр. 294.

жители сосѣднихъ коронныхъ имѣній [1]). Въ томъ-же году сеймъ сдѣлалъ суровое постановленіе противъ козаковъ. Число ихъ ограничивается 6000, они находятся въ зависимости отъ короннаго гетмана, который назначаетъ имъ сотниковъ и прочую старшину—изъ шляхты. Реестръ можетъ пополняться только съ вѣдома короннаго гетмана, у котораго онъ и хранится. Старосты и владѣльцы въ своихъ имѣніяхъ обязаны учредить урядниковъ, которые-бы смотрѣли за тѣмъ, чтобы изъ городовъ, мѣстечекъ и селъ никто не убѣгалъ на низъ, въ Сѣчь, и за границу; если-же кто убѣжитъ и возвратится съ добычей, того казнили-бы смертью;—чтобъ козаки не продавали пороха, селитры, оружія, безъ позволенія старшаго, а добычи ни въ какомъ случаѣ. Непослушные и нерадивые урядники подвергаются наказанію наравнѣ съ своевольниками; наказанію-же подвергаются и владѣльцы, дѣлающіе набѣги на сосѣднія земли, противъ воли гетманской. Сеймъ учредилъ двухъ дозорцевъ, обязанныхъ, каждый въ своемъ участкѣ, смотрѣть, не начинается-ли гдѣ какое своевольство, и о низовыхъ козакахъ доносить гетману, а о живущихъ въ панскихъ имѣніяхъ—панамъ, которые въ этомъ случаѣ обязаны карать смертью бунтовщиковъ, какъ изъ своихъ подданныхъ, такъ и изъ состоящей у нихъ на службѣ безземельной шляхты.

Но мѣры эти по обыкновенію не имѣли успѣха. Приказаніе построить укрѣпленіе на Днѣпрѣ даже и не приводилось въ исполненіе [2]), а постановленіе сейма, если и исполнялось съ формальной стороны, то все таки не имѣло никакого значенія. Въ слѣдующемъ-же 1591 году козаки нашли какого-то самозванца, называвшаго себя сыномъ бывшаго молдавскаго господаря Ивоніи, и хотѣли было вести его въ Молдавію на господарство. Правительство узнало объ этомъ. Король, не имѣя въ распоряженіи никакихъ другихъ средствъ для усмиренія козаковъ, поручилъ Язловецкому какъ нибудь уладить дѣло. Язловецкій вступилъ съ козаками въ переговоры и склонилъ ихъ выдать королю самозванца. Король сослалъ его въ Мальборкъ въ заточеніе, а козаковъ, привезшихъ его, *щедро наградилъ* [3]). Случай этотъ показываетъ, что само правительство не вѣ-

[1]) Архивъ юго-зап. Россіи. Т. I, ч. 3-я, стр. 29.

[2]) Гейденштт., т. 2, стр. 300; Бѣльскій, стр. 152.

[3]) Гейденштт., т. 2, стр. 297—8; Бѣльскій, стр. 145—6.

рило въ дѣйствительность своихъ предписаній и въ каждомъ данномъ случаѣ прибѣгало къ мѣрамъ, какія только были подъ рукою, не заботясь о послѣдовательности въ дѣйствіяхъ.

Какіе именно козаки замышляли походъ въ Молдавію, источники не говорятъ. Нельзя допустить, чтобы это были *реестровые*, потому что тѣ находились въ это время подъ бдительнымъ надзоромъ своей шляхетской старшины и короннаго гетмана. Такъ называемые *нереестровые* не составляли какой-нибудь отдѣльной группы людей, могущихъ при случаѣ составить войско: послѣ реформы Баторія оставшіеся за штатомъ козаки или ушли на низъ, или растворились въ украинномъ населеніи; слѣдовательно объ нихъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Остается *запорожская вольница*. Хота запорожцы и находились *de jure* въ распоряженіи старшаго надъ реестровыми козаками [1]), но подчинялись его приказаніямъ только тогда, когда это было имъ выгодно. Такой выгоды для нихъ не было послѣ мира 1591 г.: по желанію старшаго они должны были-бы теперь сидѣть спокойно за порогами, но сидѣть безъ дѣла запорожцы не привыкли, притомъ надо было чѣмъ-либо содержаться. Разные промыслы плохо замѣняли „лыцарьскій добутокъ“, а потому естественно, что козаки вынуждены были что-нибудь изобрѣсти. Задуманный ими походъ въ Молдавію окончился только „щедрой наградой“, но и эта награда выдана была лишь тѣмъ, которые доставили королю самозванца. Запорожцы хорошо знали, кому они обязаны были крайностію своего положенія; противъ тѣхъ они и направили теперь свою силу. Они рѣшились на этотъ разъ промышлять въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и по какой-то неизвѣстной намъ причинѣ направились на владѣнія князя Острожскаго.

Въ характерѣ этого перваго козацкаго движенія замѣчается нѣкоторая неясность въ постановкѣ дѣла, вслѣдствіе которой частныя и сословныя отношенія заслоняютъ до нѣкотой степени существенныя причины движенія. Естественно, что характеръ народ-

---

[1]) Оффиціальнымъ старшимъ въ это время и былъ именно Николай Язловоцкій. Такъ можно думать потому, что въ 1590 г. ему поручено построять замокъ на Днѣпрѣ и принять начальство надъ гарнизономъ, а въ началѣ 1592 года (10 марта) онъ издаетъ увѣщательный универсалъ къ козакамъ и подписывается въ немъ старшимъ войска запорожскаго (Listy Żółkiewskiego, стр. 22).

ной реакціи не могъ сразу выразиться въ схемѣ совершенно ясной и категорически опредѣленной, особенно при той степени развитія умственнаго и гражданскаго, которая была присуща въ то время южно-русской народной массѣ.

Посмотримъ прежде всего на составъ „возставшихъ". Главными дѣйствующими лицами въ экскурсіи на панскія маетности были, какъ только что сказано, низовые козаки, т. е. бѣглые нереестровые и крестьяне. Они на столько подавляли всѣ остальные элементы въ войскѣ Косинскаго и вообще во всѣхъ „своевольныхъ купахъ", что всѣ современные акты и писатели единогласно приписываютъ имъ всю бѣду, ихъ исключительно считаютъ виновниками и дѣйствующими лицами во всѣхъ грабежахъ, разбояхъ и насиліяхъ [1]). Изъ всѣхъ документовъ только королевскіе универсалы называютъ козаковъ просто „людьми своевольными"; но это очень понятно: для правительства, кромѣ реестровыхъ, не было другихъ козаковъ; всякій другой, считавшій себя самъ и считавшійся въ обыкновенныхъ разговорахъ козакомъ, въ королевскомъ универсалѣ былъ человѣкъ „своевольный". Но и универсалы иногда проговариваются и называютъ бунтовщиковъ прямо „козаками низовыми" [2]). Правда, кромѣ низовцевъ, въ „возстаніи" участвовали и другіе элементы, но, какъ это видно изъ источниковъ, въ самомъ ничтожномъ количествѣ. Были тутъ шляхтичи- „выволанъци" [3]) и вообще бездомная шляхта, жившая при панскихъ дворахъ въ качествѣ „рукодайныхъ" слугъ; она то и называется въ актахъ „здрайцами, збегами, слугами" [4]). Участвовали и осѣдлые мѣстные хлопы, но опять таки въ весьма ничтожномъ числѣ [5]). Вотъ составъ „купъ". Въ такомъ составѣ онѣ

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Россіи, часть 3-я тома 1-го, стр.: 32, 34, 36, 39, 49, 58; Listu Żółkiewskiego, стр. 22 и 23; Бѣльскій, стр.: 151, 178, 188—190; Генденштейнъ стр. 317.

[2]) Архивъ... стр. 45.

[3]) Ibid. стр. 58.

[4]) Ibid. стр. 55.

[5]) Изъ актовъ, напечатанныхъ въ „Архивѣ", только въ одномъ (№ XX) есть прямыя упоминанія о „подданныхъ" въ шайкахъ; но и тутъ ихъ очень небольшой процентъ, напр.: „упросилъ" (шляхтичъ—„выволанецъ" Михайло Гулевичъ) у пана Косиньского, гетмана козацкого, который позволилъ, и далъ ему на помочъ Дашка сотъника зъ его сотънею, къ тому было охвотъниковъ зъ нимъ не

передвигались по намѣченнымъ заранѣе мѣстамъ, и этотъ путь легко прослѣдить. Если-же во время „возстанія“ встрѣчались разбои одновременно въ разныхъ мѣстахъ, то это были все тѣ-же *заѣзды*, явленіе обычное для тогдашней Украйны. Собственно говоря, даже это трудно утверждать, такъ какъ во всѣхъ современныхъ памятникахъ, кромѣ голыхъ фразъ и притомъ пустыхъ, какъ увидимъ ниже, о распространенности „сваволенства“, нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ о мѣстахъ, гдѣ оно проявлялось. Напротивъ, такой близко стоявшій къ дѣлу современникъ, какъ Станиславъ Жолкевскій [1]), смотритъ на возстаніе только какъ на распрю козаковъ съ княземъ Острожскимъ, воеводою кіевскимъ, т. е. съ ближайшимъ къ козакамъ представителемъ административной власти, и слѣдовательно не придаетъ движенію характера противугосударственнаго въ широкомъ смыслѣ.

Дѣйствительно, въ сравненіи съ послѣдующими возстаніями—движеніе Косинскаго захватываетъ и гораздо меньшую долю участниковъ и менѣе ясно и рельефно выдвигаетъ основные принципы борьбы, которыя по временамъ совершенно маскируются второстепенными обстоятельствами.

Всего народу во всѣхъ отрядахъ, когда они сошлись въ началѣ 1593 года, было около пяти тысячъ,—крайне ничтожная цифра въ сравненіи съ общимъ числомъ русскаго поспольства въ трехъ украинныхъ воеводствахъ.

Признаки болѣе ясные народнаго движенія можно признать развѣ въ томъ, что Косинскій сносился съ царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ, желая отдать ему въ подданство часть Украины и что козаки, грабя жителей, заставляли присягать себѣ на послушаніе. Но послѣднее обстоятельство, передаваемое актами [2]) въ такомъ видѣ,

---

мало слугъ и подданныхъ пана Миколаевыхъ, человековъ зъ двадцать“... Самое отсутствіе упоминаній о хлопахъ въ актахъ, при постоянномъ фигурированіи низовыхъ козаковъ и гораздо менѣе частомъ—бездомной шляхты, должно считаться доказательствомъ ихъ крайне незначительнаго числа въ войскѣ.

[1]) „Mowiłem z panem Pissarzem Lwowskim, zebiy beł sam z siebie zrozumiał I. M. Pana Woiyewodę kiyowskiego, ieslibij chciał tę sprawę kłothnią z kozaki przez iaką zgodę zkonczijcz“. Listy Żółkiewskiego, стр. 22.

[2]) Арх. стр. 39, 42, 45.

что козаки по дорогѣ или убивали и мучили жителей, или заставляли присягать на свое имя, можетъ быть сочтено, какъ обыкновенный пріемъ людей, у которыхъ виситъ кара надъ головою: или уничтожить свидѣтелей своего преступленія, или сдѣлать ихъ безвредными, обязавъ молчаніемъ. Что-же касается сношеній Косинскаго съ царемъ, то это обстоятельство, въ связи съ разными другими, которыя будутъ видны изъ самаго хода войны, можетъ быть, указываетъ только на вліятельность самой личности Косинскаго. Косинскій, судя по всему, не былъ личностью, которыя стихійно выдвигаются изъ массъ, когда онѣ живутъ массовою жизнью, и которыя опять тонутъ въ массахъ безслѣдно, какъ только тѣ выйдутъ изъ періода броженія. Напротивъ, на сколько это видно изъ памятниковъ, онъ даетъ тонъ движенію, имъ оно держится, направляется. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ договорѣ Острожскаго и прочихъ пановъ съ козаками первые ставятъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Косинскій былъ смѣненъ, но не осмѣливаются требовать просто выдачи его, какъ простого „lotra“, (latro—грабитель, разбойникъ), что бывало въ послѣдующихъ козацкихъ возстаніяхъ. Если у Косинскаго былъ какой нибудь опредѣленный планъ, при выполненіи котораго война съ Острожскимъ должна была служить только прелюдіей, то все таки можно съ увѣренностью утверждать, что планъ этотъ былъ чуждъ сознанію той массы, съ которой Косинскій дѣйствовалъ.

Сдѣлавъ эти предварительныя замѣтки, перейдемъ теперь къ фактамъ и прежде всего—къ біографическимъ даннымъ о Косинскомъ, которыя очень скудны.

Криштофъ (Христоферъ) Косинскій былъ по происхожденію шляхтичъ православной вѣры, родомъ изъ Подляхіи [1]). По нѣкоторымъ даннымъ можно полагать, что онъ былъ старый, заслуженный запорожецъ и притомъ человѣкъ выдающійся по своимъ личнымъ качествамъ [2]). Еще до борьбы со шляхтою онъ былъ на За-

[1]) Гейденштейнъ (стр. 317) и Бѣльскій (стр. 188) указываютъ только его родину—Подляхію, а о вѣроисповѣданіи и шляхетствѣ не говорятъ ничего. Костомаровъ (Моногр. т. III, стр. 249) говоритъ, что онъ шляхтичъ и притомъ русской вѣры.

[2]) Въ сборникѣ писемъ Жолкевскаго (краков. изд. 1868 г.) на стр. 34 въ примѣчаніи находится отрывокъ письма Богдана Микошинскаго къ Касперу Подвы-

порожьѣ гетманомъ и держался настолько самостоятельно относительно польскаго правительства, что отъ своего имени сносился съ Москвою [1]) и получалъ отъ царя сукна и деньги. Современники даже обвиняютъ его въ томъ, что онъ поддался царю московскому все пограничье, болѣе чѣмъ на сто миль разстоянія, такъ что царь московскій въ листѣ къ нему писался уже царемъ запорожскимъ, черкасскимъ и низовскимъ [2]). По всей вѣроятности онъ начальствовалъ и въ предполагавшемся походѣ въ Молдавію, такъ какъ ни чьего другаго имени въ источникахъ не упоминается, а Косинскій при описаніи первыхъ-же нападеній на шляхетскія имѣнія именуется уже человѣкомъ, „который на сей часъ гетманомъ козацкимъ се учинилъ“.

Какъ началась война, неизвѣстно. Первый извѣстный намъ фактъ вооруженнаго нападенія со стороны козаковъ относится къ концу 1591 года, когда козаки ограбили въ Бѣлой-Церкви имущество князя Курцевича-Булыги. Фактъ этотъ совершенъ въ такой обстановкѣ. Козаки съ Косинскимъ шли куда-то изъ Бѣлой-Церкви и при выходѣ вдругъ напали на домъ князя Курцевича, подстароты бѣлоцерковскаго, и, ворвавшись въ комору, захватили „шкатулу съ клейнотами, съ пенязми“ и проч. Въ этой шкатулкѣ были „мамърамы“, т. е. бланки князя Януша Острожскаго (онъ былъ старостой бѣлоцерковскимъ), данные подстаростѣ для разныхъ юридическихъ надобностей, привиллегіи на староство бѣлоцерковское, полученныя князьями Острожскими, и другіе документы. Все это было сдѣлано „снать зъ направы чиее“, какъ доносилъ князь Янушъ Острожскій [3]).

соцкому и Юрію Владыкѣ *отъ 22 мая 1586 г.*, въ которомъ говорится: Pane Kasper a Pane Iuri. Oznaymuiu wam jaz, sze si ponowilo po odjechaniu waszom se zde: u nas prybiegla storoża *ot Krisztofa z Nizu ot Tawani* i ot gorodkow, daiuczi znac, iż Car s Perekopu byl pryszol zo wsieiu siloiu... (письмо очевидно въ подлинникѣ писано русскими буквами). Принявъ во вниманіе прямое указаніе здѣсь имени Косинскаго еще въ 1586 году, можно предположить, что Косинскій является „гетьманомъ“ въ войнѣ не съ налету, что онъ только для правительства Рѣчи Посполитой „на сесь часъ гетманомъ се учинилъ“, на самомъ-же дѣлѣ былъ старый, заслуженный запорожецъ. Вѣдь популярность въ Сѣчи, какъ извѣстно, пріобрѣталась не легко.

[1]) Бантышъ-Каменскій. Ист. М. Р. т. I, стр. 20 примѣчаній.

[2]) Listy Żolk., стр. 27.

[3]) Арх. стр. 32.

Отъ 1591 года извѣстенъ только этотъ одинъ фактъ. Но вѣроятно козацкія „своеволія“ уже дали себя знать, такъ какъ въ концѣ того-же года наряжена была королемъ коммиссія, съ Язловецкимъ во главѣ, для развѣдыванія о происхожденіи безпорядковъ и для кары по закону виновныхъ [1]). Эта мѣра, самая легкая для короля изъ всѣхъ, какія только были для него возможны, была вмѣстѣ съ тѣмъ и самой недѣйствительной. Безпорядки все увеличивались, если вѣрить королевскому универсалу отъ 16 января 1592 г. Вслѣдствіе дошедшихъ до короля слуховъ, говорится въ универсалѣ, о неслыханныхъ грабежахъ, убійствахъ и всякаго рода кривдахъ, совершаемыхъ въ воеводствахъ кіевскомъ, волынскомъ и брацлавскомъ нѣкоторыми людьми своевольными, не обращающими вниманія ни на верховную власть, ни на право общественное, учреждены особые коммиссары для искорененія зла. Теперь предписывается старостамъ и державцамъ королевскихъ имѣній, а также всякимъ урядникамъ и посполству селъ и городовъ воеводства волынскаго, чтобы они помогали коммисарамъ въ разслѣдованіи о людяхъ своевольныхъ: давали-бы нужныя справки, ловили самыхъ своевольниковъ и ставили предъ судъ коммиссіи; а если-бы ихъ не оказалось въ мѣстахъ жительства, то чтобы давали коммисарамъ списки ихъ, дѣлая все это подъ страхомъ могущей пасть на нихъ отвѣтственности за всѣ убытки [2]). Глава коммиссіи, снятынскій староста Николай изъ Бучача Язловецкій, онъ-же и старшій козацкій отъ правительства, съ своей стороны писалъ воззванія къ запорожцамъ, чтобы они оставили измѣнника Косинскаго. Воззванія его не оказывали никакого вліянія на запорожцевъ, какъ видно изъ одного подобнаго воззванія, писаннаго изъ Хвастова отъ 10 марта 1592 г. [3]). Въ немъ Язловецкій приглашаетъ запорожцевъ въ послѣдній разъ

[1]) Арх. стр. 34; Бѣльскій стр. 152.

[2]) Архивъ стр. 33. Не на этомъ-ли универсалѣ основывается мнѣніе, что возстаніе распространилось разомъ по тремъ воеводствамъ южно-русскимъ: кіевскому, брацлавскому и волынскому? Если на этомъ, то основаніе очень шатко: своеволія распространены по тремъ воеводствамъ, а универсалъ обращенъ только къ жителямъ волынскаго; очевидно, распространеніе своевольствъ по тремъ воеводствамъ просто—фраза. Кромѣ этого универсала, о такомъ распространеніи не говорится ни у Бѣльскаго, ни у Гейденштейна, ни въ сборникѣ писемъ Жолкевскаго, ни въ другихъ актахъ, попѣщенныхъ въ Архивѣ.

[3]) Listy Żółkiewskiego, стр. 21.

выдать „Iothra“ Косинскаго, грозя въ противномъ случаѣ оружіемъ взыскать на крови ихъ за причиненныя бѣдствія. И это воззваніе осталось въ тунѣ. Неизвѣстно, по какимъ причинамъ Язловецкій не исполнилъ своей угрозы. Далѣе въ войнѣ съ Косинскимъ онъ вовсе не участвуетъ.

Между тѣмъ, Косинскій въ 1592 г. взялъ Кіевъ и Бѣлую-Церковь, забралъ изъ тамошнихъ замковъ порохъ и все огнестрѣльное оружіе. За Кіевомъ и Бѣлою-Церковью покорились ему и другіе городки [1]). Козаки не обращали вниманія на то, частный-ли замокъ, или королевскій, всѣ одинаково разоряли, если они лежали имъ по дорогѣ; жителей убивали и мучили, или заставляли присягать себѣ на послушаніе. Но главная гроза собиралась не около Кіева и Бѣлой-Церкви, а на Волыни и Подоліи, въ имѣніяхъ князя Константина Константиновича Острожскаго, воеводы кіевскаго, маршалка земли волынской. Можно думать, что козаки устроили экскурсію въ сторону Кіева и Бѣлой-Церкви именно для того, чтобы запастись оружіемъ и порохомъ для операцій въ имѣніяхъ князя Острожскаго. Что центръ тяжести для козаковъ и Косинскаго лежалъ тамъ, объ этомъ сохранились положительныя указанія. Бѣльскій говоритъ, что въ срединѣ 1592 г. козаки много зла творили въ Подоліи, въ особенности въ имѣніяхъ князя Острожскаго. Они даже штурмомъ брали нѣкоторые его города и причиняли большіе убытки.

Князь, имѣя помощь отъ нѣкоторыхъ окрестныхъ старостъ, вышелъ противъ нихъ съ войскомъ, но козаки войско его поразили и перебили [2]).

Къ концу года Косинскій навелъ такой страхъ на князя, что тотъ, дѣятельно готовясь къ оборонѣ самъ, кромѣ того изъ всѣхъ

---

[1]) Костомаровъ. Монограф. т. III, стр. 250.

[2]) Бѣльскій, стр. 178. Кромѣ того въ сборникѣ писемъ Жолкевскаго (стр. 22) помѣщено одно письмо Косинскаго *изъ Никова* (въ брацлавскихъ имѣніяхъ князя) съ неполною датой: помѣчено просто мѣсяцемъ августомъ. Этого письма нельзя отнести къ 1593 г., потому что весной этого года Косинскій былъ уже убитъ; нельзя и къ 1591 г., основываясь на выраженіи, находящемся въ немъ: «Podolmo w zime nas przywodzą (подразум. z temi pieniędzmi) tak, jako *ten rok jeszcze na Iana* S. mieli nam dacz, a teras iusz ku iesieni przisło». Это вышелъ-бы 1590 г., когда о козацкихъ своеволіяхъ еще не упоминается.

силъ старался внушить королю и сейму, что опасность грозитъ всей Рѣчи Посплитой. Съ этой цѣлью онъ во-первыхъ истребовалъ отъ вальнаго коронпаго сейма свидѣтельство, что не по его винѣ, не смотря на нѣсколько предостереженій съ его стороны, Рѣчь Посполитая не предприняла починки полуразрушенныхъ крѣпостей въ Бѣлой-Церкви и Кіевѣ и что поэтому, въ случаѣ опасности, могущей произойти отъ козаковъ, онъ, Острожскій, не долженъ отвѣчать за причиненные убытки и бѣдствія [1]). Во вторыхъ у себя на Волыни Острожскій началъ всѣми мѣрами стараться привлечь къ участію въ оборонѣ всю окрестную шляхту. Шляхта тѣмъ охотнѣе поддалась вліянію Острожскаго, что козаки не миловали и ея мелкихъ владѣній, попадавшихся подъ руку. Съѣхавшіеся въ г. Луцкъ, на роки земскіе и гродскіе, обыватели земли волынской, въ январѣ 1593 г. постановили закрыть на нѣкоторое время засѣданія судовъ, прекратить между собою всякія тяжбы, не вчинать исковъ и стать съ оружіемъ противъ козаковъ. Изъ Луцка было отправлено приглашеніе и въ г. Владиміръ, къ шляхтѣ тамошняго повѣта, что-бы она сдѣлала тоже. Владимірская шляхта вѣроятно не съ большою охотою приняла-бы участіе въ войнѣ, потому что владимірскій повѣтъ былъ дальше отъ мѣста дѣйствія, чѣмъ луцкій, но, получивъ королевскій универсалъ, поручавшій князю Острожскому собирать посполитое рушенье, она присоединилась къ рѣшенію луцкой шляхты, не желая въ защитѣ „отчизны своее быти последнейшими“ [2]). Такое рѣшеніе, однако, было постановлено владимірскою шляхтою только 29 января, тогда какъ приглашеніе къ нимъ отъ шляхты луцкой было отправлено еще 11 января.

По королевскому универсалу князь Острожскій сталъ собирать войско. Сборнымъ пунктомъ назначенъ былъ г. Константиновъ; туда сходились отряды изъ Подоліи, гдѣ собиралъ ихъ сынъ князя Януша, внукъ князя Константина; самъ князь Янушъ также былъ занятъ сборомъ войска около Тарнополя, а князь Константинъ у

[1]) Архивъ стр. 38.

[2]) Архивъ, стр. 37—52. Что въ рѣшеніяхъ шляхты значительную роль играло вліяніе князя Острожскаго, какъ маршалка земли волынской, это видно изъ актовъ, гдѣ прямо говорится: «За ознайменемъ ясновельможнаго пана etc» ... «Маючи ведомость певную отъ ясновельможнаго etc» ... и проч. Притомъ это «ознайменe» было и до королевскаго листа о посполитомъ рушеньи.

себя, около Константинова. Судя по большому числу мѣстъ, гдѣ собиралось войско, оно должно было быть очень значительнымъ. Къ февралю войско было готово. Начальство надъ нимъ принялъ князь Янушъ, такъ какъ самъ Константинъ Константиновичъ былъ уже тогда глубокій старикъ.

Косинскій съ войскомъ, числомъ около 5 тысячъ человѣкъ, стоялъ въ Острополѣ [1]). Начались стычки, удачныя для Косинскаго. Но онъ, тѣмъ не менѣе, не чувствуя себя безопаснымъ въ Острополѣ, выступилъ оттуда и направился къ Пяткѣ, которую считалъ болѣе надежной позиціей. Въ Пяткѣ его осадили войска князя Януша. Козаки, предпочитая свой любимый способъ обороны въ окопанномъ таборѣ сидѣнью въ замкѣ, вышли въ поле и окопались на выгодной позиціи. 2 февраля состоялась битва. Люди князя Острожскаго, послѣ нѣсколькихъ пораженій, испытанныхъ раньше, теперь „не особенно охотно атаковали козаковъ и даже стали обращаться въ бѣгство"; но князь Янушъ сдѣлалъ къ войску увѣщаніе, самъ бросился впереди съ тяжело вооруженной конницей, за нимъ копійщики. Тогда и остальное войско, ободренное вѣроятно болѣе конницей и копійщиками, чѣмъ увѣщаніемъ князя, сдѣлало напоръ на козаковъ. Козаки не устояли и пустились бѣжать въ городъ; ихъ преслѣдовали и убивали до самыхъ воротъ. Всѣхъ козаковъ будто-бы погибло въ этомъ сраженіи до 3 тысячъ, взято у нихъ 26 пушекъ и почти всѣ хоругви, какія только были [2]). Косинскій съ остаткомъ войска затворился въ замкѣ, но долго не усидѣлъ. Видя, что непріятель вознамѣрился добывать его тамъ и не надѣясь отси-

[1]) *Въ Острополѣ*—по Бѣльскому (стр. 188), по Гейденштейну—*въ Тарнополѣ*; но это явная обмолвка. Острополь, нынѣ мѣстечко Новградъ-Волынскаго уѣзда, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Пятки (нынѣ тоже мѣстечко, житомірскаго уѣзда), тогда какъ Тарнополь (городъ въ нынѣшней австрійской Галиціи)—отъ Пятки въ нѣсколькихъ стахъ верстъ. Да притомъ изъ Тарнополя въ Пятку Косинскому пришлось-бы идти черезъ Константиновъ, или вблизи его, потому что этотъ городъ лежитъ какъ разъ по дорогѣ.

[2]) Вообще о дѣлѣ подъ Пяткою и о заключеніи договора—см. у Бѣльскаго стр. 188—190; Гейденштейна, томъ 2, стр. 317—318; Listy Żółkiewskiego, стр. 25—26.

дѣться, онъ повелъ переговоры, которые окончились договоромъ, заключеннымъ 10 февраля [1]).

Вотъ этотъ договоръ.

„Я, Криштофъ Косинскій, на это время гетманъ, и мы сотники, атаманы и все рыцарство войско запорожскаго, сознаемся въ этомъ листѣ нашемъ, что, не смотря на великія благодѣянія и ласку ясновельможнаго пана Константина князя Острожскаго, воеводы кіевскаго, маршалка земли волынской, старосты владимірскаго, которыя его милость всегда оказывалъ всему войску и каждому изъ насъ особо, мы, забывъ о всемъ томъ, не мало огорченій и убытковъ причинили его милости самому и дѣткамъ его, а также слугамъ и подданнымъ его, и тѣмъ ласку ихъ милости къ себѣ нарушили; ихъ-же милости, будучи подъ Пяткомъ, какъ паны христіанскіе, не жаждая пролитія крови нашей, за униженными и усердными просьбами нашими, по ходатайству многихъ знатныхъ людей, эти всѣ наши проступки простили; потому мы, все рыцарство вышеименованнаго войска, обѣщаемъ и присягою подтверждаемъ выполнить всѣ слѣдующія кондиціи, поданыя намъ отъ ихъ милостей князей и въ этомъ листѣ нашемъ поименованныя: съ этого времени пана Косинскаго за гетмана не имѣть, а на его мѣсто выбрать въ

---

[1]) Надо замѣтить, что у Бѣльскаго заключеніе договора относится къ 15 марта (у Костомарова по чему-то 10 марта), между тѣмъ какъ подъ напечатанною въ „Архивѣ“ копіею стоитъ 10 февраля; наконецъ тотъ-же самый договоръ, напечатанъ (латинскимъ шрифтомъ и съ нѣкоторыми полонизмами въ грамматическ. формахъ) въ сборникѣ писемъ Жолкевскаго съ датой отъ 1 февраля. Что касается Бѣльскаго, то предъ нимъ предпочтительнѣе, разумѣется, оффиціальный документъ, изъ двухъ-же копій та, что въ „Архивѣ“, имѣетъ болѣе вѣрную дату потому, что 2 февраля („w dzień Panny Maryey Gromnicznej“, какъ сказано у Бѣльскаго) было только сраженіе подъ Пяткой. Если бы Бѣльскій и ошибался, что трудно допустить, потому что праздникъ Срѣтенія легко могли запомнить всѣ участвующіе и передать другимъ,—то рѣшеніе шляхты владимірской присоединиться къ ополченію, состоявшееся только 29 января, было-бы ужъ слишкомъ близко къ развязкѣ войны. Противъ Бѣльскаго и того источника, изъ котораго взялъ Костомаровъ, прямо говоритъ письмо войта Цешинскаго отъ 18 февраля (Listy Ż. стр. 25) въ которомъ говорится о заключеніи договора, какъ о прошедшемъ. Костомаровъ не пользовался сборникомъ писемъ Жолкевскаго, потому что 3-ій томъ его „Монографій“ (въ изданіи Кожанчикова) вышелъ въ 1867 г., а Listy Żolkiewskiego въ Краковѣ въ 1868 г.

продолженіи четырехъ недѣль другаго, и потомъ находиться въ послушаніи его милости короля, не производя никакихъ ссоръ съ сосѣдями земель его королевской милости; жить за порогами на указанныхъ мѣстахъ; жительствъ и квартиръ не имѣть и никакихъ убытковъ и кривдъ не чинить какъ въ державахъ и маетностяхъ ихъ милостей князей, такъ и ихъ пріятелей, его милости князя Александра Вишневецкаго, старосты черкасскаго, и иныхъ, находящихся въ это время при ихъ милости, а также въ державахъ и маетностяхъ ихъ слугъ, бѣглыхъ и измѣнниковъ князей ихъ милостей и ихъ слугъ, къ намъ перебѣжавшихъ, выдавать и у себя ихъ не передерживать; оружіе взятое гдѣ-бы то ни было въ замкахъ и городахъ и въ державахъ ихъ милостей, кромѣ трипольскихъ, вернуть; возвратить также и хоругви, лошадей, рогатый скотъ и движимое имущество; челядь обоего пола, при насъ находящуюся, отправить; вѣчно жить у князей ихъ милостей въ прежней любви никогда не приставать ни къ одному человѣку противъ ихъ милостей, а напротивъ служить имъ. Всѣ эти поименованныя кондиціи, ихъ милостями поданныя, мы, все войско, присягаемъ вѣчно, свято и ненарушимо, не ища никакихъ причинъ къ ихъ нарушенію, хранить и по нимъ поступать на вѣчныя времена. А присяга эта наша заключается въ слѣдующихъ словахъ: я, Криштофъ Косинскій, мы, сотники, атаманы, все рыцарство войска запорожскаго, одинъ за другаго и каждый за себя присягаемъ Господу Богу, въ Троицѣ Единому, который сотворилъ небо и землю, въ томъ, что мы всѣ вмѣстѣ и каждый изъ насъ отдѣльно, имѣемъ и повинны всѣ эти кондиціи, на этомъ листѣ намъ поданныя ихъ милостью князьями Острожскими, свято и ненарушимо, не ища никакихъ причинъ къ ихъ нарушенію, содержать и по нимъ поступать, относительно князей Острожскихъ и ихъ пріятелей, вѣчно; такъ намъ и Господи Боже помоги! Если-же мы неправильно присягнули, то покарай насъ, Господи Боже, на душахъ и на тѣлахъ нашихъ, въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ! А для лучшей вѣрности и утвержденія нашего вѣчнаго, этотъ листъ я, Косинскій, рукою власною своею подписалъ и печать свою прикладываю; мы всѣ также приказали приложить къ этому листу войсковую печать и которые изъ насъ умѣли писать, къ нему руки свои подписали; просили сдѣлать тоже и ихъ милостей вельможныхъ пановъ, бывшихъ при этомъ: его ми-

лость пана Якуба Претвича изъ Гавронъ, каштеляна галицкаго, трембовельскаго старосту; его милость пана Александра князя Вишневецкаго, черкасскаго, каневскаго, корсунскаго, любецкаго, лоевскаго старосту, его милость пана Яна Кгулскаго, войскаго трембовельскаго, его милость пана Вацлава Боговитина, хорунжаго земли волынской, его милость пана Василія Гулевича, войскаго владимірскаго, что ихъ милости по просьбѣ нашей сдѣлать изволили и, приложивъ печати свои къ этому нашему листу, изволили подписать руки свои. Дѣялось подъ Пяткомъ 1593 г. мѣсяца февраля 10 дня. Криштофъ Косинскій своею рукою, Иванъ Кречкевичъ, писарь войсковый именемъ всего войска рукою"... (Далѣе подписи перечисленныхъ выше пановъ).

Но этимъ дѣло не кончилось. Косинскій согласился на такія условія только потому, что былъ въ крайности. Какъ только онъ съ остатками войска получилъ свободу, онъ и не думалъ о соблюденіи присяги. Въ ту-же весну онъ задумалъ отомстить панамъ, участвовавшимъ въ дѣлѣ подъ Пяткою. На Вишневецкаго онъ былъ сердитъ болѣе всего (вѣроятно за то, что этотъ магнатъ, какъ богатѣйшій изъ помощниковъ Острожскаго, доставилъ послѣднему болѣе другихъ войска) и потому съ 2 тысячами людей двинулся къ Черкасамъ, гдѣ въ замкѣ жилъ Вишневецкій. Оставивъ войско, шедшее водою и сухопутьемъ, позади, Косинскій съ нѣсколькими стами человѣкъ (отъ 350 до 400) вошелъ въ городъ и началъ пьянствовать въ корчмѣ. На него пьянаго напали слуги Вишневецкаго и убили. Съ нимъ погибли и его спутники. Остальное войско ушло за пороги [1]).

„Такимъ образомъ погибъ безславно этотъ Косинскій, такая участь обыкновенно постигаетъ всѣхъ ему подобныхъ", говоритъ Бѣльскій. По смерти Косинскаго козаки еще до осени наводили страхъ на шляхту пограничныхъ воеводствъ, старались даже утвердиться въ Кіевѣ, но чѣмъ кончилась попытка, неизвѣстно [2]). Во-

[1]) Бѣльскій, стр. 190; Гейденшт. т. 2. стр. 318; иначе передаетъ это Вишневецкій въ письмѣ къ Замойскому (Listy Żołk. стр. 26): онъ говоритъ, что козаки въ числѣ 2000 осадили городъ, что онъ Вишневецкій долженъ былъ сразиться съ ними и что въ сраженіи погибъ и Косинскій. Но, быть можетъ, говоря такъ, онъ хотѣлъ скрыть не рыцарское убійство Косинскаго и выставить свою храбрость и заслугу предъ отечествомъ. Когда именно погибъ Косинскій, неизвѣстно. Письмо писано Вишневецкимъ 23 мая 1593 г.

[2]) Архивъ, стр. 63; Listy Żółkiewskiego, стр. 28.

обще никакого крупнаго дѣла не произошло. Вниманіе запорожцевъ обратилось опять къ запретному плоду, въ турецкія владѣнія.

Отвѣчая теперь на вопросъ, что такое была война Косинскаго? надо сказать, что она въ значительной степени напоминаетъ, по пріемамъ и оттѣнку личнаго столкновенія съ княземъ Острожскимъ, „заѣзды", какими обыкновенно донимали другъ друга въ тогдашней Польшѣ люди, имѣвшіе средства собрать ополченіе въ большихъ или малыхъ размѣрахъ. Такъ на нее смотрѣли и современники [1]), любившіе вообще всякія ссоры владѣльцевъ, сопровождавшіяся по обычаю вооруженной расправой, называть войнами. Но внѣшней своей стороною и положеніемъ, занятымъ въ исторіи, она отличается отъ обыкновенныхъ „заѣздовъ". Разница по внѣшности въ томъ, что одна изъ участвующихъ сторонъ не та, что обыкновенно,—соперникъ Острожскаго не такой-же магнатъ, а козаки. Для правительства они давно уже стали „людьми своевольными" и потому очень понятно, что вся тогдашня юридическая обстановка была сейчасъ-же направлена противъ нихъ: явились королевскіе универсалы, постановленія шляхты и пр.; всё это могло дѣлаться какъ изъ желанія обуздать козаковъ, такъ и изъ угожденія Константину Константиновичу Острожскому, поддобриться къ которому не только для шляхты, но и для самого короля было не безразлично. Отсюда шумъ бумажный. Шумъ же дѣйствительный въ трехъ воеводствахъ произошелъ, конечно, отъ значительности противниковъ. Съ одной стороны магнатъ, обладавшій несмѣтными богатствами и вліяніемъ, съ другой—коллективная сила, къ которой единицы приставали изъ трехъ воеводствъ. Но до возстанія массъ еще было очень далеко: потребовалось полувѣковая ссора козаковъ съ правительствомъ, въ которой послѣднее терпѣло нѣсколько разъ пораженія; потребовались насилія надъ народною совѣстью, надъ національными инстинктами; потребовалось усиленіе до невѣроятной степени гнета экономическаго, чтобы вспыхнуло наконецъ настоящее народное возстаніе при Богданѣ Хмельницкомъ. Нельзя сказать, что-бы положеніе южно-русскаго народа не было тяжело еще во времена Косинскаго, но оно не было еще на

[1]) Кромѣ Жолкевскаго (см. здѣсь-же стр. 431), въ «Дневникѣ» Эриха Лясоты (стр. 50 по русск. переводу) сами козаки возстаніе Косинскаго называютъ войною съ кіевскимъ воеводой.

столько ужасно. чтобъ вызвать со стороны его сопротивленіе *отчаянное*, не справляющееся съ удачами или неудачами. Уже и при Косинскомъ хлопы поднимались, но они прятались за козаковъ и оставляли ихъ при малѣйшихъ признакахъ неудачи. Движеніе Косинскаго, благодаря своему непосредственному сосѣдству по времени съ слѣдующими козацкими возстаніями, закончившимися эпохой Хмельницкаго, получило въ исторіи значеніе прецедента для этой эпохи, отчасти заимствовало отъ нея свѣтъ и въ этомъ свѣтѣ представлялось долгое время историкамъ; на самомъ дѣлѣ оно не имѣетъ строго опредѣленнаго характера народнаго возстанія. Скорѣе можно видѣть въ немъ не ясно сознанный, инстинктивный такъ сказать протестъ противъ того польско-шляхетскаго общественнаго строя, которымъ Польша послѣ люблинской уніи надѣлила и русскія области и который скоро усвоили себѣ и водворяли въ своихъ имѣніяхъ и всѣ русскіе князья и дворяне, не исключая и князей Острожскихъ. Въ короткій промежутокъ отъ этой уніи Руси съ Польшею послѣдняя успѣла слишкомъ много сдѣлать для того, чтобы народъ русскій почувствовалъ на себѣ ярмо полькое. Чувствовалось это ярмо и на Запорожьѣ, какъ мы выше видѣли. Народное недовольство обозначалось частыми побѣгами „подданныхъ“ за пороги; борьба религіозная была уже въ сильномъ разгарѣ, церковная унія была подготовлена въ такой степени, что оставалось лишь придать ей извѣстную форму. Кто знаетъ, что заставило Косинскаго входить въ тѣ сношенія съ московскимъ царемъ, о которыхъ упомянуто выше? Мотивы распри его и предводимой имъ партіи съ княземъ Острожскимъ еще менѣе извѣстны. Мы далеки отъ мнѣнія прежнихъ нашихъ историковъ, окружавшихъ Косинскаго ореоломъ мученичества за вѣру и народность русскую; но должны признать въ немъ вождя и дѣятеля народнаго, хотя завѣтныя его стремленія остались для насъ не ясными.

Ф. Николайчикъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ

Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

(Продолженіе) [1]).

V. Одесса и адъюнктъ-профессорство.

Знаете-ли вы Одессу,—эту маленькую, хорошенькую Одессу, которая такъ удобно и живописно расположена на берегу Чернаго моря; этотъ богатый порто-франко съ его безчисленными магазинами, блистающими лучшими произведеніями запада и востока, съ его красивыми зданіями, съ его прелестными окрестностями? Много прекраснаго найдете вы въ этомъ городѣ, одномъ изъ лучшихъ въ Россіи. Своею красотою васъ Одесса особенно поразитъ, когда вы узнаете, что лѣтъ пятьдесятъ едва прошло съ того времени, какъ она начала свое существованіе. Прошло едва полвѣка, и вотъ ова уже выросла, возмужала и украсилась, какъ-бы по мановенію жезла въ рукѣ волшебника. Взгляните на здѣшній бульваръ, устроенный на голой скалѣ у моря, украшенный великолѣпными домами, громадной лѣстницей изъ бѣлаго камня, ведущей къ морю, памятникомъ герцогу Ришелье, положившему основаніе Одессѣ, и длинною нитью бѣлыхъ пахучихъ акацій—онъ необыкновенно хорошъ; ничего и нигдѣ не увидите подобнаго въ этомъ родѣ. Посмотрите, какъ очарователенъ видъ съ него на безконечное

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1884 г., февр. кн., стр. 246—296.

море, вдалекѣ сливающееся съ синевою неба, и ближе—на гавань усѣянную множествомъ кораблей, изпещренныхъ флагами всѣхъ націй. Съ какимъ наслажденіемъ сидишь здѣсь вечеромъ, въ тихую погоду, и любуешься этою картиной; особенно хороша она, когда освѣщаютъ ее послѣдніе лучи заходящаго солнца, или въ бурное время, когда море бушуетъ, когда волны разбиваются о крутую скалу бульвара и потомъ опять набѣгаютъ съ новою силою, какъ-бы желая увлечь ее за собой, но гордая, величавая она стоитъ незыблемо, презирая усилія могучаго соперника. Какъ красива театральная площадь близъ бульвара и зданія ее окружающія: театръ, гдѣ обыкновенно даютъ итальянскія оперы, на лѣво отъ театра длинное зданіе Palais Royales; здѣсь помѣщаются прекрасныя лавки, лучшія рестораціи и кондитерскія, изъ которыхъ такъ хорошъ Café Каруты. Противъ театра прекрасный домъ англійскаго клуба, направо огромный Hôtel Richelieu, противъ этого отеля находится Casino, клубъ для негоціантовъ; этими двумя зданіяии начинается лучшая въ Одессѣ улица Ришельевская, она богата магазинами содержащими въ себѣ самыя модныя произведенія французской и англійской промышленности, параллельно ей идетъ отъ биржи, зданія очень краситаго, Итальянская улица; ихъ пересѣкаютъ Дерибасовская и Греческая, гдѣ найдете въ изобиліи всевозможныя произведенія Италіи, Турціи и Греціи. И посмотрите, какъ всѣ эти улицы чисты, хорошо вымощены и освѣщены. Есть у насъ города, конечно, и красивѣе и богаче Одессы, но независимо отъ интереса, какой представляетъ она своею наружностью, она нравится еще и въ другомъ отношеніи,—въ отношеніи дѣятельности: во всякое время года найдете вы Одессу одушевленною, вездѣ много жизни и движенія, и когда ни пріѣзжайте сюда, лѣтомъ-ли, зимою, всегда проведете время весело и пріятно: зимою небольшое, но отборное общество жителей одесскихъ, а лѣтомъ, когда всѣ разъѣзжаются на дачи или въ Крымъ, Одесса наполняется пріѣзжими. Много бываетъ иностранцевъ, много пріѣзжаетъ сюда помѣщиковъ изъ новороссійскаго края, западныхъ губерній и Малороссіи. Иные ѣдутъ пользоваться морскимъ купаньемъ, другіе минеральными искусственными водами, а нѣкоторые просто для того только, чтобъ запастись иностранными товарами, которые здѣсь такъ хороши

и дешевы; любители музыки ѣдутъ сюда съ цѣлью услышать итальянскую оперу, представленія которой не прерываются цѣлый годъ; труппа составлена изъ очень хорошихъ артистовъ, иногда встрѣчаются здѣсь и первоклассные европейскіе таланты. Говоря вообще, въ Одессѣ очень много самыхъ разнообразныхъ удовольствій, и всякій, кто тамъ побываетъ, очарованный, съ наслажденіемъ вспоминаетъ объ этомъ хорошенькомъ уголкѣ Европы, гдѣ вы встрѣтите образчики почти всѣхъ народовъ.

Этотъ городъ произвелъ на меня чарующее впечатлѣніе. Послѣ привычки къ тихой, довольно скучной жизни въ Кіевѣ, къ пустыннымъ неоживленнымъ его улицамъ, къ условіямъ строгой подчиненности и формальности, которыя проявлялись въ описываемую мной эпоху не только въ самой наружности города, носившаго отпечатокъ казеннаго характера, но и въ общественныхъ отношеніяхъ большой части его жителей,—Одесса шумной дѣятельностью ея разнороднаго населенія, затѣйливой архитектурой зданій, великолѣпнымъ видомъ на море, отсутствіемъ военной и полицейской дисциплины и свободой образа жизни не могла не имѣть на меня обаятельнаго вліянія. Множество богатыхъ магазиновъ съ самыми разнообразными предметами иностранной производительности, по цѣнамъ крайне умѣреннымъ, огромныя гостинницы съ роскошнымъ помѣщеніемъ и всѣми удобствами, превосходный столъ, доступный людямъ съ самыми ограниченными средствами, купанье въ морѣ—были для меня такою пріятною новостью, что я въ теченіи двухъ недѣль велъ беззаботную, уличную жинь провинціальнаго зѣваки.

Однажды сошелся я за обѣдомъ у знаменитаго въ то время ресторатора Оттона, воспѣтаго Пушкинымъ, съ нѣсколькими профессорами ришельевскаго лицея; къ намъ присоединился К. А. Неволинъ, проводившій каникулы въ Одессѣ. Разговоръ шелъ о наукѣ, о лицеѣ, о вакантныхъ кафедрахъ. Оказалось, что кафедра русскаго законовѣдѣнія не была занята въ лицеѣ въ теченіи полугода. Неволинъ предложилъ меня лицейскимъ профессорамъ, присовокупивъ, что лучшаго выбора сдѣлать не можетъ. Меня стали просить принять кафедру законовѣдѣнія, но на этотъ разъ разговоры наши кончились ничѣмъ: я не рѣшался принять лестное для меня предложеніе.

Отецъ мой служилъ еще въ компанію 1812-го и послѣдующихъ годовъ и участвовалъ почти во всѣхъ значительныхъ сраженіяхъ славной эпохи; онъ былъ хорошо знакомъ съ графомъ М. С. Воронцовымъ, тогдашнимъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, и снабдилъ меня рекомендательнымъ письмомъ.

Чрезъ день послѣ встрѣчи съ профессорами я отправился къ генералъ-губернатору. Графъ принялъ меня очень ласково и представилъ пріѣхавшему къ нему во время моего посѣщенія попечителю одесскаго учебнаго округа Княжевичу. Я счелъ долгомъ на другой день побывать у Княжевича. Княжевичъ наговорилъ мнѣ множество любезностей, сказалъ, что получилъ обо мнѣ самыя лучшія свѣдѣнія отъ бывшаго моего профессора Неволина, и зная желаніе мое посвятить себя ученому поприщу, просилъ принять вакантную кафедру русскаго законовѣдѣнія въ ришельевскомъ лицеѣ. Я выпросилъ у него нѣсколько дней на размышленіе и возвратился къ нему вскорѣ съ утвердительнымъ отвѣтомъ.

Мнѣ едва наступилъ двадцать первый годъ. Задавая себѣ вопросъ: принять или не принять предложеніе попечителя, я сознавалъ, что лекціи въ лицеѣ возьмутъ у меня много времени, дадутъ возможность болѣе усвоить и уяснить пріобрѣтенныя познанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ отвлекутъ отъ новыхъ занятій и затруднятъ, при скудности ученыхъ пособій въ Одессѣ, приготовленіе къ экзамену на степень магистра. Впрочемъ возможность сдѣлаться профессоромъ въ двадцать лѣтъ и сѣсть на кафедру прямо изъ студетческой скамьи взяла перевѣсъ надъ другими соображеніями, я согласился принять кафедру и поспѣшилъ въ Кіевъ, чтобы написать кандидатскую дисертацію.

Для дисертаціи я избралъ область уголовнаго права и написалъ историческое рассужденіе о политической смерти. Диссертація моя была единогласно одобрена профессорами и вскорѣ я былъ утвержденъ въ ученой степени кандидата.

Въ августѣ я получилъ приглашеніе ѣхать немедленно въ Одессу для чтенія лекцій. Мнѣ предстояла еще поѣздка въ деревню, чтобы успокоить отца на счетъ поступленія моего, по значенію въ обществѣ, въ число монаховъ и женщинъ. Добрая мать моя помогла мнѣ въ этомъ и

очень обрадовалась первымъ моимъ шагомъ на поприщѣ гражданской дѣятельности, но сожалѣла, что пребываніе въ Одессѣ удалитъ меня отъ нея и лишитъ возможности видѣть меня часто; я ее успокоивалъ тѣмъ, что пребываніе въ Одессѣ не продлится долго и что не позже года я пріѣду въ деревню.

Въ первыхъ числахъ сентября прибылъ я въ Одессу. Недѣли двѣ употребилъ на знакомство съ лицейскими профессорами, лицами принадлежавшими къ учебному вѣдомству, частью одесскаго общества, и на устройство квартиры, нанятой мною въ домѣ З***, на бульварѣ. Затѣмъ занялся приготовленіемъ къ чтенію лекцій. Въ юридическомъ факультетѣ ришельевскаго лицея полагалось всего три профессора; по кафедрѣ мнѣ доставшейся я долженъ былъ читать студентамъ 1-го курса основные законы имперіи и государственныя учрежденія, во 2-мъ курсѣ гражданскіе и межевые, въ 3-мъ уголовное право; въ недѣлю я имѣлъ девять полутора часовыхъ лекцій. Любимымъ моимъ предметомъ было уголовное право и я обратилъ особенное вниманіе на составленіе лекцій по этой части моей профессуры, тѣмъ болѣе, что уголовное право приходилось читать студентамъ третьяго курса, достаточно развитымъ и подготовленнымъ, а по возрасту по большей части гораздо старше меня. До прибытія моего въ Одессу, имъ временно читалъ уголовное право одинъ изъ моихъ новыхъ товарищей по службѣ и успѣлъ познакомить ихъ вкратцѣ съ теоріями уголовнаго права. Для вступительной моей лекціи, служившей продолженіемъ преподаванія, я тщательно обработалъ критическій взглядъ на теоріи уголовнаго права. На лекцію пожаловали всѣ ученые, находившіеся въ Одессѣ, и много постороннихъ лицъ. Лекція вышла блестящая и въ высшей степени занимательная по своему содержанію: несостоятельность философскихъ системъ въ примѣненіи къ практикѣ была мною доказана съ неотразимою логическою послѣдовательностью.

Довольно застѣнчивый по природѣ, не вполнѣ увѣренный въ своихъ профессорскихъ способностяхъ, я долженъ былъ сдѣлать большое надъ собою усиліе, чтобы въ присутствіи мало знакомой, взыскательной публики прочесть тономъ истаго профессора длинную лекцію.

Взойдя на кафедру, я чувствовалъ себя неловко, лекцію началъ

дрожащимъ отъ волненія голосомъ, но послѣ вступительныхъ словъ ободрился и продолжалъ съ увѣренностью, не лишенною достоинства.

Успѣхъ превзошелъ мои ожиданія. Похваламъ и поздравленіямъ не было конца; вступительная моя лекція особенно понравилась извѣстному въ ученомъ мірѣ профессору Нордману, но наблюдательный взоръ мой не могъ не замѣтить смущенія и выраженія подавленной злобы на лицѣ одного изъ двухъ профессоровъ юридическаго факультета, читавшаго временно мой предметъ въ третьемъ курсѣ. Пожилой магистръ Х-го университета, не слѣдившій за развитіемъ науки и преподававшій по старымъ руководствамъ, съ рутинной неподвижностью, часть юридическихъ лекцій въ теченій 12 лѣтъ, не могъ простить мнѣ новаго взгляда на науку, сдѣлавшую огромные успѣхи въ послѣднее время, и смѣлости, съ которою я дерзнулъ опровергнуть старыя убѣжденія криминалистовъ, бывшихъ для него неприкосновеннымъ авторитетомъ. Общее сочувствіе къ молодому преподавателю, посвятившему себя наукѣ только для науки и не нуждавшемуся въ мѣстѣ для своего существованія, еще болѣе раздражило стараго рутиниста.

Первое время пребыванія моего въ Одессѣ было исключительно посвящено лекціямъ, я составилъ программы, по которымъ въ теченіи учебнаго года долженъ былъ пройти всѣ предметы моего преподаванія. Свободнаго времени имѣлъ очень мало и не располагалъ знакомиться съ обществомъ, чтобы не имѣть развлеченій, которыя могли бы вредить подготовкѣ лекцій и отвлечь меня отъ занятій къ предположенному чрезъ годъ въ Кіевѣ магистерскому экзамену.

Къ октябрю возвратился изъ Крыма графъ Воронцовъ съ семействомъ; въ числѣ моихъ слушателей 3-го курса былъ и сынъ его Семенъ Михаиловичъ. Однажды онъ мнѣ передалъ приглашеніе графа на обѣдъ. Я не могъ отказаться; былъ представленъ графинѣ Воронцовой, ея дочери и нѣкоторымъ дамамъ высшаго общества. На другой день долженъ былъ сдѣлать имъ визиты, былъ принятъ весьма благосклонно и получилъ приглашеніе продолжать знакомство. Въ короткое время я познакомился почти со всѣмъ одесскимъ обществомъ—блестящимъ, довольно многочисленнымъ и гостепріимнымъ. Я говорилъ хорошо по французски, по нѣмецки и по итальянски, былъ порядочнымъ танцоромъ, весьма от-

четливо игралъ на фортепьяно и віолончели, имѣлъ замѣчательный талантъ къ музыкальнымъ импровизаціямъ и пѣлъ не дурно. Баритонъ былъ уменя не большой, но священный огонь молодости, а подъ часъ и страсти, придавалъ моему голосу много выраженія.

Въ Одессѣ была очень хорошая итальянская опера, музыку вообще любили и занимались ею, но отдавали преимущество итальянской. Я предпочиталъ нѣмецкую, исполнялъ на фортепьяно по большей части пьесы Мендельсона, Бетховена и Моцарта, игралъ на віолончели произведенія Ромберга, Куммера, Доцауера и Серве и пѣлъ почти исключительно Шуберта и русскіе романсы. Музыка моя производила большой эффектъ, какъ новость.

Противъ желанія, я вскорѣ сдѣлался свѣтскимъ человѣкомъ; въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ я сталъ твердой ногой на новой для меня почвѣ, слылъ однимъ изъ лучшихъ преподавателей лицея, считался безукоризненнымъ джентльменомъ въ обществѣ.

Признаюсь откровенно: блестящее мое положеніе вскружило мнѣ голову; не ожиданный успѣхъ поставилъ меня на высоту, о которой я не мечталъ, но какъ ни было опасно это положеніе для молодаго человѣка, начинавшаго жить, оно имѣло ту хорошую сторону, что неувѣренность въ себѣ и врожденная застѣнчивость исчезли у меня мало по малу. Дни проводилъ я въ добросовѣстныхъ ученыхъ занятіяхъ, увеличившихся порученіемъ преподаванія римскаго права, по случаю отъѣзда профессора этого предмета, а вечера, до поздней ночи, въ увлекательномъ обществѣ красивыхъ и любезныхъ одесскихъ дамъ. Нравы были не суровы, отношенія дружески свободныя; я сталъ жить широко и безъ разчета тратилъ мою молодость.

Въ числѣ лицъ, постояно проводившихъ зиму въ Одессѣ, былъ Г. Б., очень образованный, необыкновенно толстый человѣкъ, среднихъ лѣтъ, некрасивой наружности. Онъ былъ женатъ на молдованкѣ княжескаго рода, имѣлъ огромное состояніе; ближайшій сосѣдъ по занимаемой мною квартирѣ, большой любитель музыки и отличный музыкантъ, онъ заискивалъ моего знакомства, и я вскорѣ сталъ ежедневнымъ посѣтителемъ его великолѣпнаго дома. Часто разыгривали мы квартеты, еще чаще приходилось мнѣ импровизировать на заданныя темы. Су-

пруга его была красивая женщина не первой молодости: лѣтъ тридцати, средняго роста, худощава, съ большими черными выразительными глазами, нерѣдко удостоивавшими меня пламеннымъ, жгучимъ взглядомъ.

Безъ особеннаго увлеченія сошелся я съ этой женщиной. По богатству и происхожденію она играла не послѣднюю роль въ обществѣ, по изящному вкусу и хорошему образованію имѣла въ немъ большее вліяніе; она привязалась ко мнѣ съ пылкостью своей южной натуры, съ страстью, на которую способны однѣ женщины зрѣлыхъ лѣтъ. Отношенія мои къ ней льстили моему самолюбію, но вскорѣ я убѣдился, что во мнѣ, кромѣ влеченія очень обыкновеннаго въ молодомъ человѣкѣ къ красивой женщинѣ, не было другаго чувства.

Госпожа Б. отличалась необыкновенною ревностью и связь съ этой женщиной начинала тяготить меня. По врожденной деликатности я не имѣлъ силы воли прервать съ нею мои сношенія мгновенно; положеніе мое становилось впрочемъ невыносимымъ: она совершенно овладѣла мною, распоряжалась какъ своею собственностью и со дня на день становилась неотвязчивѣе и несноснѣе.

Наконецъ терпѣніе мое истощилось, я прервалъ мои сношенія съ г-жею Б. и съ большою твердостью перенесъ взрывъ негодованія, потоки упрековъ и слезъ. Мужъ, и какъ всѣ мужья, ничего не подозрѣвалъ и былъ не мало удивленъ, что не встрѣчалъ меня въ теченіи нѣсколькихъ дней въ своемъ домѣ. Я сказался больнымъ и недѣли чрезъ двѣ появился снова у Б., какъ ни въ чемъ не бывало.

Зима прошла быстро въ занятіяхъ и ежедневныхъ развлеченіяхъ. Между прочимъ, я часто посѣщалъ мастерскую Лангле, портнаго на меня шившаго: у него была прехорошенькая жена, типъ провансальской француженки, я за нею ухаживалъ, а съ мужемъ упражнялся въ фехтованьи на рапирахъ. Не смотря на то, что Лангле былъ лѣвша, онъ владѣлъ превосходно шпагой и выучилъ меня многимъ пріемамъ, которые не были еще мнѣ извѣстны. Я былъ очень любезенъ съ великосвѣтскими дамами вообще, но, проученный г-жею Б., не входилъ въ близкія къ нимъ отношенія, не смотря на возможность пристроить себя. Въ блестящемъ одесскомъ обществѣ было много красавицъ не жестокосердыхъ и обычай перешедшій изъ Италіи имѣть cavaliere servante,

такъ усвоился въ Одессѣ, что сталъ характеристическою чертою тамошнихъ нравовъ.

Не могу пройти молчаніемъ замѣчательныхъ личностей этого сезона. Въ ноябрѣ 1841 года, на одесскомъ театрѣ давали новую оперу „Эдинбургская темница“. Хорошенькая зала этого театра, отдѣланная просто, но со вкусомъ, въ этотъ вечеръ была полна, такъ полна, какъ обыкновенно бываетъ она во время представленія новыхъ оперъ или дебюта лучшихъ артистовъ. Ложи перваго яруса зимою всегда абонированы одесскою знатью, въ ложахъ другихъ ярусовъ помѣщаются пріѣзжіе, семейства негоціантовъ и лицъ не принадлежащихъ къ высшему кругу; кресла заняты многочисленной и блестящею молодежью; партеръ набитъ мелкими чиновниками и приказчиками, которыхъ здѣсь такъ много. Зала была похожа на прекрасный цвѣтникъ, усѣянный роскошными цвѣтами; кое гдѣ, правда, проявлялись растенія нѣсколько и обыкновенныя, но они почти не были замѣтны въ блестящей массѣ цѣлаго. И въ самомъ дѣлѣ никогда Одесса не была богата такимъ множествомъ прекрасныхъ лицъ, какъ въ зиму 1841 года; чтобы убѣдиться въ справедливости этого, стоитъ только бросить бѣглый взглядъ на ложи перваго яруса. Взгляните на одну изъ нихъ первую на лѣвой сторонѣ отъ сцены, — вы увидите тамъ молодую женщину очаровательной наружности — это княгиня К. Какъ чудно хороша она, какъ интересно ея блѣдно-матовое миніатюрное лицо, окаймленное черными какъ смоль волосами! Видали-ль вы что нибудь лучше, восхитительнѣе княгини? За нею князь К., олицетворенное ничтожество; нужно разъ увидѣть князя, чтобъ составить себѣ объ немъ вѣрное понятіе навсегда: никогда не видѣлъ я лица, которое-бы такъ отчетливо изображало глупость, какъ лице князя; посмотрѣвъ на него, вы скажете: этотъ человѣкъ глупъ и не ошибетесь, никогда наружность не была такимъ вѣрнымъ отблескомъ внутренняго, интелентульнаго. Далѣе ложа К. По красотѣ безспорно первое мѣсто занимала г-жа К. Блондинка средняго роста не выразимо пріятнаго лица съ голубыми глазами. Мужъ ревности необычайной. Никогда не отходилъ онъ отъ жены, постоянно сопровождалъ всюду, въ танцахъ всегда становился за ея стуломъ и утромъ во время посѣщеній никогда не уходилъ изъ гостинной. Часто

молодые люди подшучивали надъ нимъ. Стоваривались отправиться съ визитомъ къ К. Одинъ изъ молодыхъ людей, когда въ гостинной хозяевъ не бывало никого, подъ предлогомъ поговорить о дѣлѣ уводилъ мужа въ кабинетъ и задерживалъ его тамъ, какъ можно долѣе. Въ это время одинъ за другимъ являлись къ г-жѣ К. посѣтители и мужъ подвергался невыносимой нравственной пыткѣ. Потомъ ложа князя Г. Взглянувъ на княгиню, вамъ невольно представится Эсмеральда изъ Notre Dame de Paris. Княгиня не была молода, воздушна и эфирна, какъ цыганка, созданная Гюго, но имѣла прелестное смуглое лице, черные волосы, огненные, жгучіе глаза, сверкающіе молніями. Особенный, нѣсколько даже странный туалетъ княгини, дѣлалъ это сравненіе еще болѣе вѣрнымъ. Было въ ея одѣяніи много необыкновеннаго, но всего болѣе поражалъ головной уборъ, блиставшій множествомъ золотыхъ булавокъ и другихъ металлическихъ украшеній. Хороша, очаровательна была княгиня и взоры многихъ были обращены къ ней. Въ эту минуту на лицѣ князя можно было прочесть особенное удовольствіе; онъ гордился вниманіемъ оказываемымъ его супругѣ и всегда довольный всѣмъ и всѣми, а собою въ особенности, казалось, онъ выросъ въ этотъ вечеръ. Подлѣ ложи князя Г., ложа Ч. Здѣсь нельзя не замѣтить молодой дѣвушки, сидящей облокотившись на перила ложи: ее нельзя назвать красавицей, но неправильное лице ея, подернутое тихою грустью, невыразимо интересно. Съ правой стороны ложа г-жи Щ. Величественная осанка, правильныя черты лица, типъ библейской красоты производили на зрителя обаятельное впечатлѣніе; г-жа Щ. была идоломъ, которому поклонялись всѣ.

Далѣе г-жа С., роскошная блондинка, принадлежащая къ одной изъ извѣстныхъ фамилій Малороссіи. Потомъ г. П., гречанка античныхъ формъ, замѣчательной пластической красоты. За нею Г. С. миловидная молоденькая дама, съ волосами пепельнаго цвѣта и большими черными глазами. Наконецъ дѣвица К. стройная какъ пальма; роскошные каштановые волосы окаймляли обворожительно интересное лице, которому особенное выраженіе придавали небольшіе огненные каріе глаза.

Роскошь меблировки и мужскихъ туалетовъ могла сравниться съ роскошью главныхъ столицъ Европы. Чисто русское гостепріимство и

хлѣбосольство соединялось съ непринужденностью свойственною иностранцамъ.

Въ концѣ сезона у графа Воронцова было два костюмированныхъ бала, въ которыхъ я принималъ участіе. Балы эти были великолѣпны: на первомъ появился кадриль изъ 16 паръ въ костюмахъ Калабрійскихъ разбойниковъ, другой изъ 12-ти въ албанскихъ; отдѣльныя группы изъ Notre Dame de Paris: Эсмеральда, Клодъ Фроло Казимодо и Фебюсъ, изъ Робертъ-дьявола: Бертранъ Робертъ и Алиса, изъ Эрнани: Донна Соль, Карлъ V, Эрнани и Рюи Гомецъ. На второмъ кадрили Шотландцевъ, Венеціанцевъ, пародія на сцену изъ Эсмеральды, изъ Фауста группа: Мефистофеля, Фауста и Гретхенъ, изъ Донъ-Жуана: Командоръ, Дона Анна, Лепорелло и Донъ-Жуанъ.

Въ постъ занимались много классической музыкой; самыя замѣчательные вечера были у г. Б. два раза въ недѣлю: по вторникамъ исполняли квартеты и соло на разныхъ инструментахъ, по субботамъ симфоніи и церковную музыку.

Наступилъ май. Явилось желаніе устроить большой пикникъ на хуторѣ Рено. Вся блестящая молодежь Одессы приняла въ немъ участіе: по подпискѣ составилась довольно крупная сумма и весенній загородный праздникъ достойнымъ образомъ увѣнчалъ зимній сезонъ удовольствій. Я былъ однимъ изъ главныхъ распорядителей этого праздника.

Внизу большой лѣстницы, ведущей отъ бульвара къ морю, была устроена палатка, въ которой приглашенные собрались къ 12 часамъ утра; послѣ легкаго завтрака сѣли въ шлюпки, украшенныя разноцвѣтными флагами и управляемыя гребцами въ костюмахъ венеціанскихъ гондольеровъ; впереди флотиліи шелъ баркасъ съ музыкой и хоромъ итальянскихъ пѣвцовъ. Часть общества, не желавшая ѣхать моремъ, отправилась въ экипажахъ сухимъ путемъ. На хуторѣ, на высокой возвышенности, украшенной мачтами съ флагами, была устроена батарея, съ которой произведены залпы при прибытіи флотиліи къ берегу.

До обѣда время было посвящено гулянью на хуторѣ, приведенномъ въ порядокъ къ празднику; въ пятомъ часу на галлереѣ, окружа-

ющей обширный домъ, былъ поданъ великолѣпный обѣдъ, приготовленный Оттономъ; послѣ обѣда опять гулянье, въ 8 часовъ начались танцы въ большой залѣ, убранной со вкусомъ гирляндами изъ живыхъ цвѣтовъ и освѣщенной à giorno, въ десять былъ сожженъ фейерверкъ. Танцы продолжались до 5 часовъ утра; не танцующіе провели большую часть вечера въ саду, иллюминованномъ разноцвѣтными фонариками и отъ времени до времени освѣщаемомъ бенгальскими огнями. Праздникъ кончился ужиномъ съ безчисленнымъ множествомъ тостовъ.

Въ концѣ зимы я сошелся съ замѣчательными личностями: съ лордомъ Альвенслеемъ, старымъ подагрикомъ и холостякомъ, который очень меня полюбилъ,—онъ былъ человѣкъ весьма образованный и умный и пэръ соединенныхъ королевствъ Великобританіи; съ г. И. весьма умнымъ, краснорѣчивымъ господиномъ, прожившимъ довольно большое состояніе и съ г. С., дѣльнымъ и очень пріятнымъ человѣкомъ. И. и С. только и думали, какъ-бы провести время пріятнѣе, почти каждый день мы собирались вмѣстѣ по вечерамъ; за частую дѣлали весною экскурсіи въ окрестности города въ экипажахъ, нерѣдко и моремъ на яхтѣ, принадлежавшей г. К. Послѣдній былъ эпикуреецъ и самодуръ: онъ проѣлъ и пропилъ значительное состояніе, курилъ опіумъ и забавлялся тѣмъ, что отравлялъ своихъ друзей разными возбуди тельными средствами. Я избѣгалъ знакомства съ этимъ господи номъ; случай насъ свелъ, но отношенія наши были всегда болѣе чѣмъ холодны.

Къ послѣднему времени моего пребыванія въ Одессѣ относится знакомство мое съ молодой женщиной, своего рода знаменитостью, извѣстной подъ именемъ графини С. Все, что ни было въ Одессѣ изъ молодежи и лицъ солидныхъ лѣтъ, все было знакомо съ графиней. Она каждый вечеръ бывала дома и у ней всегда можно было встрѣтить многочисленное общество женщинъ, носившихъ въ то время названіе лоретокъ. Графиня Теофила С. была замѣчательна своею наружностью и характеромъ.

Представьте себѣ женщину 22-хъ лѣтъ, роста выше средняго, съ таліей шестнадцатилѣтней пансіонерки, съ руками и ногами необыкновенно маленькими, съ бюстомъ Венеры Медичійской, съ густыми чер-

ными какъ смоль волосами, падавшими толстыми косами до земли, съ огромными темнокарыми глазами, свѣтившимися умомъ и страстнымъ выраженіемъ; дугообразныя черныя брови, маленькій ротикъ съ тонкими коралловыми губками, украшенный двойнымъ рядомъ жемчужинъ; прибавьте къ этому врожденную непринужденную грацію и вы будете имѣть приблизительное понятіе о красотѣ Теофилы; единственнымъ ея недостаткомъ было небольшое, едва замѣтное бѣльмо на лѣвомъ глазѣ.

Характеръ Теофила имѣла веселый, беззаботный и отличанась необыкновенною въ ея положеніи добросовѣстностью и честностью, сердца была добраго, но своенравна, вспыльчива и очень разборчива. Не всякій могъ пользоваться ея расположеніемъ, бывали люди и знатные и богатые, которые ухаживали за нею безъ успѣха.

Родомъ фанаріотка, она была привезена въ Одессу ребенкомъ. Графъ С. купилъ ее у матери, далъ порядочное образованіе и сдѣлалъ своей любовницей. Умирая онъ оставилъ Теофилѣ порядочный домъ и небольшой капиталъ.

Графъ С. скончался до прибытія моего въ Одессу. Я былъ знакомъ съ нимъ еще въ Кіевѣ, куда онъ часто пріѣзжалъ во время контрактовъ; у него было большое имѣніе въ кіевской губерніи, переданное сестрѣ графа въ замужествѣ за графомъ А. А, Б. Графъ С. оставилъ по себѣ память Донъ-Жуана, рыцаря безъ страха и упрека и большаго барина. Съ рѣдкой красотой онъ соединялъ умъ, любезность, веселость и многіе таланты: былъ одаренъ необыкновенной физической силой, отлично ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ, фехтовалъ, былъ замѣчательнымъ музыкантомъ и ловкимъ танцоромъ.

Первое впечатлѣніе, произведенное на меня Теофилой, было не въ ея пользу. Я питалъ особенное отвращеніе къ женщинамъ слишкомъ легкихъ нравовъ; свобода въ обращеніи, обстановка, среди которой я познакомился съ этой куртизанкой высшаго полета, оттолкнула меня отъ нея. Послѣ перваго посѣщенія, сдѣланнаго изъ любопытства, я не бывалъ больше у Теофилы.

Изъ квартиры моей на бульварѣ, въ которой житья мнѣ не было отъ сварливой и несносной хозяйки дома, я перешелъ въ Новороссій-

скую гостинницу Маттео, отличнаго повара, по преданію, бывшаго пирата.

Однажды вечеромъ, возвратясь изъ загородной прогулки, я собирался лечь спать,—отворяются двери моей гостинной и къ не малому моему удивленію я вижу предъ собой Теофилу.

Я принялъ ее вѣжливо, но очень сухо. Представьте себѣ мое удивленіе, когда она объявила, что пріѣхала развлечь меня отъ скуки, которая, по отзывамъ моихъ пріятелей, съ нѣкотораго времени меня одолѣла, что она отослала свой экипажъ и увѣрена, что я не заставлю ее возвращаться домой въ поздній часъ ночи.

Какъ не озадачила меня такая безцеремонность, дѣлать было нечего: нужно было подчиниться оригинальному капризу своенравной женщины, тѣмъ болѣе, что она была очаровательно хороша.

Теофила совершенно плѣнила меня своимъ умомъ, неподдѣльною веселостью, безкорыстною привязанностью и формами, достойными рѣзца Праксителя.

Наступило время экзаменовъ въ лицеѣ. Студенты меня любили, занимались хорошо моими предметами и выдержали экзаменъ превосходно.

Вслѣдствіе наговоровъ моего товарища по профессурѣ, что я въ моихъ лекціяхъ провожу идеи слишкомъ новыя и чрезъ-чуръ либеральныя попечитель присутствовалъ на всѣхъ экзаменахъ изъ предметовъ мной пройденныхъ и не зналъ, какъ выразить мнѣ свою благодарность за успѣхи студентовъ; онъ въ особенности остался доволенъ уголовнымъ правомъ и обширными свѣдѣніями, сообщенными мною студентамъ о философіи права законодательствъ европейскихъ государствъ и американскихъ штатовъ.

Несмотря на столь удовлетворительный исходъ моей ученой дѣятельности, я заявилъ намѣреніе прекратить на будущій учебный годъ мои лекціи въ лицеѣ, убѣдясь въ невозможности, при большихъ занятіяхъ и разсѣянной жизни, приготовиться, какъ слѣдуетъ, къ магистерскому экзамену.

Попечитель уговаривалъ меня не оставлять службы въ лицеѣ и предлагалъ воспользоваться каникулами и отпускомъ въ первые осенніе

мѣсяцы, чтобы ѣхать держать экзаменъ въ Кіевѣ. Я не далъ ему положительнаго обѣщанія исполнить его желаніе и въ іюнѣ отправился въ деревню.

Теофила такъ привязалась ко мнѣ, что изъявила желаніе проводить меня до Вознесенска.

За нѣсколько дней до моего отъѣзда, пріѣхали изъ Кавказа въ Одессу и поселились въ новороссійской гостинницѣ князь О., богатый молодой грузинъ, генералъ нашей службы, и поручикъ Ф., извѣстный повѣса, изгнанный изъ Петербурга, гдѣ воспитывался съ очень высоко поставленными личностями, и посланный на Кавказъ изъ гвардіи въ армію прапорщикомъ за какія-то шалости.

Эти господа познакомились со мною и очень меня полюбили, заставляли со дня на день откладывать мой отъѣздъ, дали нѣсколько прощальныхъ обѣдовъ и наконецъ до того надоѣли, что я не зналъ, какъ отъ нихъ отдѣлаться. Князь О. долженъ былъ остаться въ Одессѣ, а Ф. вызвался сопутствовать мнѣ до Вознесенска. Въ Вознесенскѣ та-же исторія; у Ф. нашлось много знакомыхъ и товарищей по службѣ между квартировавшими тамъ кавалеристами, задержали меня цѣлую недѣлю и устроили великолѣпные проводы.

Въ Вознесенскѣ простился я и съ Теофилой. Мнѣ жаль было съ нею разстаться: я ее любилъ за искренную ко мнѣ привязанность и рѣдкое безкорыстіе. Никогда въ Одессѣ не соглашалась она принять отъ меня цѣннаго подарка; разставаясь, я счелъ долгомъ предложить ей довольно крупную сумму. Теофила не приняла денегъ, вспылила, разсердилась, а потомъ расплакалась какъ дитя, укоряя меня въ неделикатности и неумѣньи отличить искренную привязанность отъ продажной податливости. Мнѣ стало совѣстно, не могъ я простить себѣ неумышленнаго оскорбленія любящей женщины, и долго, долго не могъ забыть ее.

Въ Кіевѣ нашелъ нѣсколькихъ товарищей по университету, провелъ съ ними весело три дня, посѣтилъ Кинь-грусть, гдѣ былъ принятъ очень радушно и прибылъ въ деревню гораздо позже назначеннаго срока.

Тамъ меня ожидали радости семейной жизни и любящее сердце матери.

Къ родителямъ моимъ доходили обо мнѣ преувеличенные слухи,—о разсѣянной жизни въ Одессѣ, увлеченіяхъ и неразсчетливости. Средствъ, которыя мнѣ давали, было дѣйствительно недостаточно: я задолжалъ, немедленно уплотили мои долги и согласились съ моимъ желаніемъ не возвращаться въ Одессу, а ѣхать за границу, отдохнувъ въ теченіи лѣта въ деревнѣ. Отдыхъ мнѣ былъ необходимъ: я усталъ и физически и нравственно. Объ Одессѣ я впрочемъ не жалѣлъ; зимній сезонъ, проведенный въ ней, пронесся какъ ураганъ, впечатлительная натура моя не вынесла изъ него ничего, кромѣ удовлетвореннаго самолюбія и сердечной пустоты; иногда только взгрустнется бывало, когда вспомнишь Теофилу съ ея заплаканными при прощаньи глазами.

Тихая деревенская жизнь, ароматическій степной воздухъ, превосходный садъ, откровенныя дружескія бесѣды съ умной и доброй моей матерью имѣли благотворное на меня вліяніе: я отдохнулъ, но не снѣжилъ отъѣздомъ за границу. Въ августѣ только собрался въ дальній путь и напутствуемый благословеніями, добрыми пожеланіями и совѣтами отправился въ Петербургъ, чтобы получить командировку съ ученой цѣлью за границу, на моемъ иждивеніи, или-же отставку.

По дорогѣ я заѣхалъ къ двоюродной сестрѣ моего отца г-жѣ С., замѣчательной своимъ умомъ, но не получившей почти никакого образованія; она представляла типъ помѣщицы давно прошедшихъ временъ. Отличная хозяйка въ обширномъ смыслѣ этого слова, необыкновенно строгая съ прислугой и крестьянами, въ высшей степени разсчетливая, она вела превосходно свои дѣла и нажила громадное состояніе; овдовѣвъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ замужества, посвятила себя заботамъ о единственной дочери, которая воспитывалась въ одно время со мною въ Х., и вышла замужъ за К. Новобрачные поселились въ Петербургѣ, у нихъ гостилъ я послѣ выхода изъ училища. Тетушка С. просила меня остановиться въ Петербургѣ въ квартирѣ ея дочери.

Въ Москвѣ я остался нѣсколько дней, чтобы познакомиться съ достопримѣчательностями первопрестольной столицы. Въ гостинницѣ Шевалдышева встрѣтился съ молодымъ Альвенслеемъ, который мнѣ очень

обрадовался и взялъ съ меня слово посѣтить его въ Англіи, въ замкѣ около Лондона. Москва мнѣ понравилась, въ ней прожилъ я очень пріятно недѣлю, нашелъ нѣсколькихъ знакомыхъ и родныхъ. Былъ очень радушно принятъ княземъ Д., женатымъ на дальней моей родственницѣ, замѣчательной своей красотой. Я съ ними вскорѣ породнился ближе: старшая сестра моя вышла замужъ за В., брата княгини. Въ петровскомъ паркѣ Д. имѣли великолѣпную дачу и жили открыто, у нихъ я познакомился съ московскою знатью.

Въ Петербургѣ, въ обширной и превосходно убранной квартирѣ кузины, на Гороховой, въ домѣ Таля, я расположился весьма удобно. Кузина была за границей, а мужъ ея уѣхалъ въ Сибирь, получивъ назначеніе на одно изъ важныхъ въ краѣ мѣстъ. Многочисленная прислуга и отличный поваръ оставались дома.

Я вскорѣ отыскалъ своихъ товарищей по училищу и проводилъ съ ними время въ дружеской бесѣдѣ. Они только-что кончили курсъ и поступили на службу. Вѣсть о моихъ успѣхахъ въ университетѣ и преподаваніи въ лицеѣ дошла до нихъ гораздо прежде моего пріѣзда въ Петербургъ. Какъ во всемъ дурномъ, такъ и въ хорошемъ не бываетъ безъ преувеличенія. По исключеніи изъ училища меня считали погибшимъ, послѣ занятія кафедры на меня смотрѣли какъ на ученаго профессора, какъ на авторитетъ въ наукѣ и обращались со мной съ подобающимъ уваженіемъ. Неудивительно со стороны товарищей: изъ разговоровъ со мной они убѣдились, что университетское образованіе вообще стояло несравненно выше училищнаго. Самый способъ занятій въ университетѣ давалъ возможность относиться къ наукѣ серьезнѣе, чѣмъ въ училищѣ, которое въ первое время его существованія было школою въ тѣсномъ смыслѣ: задавали уроки, спрашивали и, при удовлетворительныхъ отвѣтахъ, ставили удовлетворительныя отмѣтки. На экзаменахъ придерживались текста руководствъ, по большей части устарѣвшихъ. Память играла большую роль; на осмысленное усвоеніе предмета, на умственное развитіе учащихся не обращали должнаго вниманія. О преподаваніи и говорить нечего. Общее всестороннее образованіе брало много времени въ ущербъ спеціальнымъ предметамъ, которые проходили довольно поверхностно. И преподаватели были не тѣ, что въ универси-

тетѣ, а если и приглашались университетскіе профессора, то они въ училищѣ совершенно иначе читали свои лекціи. Между тѣмъ служебныя преимущества училища были выше университетскихъ. Кромѣ товарищей были еще лица, которыя превозносили мою ученость; одинъ господинъ, довольно высоко поставленный въ ученомъ мірѣ, простеръ свою любезность до того, что хвалилъ мою диссертацію и увѣрялъ, что читалъ ее съ большимъ вниманіемъ, тогда какъ она никогда не была напечатана.

Я поѣхалъ къ Е. Ф. фонъ-Брадке онъ принялъ меня весьма ласково и передалъ мнѣ разговоръ съ директоромъ училища П. обо мнѣ. По увольненіи отъ должности попечителя, Егоръ Федоровичъ отправился въ Петербургъ и при свиданьи съ П. сказалъ ему, что однимъ изъ лучшихъ студентовъ кіевскаго университета былъ бывшій воспитанникъ училища; директоръ спросилъ фамилію, и когда Брадке назвалъ меня, П. не хотѣлъ вѣрить и объявилъ, что я большой повѣса и плохой ученикъ, исключенный за шалости, а хорошій студентъ вѣроятно мой однофамилецъ. Когда Брадке описалъ мою наружность, сомнѣнія въ тождественности быть не могло; но П. увѣрялъ, что я достаточно хитеръ, чтобы скрывать свои пороки, что никогда не кончу курса и не сдѣлаюсь порядочнымъ человѣкомъ. Поѣзжай, сдѣлай одолженіе къ П., присовокупилъ Брадке и убѣди, что онъ непростительно ошибался на твой счетъ.

Къ П. я не поѣхалъ, степень кандидата и кафедра въ лицеѣ смыли съ меня пятно изгнанія изъ училища, но не могъ я забыть несправедливости и преслѣдованій директора.

Отецъ мой далъ мнѣ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ своимъ сослуживцамъ по гвардіи, нѣкоторые занимали важныя должности, изъ нихъ съ особенною привѣтливостью я былъ принятъ графомъ Кушелевымъ, директоромъ артиллерійскаго департамента, на прелестной дачѣ по Петергофской дорогѣ, и генералъ-адъютантомъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, недавно возвратившимся изъ Берлина, куда сопровождалъ прусскаго короля при обратномъ его путешествіи изъ Петербурга.

Министръ народнаго просвѣщенія Сергѣй Семеновичъ Уваровъ, жившій въ то время на дачѣ, принялъ меня сначала очень благосклон-

но. Я сообщилъ ему мое предположеніе ѣхать за границу, чтобы въ германскихъ университетахъ заняться наукой, и просилъ командировки на три года безъ всякаго пособія отъ казны. Министръ сказалъ, что можетъ разрѣшить командировку съ ученою цѣлью безъ содержанія, но съ сохраненіемъ правъ службы, только на три семестра и съ тѣмъ, чтобы я подчинился всѣмъ условіямъ, установленнымъ для командировокъ отъ правительства. Я не согласился и выразилъ желаніе быть уволеннымъ немедленно отъ службы.

Рѣшительный тонъ мой не понравился Уварову, и онъ довольно сухо сказалъ мнѣ: вы профессоръ законовѣдѣнія, а не знаете, что съ просьбою объ отставкѣ нужно обратиться по начальству.

Сколько мнѣ помнится, возразилъ я, увольненіе зависитъ отъ лица, которое опредѣляетъ къ должности. Такъ какъ я имѣлъ честь быть утвержденнымъ въ должности адъюнкта вашимъ превосходительствомъ, по представленію одесскаго попечителя, то и увольненіе отъ этой должности зависитъ, полагаю, отъ васъ; позвольте просить принять мое прошеніе объ отставкѣ и, по полученіи свѣдѣній изъ Одессы о неимѣніи препятствій, сдѣлать распоряженіе о моемъ увольненіи.

Извольте обратиться въ департаментъ, холодно и съ сдержаннымъ неудовольствіемъ проговорилъ сквозь зубы Уваровъ, взялъ прошеніе и осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы.

На другой день я отправился въ департаментъ, при мнѣ написали запросъ попечителю и обѣщали выдать отставку немедленно по полученіи отвѣта.

Въ Петербургъ пріѣхалъ графъ Воронцовъ, я былъ у него нѣсколько разъ и никогда не забуду его ласковаго со мною обращенія и добрыхъ ко мнѣ отношеній. Узнавъ, что я выхожу въ отставку и ѣду за границу, онъ предложилъ мнѣ дать рекомендательныя письма и пригласилъ, если когда нибудь вздумаю оставить учебное вѣдомство, продолжать службу у него.

Я поблагодарилъ графа и отвѣтилъ, что воспользуюсь его благосклоннымъ вниманіемъ и безъ всякаго сомнѣнія не стану искать другой службы, какъ у него, если обстоятельства заставятъ измѣнить ученому поприщу.

Не смѣю совѣтовать, но полагаю, что вамъ нуженъ болѣе обширный кругъ дѣятельности, и поэтому не говорю вамъ: прощайте, а досвиданья,—сказалъ въ заключеніе графъ Михаилъ Семеновичъ, съ обычною ему любезностью, пожимая мнѣ дружески руку.

На другой день онъ присланъ мнѣ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ во Францію и Англію. Князь Лобановъ далъ мнѣ также нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ нашимъ посланникамъ въ Германіи

На прощанье я созвалъ своихъ училищныхъ товарищей въ великолѣпную квартиру кузины и далъ имъ блестящій вечеръ.

Въ ожиданіи отставки я часто ѣздилъ на острова за городъ и посѣтилъ замѣчательныя окрестности Петербурга.

Однажды предъ вечеромъ, по возвращеніи изъ Гатчины, сидѣлъ я дома съ однимъ изъ училищныхъ товарищей; были сумерки, свѣчей еще не подавали и въ комнатѣ царствовалъ полумракъ. Отворяется дверь моего кабинета, ведущая въ корридоръ, входитъ дама подъ вуалемъ, очень прилично одѣтая и останавливается въ нерѣшимости, идти ли впередъ или возратиться.

Я всталъ и вѣжливо спросилъ, что ей угодно. Дама не удостоила меня отвѣтомъ и исчезла, какъ привидѣніе. Мы продолжали разговоръ, чрезъ полчаса пришелъ лакей доложить, что кузина моя возвратилась изъ-за границы и проситъ пожаловать къ ней.

Кузина очень мнѣ обрадовась и объявила, что остается въ Петербургѣ сутки и ѣдетъ въ Сибирь къ мужу. Узнавъ за границею о его назначеніи, она хотѣла сдѣлать ему сюрпризъ своимъ пріѣздомъ и прошла по черной лѣстницѣ въ кабинетъ, въ полной увѣренности, что застанетъ тамъ своего мужа и обрадуетъ внезапнымъ появленіемъ.

Не мало удивилъ меня неожиданный пріѣздъ кузины и рѣшимость ея ѣхать догонять мужа, съ которымъ, какъ говорили, она разсталась навсегда.

Г К., единственная наслѣдница огромнаго состоянія, воспитывалась сначала дома, а потомъ въ харьковскомъ пансіонѣ. На воспитаніе ея ничего не жалѣли, она училась хорошо и получила по-

рядочное свѣтское образованіе, но излишняя угодливость воспитательницъ и невниманіе ихъ къ нравственному развитію молодой дѣвицы, при всей добротѣ ея сердца, сдѣлали ее женщиной своенравной, характера невозможнаго. Шестнадцати лѣтъ она вышла замужъ за человѣка безъ души, который женился изъ разсчета. По уму и образованію онъ могъ-бы имѣть благодѣтельное на нее вліяніе, еслибы хотѣлъ и съумѣлъ заняться ею серьезно, но вмѣсто добрыхъ дружескихъ совѣтовъ началъ трунить, насмѣхаться надъ нею, оскорблялъ и раздражалъ безъ нужды, и въ короткое время до того развилъ въ ней дурные инстинкты, что кузина дѣйствительно сдѣлалась въ семейномъ быту женщиной сварливой, капризной и невыносимой, а въ обществѣ довольно странной и смѣшной.

Находясь еще въ училищѣ, бывалъ я у нихъ иногда въ праздники, по выходѣ изъ училища прожилъ болѣе двухъ мѣсяцевъ и вынесъ о нихъ грустное воспоминаніе.

Поссорятся бывало изъ за пустяковъ и часто ссора принимаетъ громадные размѣры; отъ словъ переходятъ къ дѣйствіямъ: письменныя принадлежности, украшенія каминовъ, горшки съ цвѣтами—все это летитъ, разбивается и наноситъ иногда чувствительный вредъ ссорящимся; да и зрителямъ бывало небезопасно; не забуду никогда, какъ однажды бронзовый подсвѣчникъ рикошетомъ попалъ мнѣ въ плечо и больно ушибъ.

Поѣдутъ въ театръ, дорогой повздорятъ, и чтобы лишить жену удовольствія, К. разорветъ бывало ея наколку или испортитъ прическу. Но не всегда его поступки съ женой оставались ненаказанными. Въ одинъ прекрасный вечеръ, подъѣзжая къ знакомымъ, у которыхъ былъ балъ, кузина уничтожила прическу своего супруга, и К. долженъ былъ отказаться отъ бала, такъ какъ въ то время мужчины носили прически, требовавшія услугъ парикмахера. Въ другой разъ мщеніе кузины этимъ не ограничилось: она исцарапала лице мужа, и бѣдный К. двѣ недѣли не могъ выходить изъ дому.

К—вы нѣсколько разъ разъѣзжались, мирились; въ послѣдній разъ, казалось, разошлись навсегда. Но привязанность-ли въ мужу, или странный, ничѣмъ необъяснимый капризъ женщины заставилъ ку-

зину возвратится изъ Франціи въ Петербургъ и догонять мужа на пути въ Сибирь. Она дѣйствительно уѣхала на другой день.

Чрезъ недѣлю получивъ давно ожидаемую отставку и безсрочный паспортъ за границу, я отправился моремъ въ Любекъ съ послѣднимъ отходившимъ въ октябрѣ изъ Кронштадта пароходомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо арх. новг. Θеофана Прокоповича къ арх. кіевск. Рафаилу Заборовскому [1]).

8 марта 1734 г.

(О способахъ къ улучшенію матеріальнаго положенія кіевск. академіи).

Кіевская академія, неразрывно связанная прежде съ братскимъ монастыремъ, носившимъ по этому названіе училищнаго, до конца почти прошлаго столѣтія, именно до введенія въ 1786 г. штатовъ для малорусскихъ монастырей, не имѣла опредѣленной какой-либо суммы на свое содержаніе и содержалась вмѣстѣ съ монастыремъ отъ собственнаго хозяйства, извлекая натуральные и денежные доходы изъ данныхъ имъ въ разныя времена гетманскими универсалами и царскими грамотами селъ и угодій. Бюджетъ ея былъ растяжимъ и зависѣлъ вполнѣ отъ болѣе или менѣе искуснаго и аккуратнаго веденія хозяйства. При умѣломъ и честномъ управленіи имѣніями являлся избытокъ въ содержаніи и доходахъ, при небреженіи и злоупотребленіяхъ неизбѣжны были скудость и лишенія.

При оскудѣніи доходовъ, кіевскіе владыки, со времени подчиненія Кіева московской державѣ, обращались за пособіемъ къ государямъ. Обратился на этотъ разъ и новопоставленный архіепископъ кіевскій Рафаилъ Заборовскій, а для большаго успѣха прибѣгъ, какъ видно, къ ходатайству все еще сильнаго при дворѣ Θеофана Прокоповича, архіепископа новгородскаго.

Какъ б. воспитанникъ и ректоръ кіевской академіи, Прокоповичъ хорошо зналъ цѣну ея имѣніямъ и вмѣсто испрошенія пособія, рекомендуетъ кіевскому владыкѣ и патрону академіи заняться улучшеніемъ академическаго хозяйства.

Письмо обнимаетъ значительный промежутокъ времени въ исторіи кіевской академіи и даетъ много любопытныхъ свѣдѣній о ея такъ сказать домашней жизни;

---

[1]) Изъ бумагъ архива статсъ-секретаря В. С. Попова. Копія на 2-хъ большихъ листахъ. Слич. въ Русск. Арх. 1865 г., № 4, стр. 439—444, Труды кіев. д. акад., т. 3, стр. 274 и соч. проф. Чистовича: „Θеофанъ Прокоповичъ".

оно обнаруживаетъ въ Прокоповичѣ отличнаго хозяина, указываетъ на нѣкоторыя давно исчезнувшія отрасли сельскаго хозяйства, дышетъ силою, одушевленіемъ, весьма понятными въ лицѣ, которому такъ дороги были судьбы родной академіи.

Преосвященнѣйшій архіепископъ кіевскій и галицкій и малыя Россіи,

Мой любезнѣйшій во Христѣ отче брате и сослужителю!

Какъ многими преосвященство ваше одолжилъ мене къ благодарствію благодѣяніи, такъ не малый ощущаю я на себѣ долгъ и къ частому ко святынѣ вашей, о взаимномъ усердіи моемъ, писанію: но понеже и немощи нерѣдкіе, и немалочисленные суеты до того мене не допускаютъ, паче всего-же извѣстное преосвященства вашего мудролюбіе, по которому не во внѣшнихъ видахъ, но въ дѣйствительной силѣ сущую братскую любовь позна[illegible], церемоніяльныхъ переписокъ не требуешъ; того ради не письмомъ, но сердечною искренностію благодаря какъ за прежніе, такъ и за новые, найпаче въ недавномъ времяни посланному въ Кіевъ доместику нашему, и чрезъ него мнѣ самому показанные вашей любви знаменія, молю законоположника любви Господа, да вашу къ смиренію моему любовь своею вседаровитою милостію преизобильно наградитъ: при семъ не могу и отъ писменнаго отвѣта удержаться, гдѣ къ тому понуждаетъ мене нѣкое немаловажное, отъ вашей-же святыни вѣдомо мнѣ учиненное дѣло.

Писалъ ко мнѣ преосвященство ваше чрезъ господина Величковскаго, что училищный у васъ монастырь братскій пришелъ въ крайнюю скудость, и такожде, что и къ повседневному препитанію не имѣютъ довольства учители и прочіи братія, и не могло-бы уже мѣсто оное въ состояніи пребыть, есть-ли-бы особливымъ святыни вашей призрѣніемъ снабдѣваемо не было. Удивился я и почти ужаснулся таковою вѣдомостію; а воспомянувъ и разсудивъ вину той немощи, и дивиться престалъ. Помню я, что тамо дѣлалося, во время младыхъ лѣтъ моихъ, при Головчичѣ, и Гугуревичѣ, и другихъ ректорахъ: всѣ маетности братскія были въ полномъ содержаніи, еще бо тогда и оные были во владѣніи, которыя послѣ новымъ рубежемъ польскимъ стали оторваны. Были-же времена весьма пріятныя: не было войны, небыло ни какихъ армейскихъ походовъ, не слыхали мы тогда, что недородъ, что

голодъ; а въ братскомъ монастырѣ таковая была во всемъ нищета, что и воспоминать печально; и я бы нынѣ не вѣрилъ, есть-ли-бы тогда самъ не видѣлъ: житницы и погреба пусты, никакой изъ дня на день провизіи, никаковаго припасу не бывало, на всякъ день нищу, и то скудную и подлую, на рынкѣ покупали, а и на оную покупку употребляли господа ректоры нѣкую часть денегъ изъ годоваго гетманскаго подаянія. А какая таковой бѣдности могла быть причина?—Одно только незнаніе экономіи; и не одно того незнаніе, но къ тому противные и разорительные поступки: начальныхъ нерадѣніе, лѣность, дреманіе, гнусность, да еще при пособіи шумныхъ деннонощныхъ заботъ, а подначальныхъ, наипаче посельскихъ старцевъ, иныхъ непросыпляемое піянство, а другихъ прилѣжные кражи и должныхъ обществу доходовъ хищенія, съ великимъ безстрашіемъ, когда и смотру и истязанія ни откуду не опасались и не ожидали. Долго такъ монастырь тотъ, при великомъ богатствѣ, былъ жажденъ, и гладенъ, и хладенъ. И чюдо, воистину, какъ устоялъ! Не скоро потомъ поставленъ экономъ—покойный іеромонахъ Родовичъ, человѣкъ трезвый, догадливый и по всему званія того достойный. И тотъ часъ все лучше пошло; явились съѣстные и питейные и къ другимъ нуждамъ потребные припасы, а прежніе мизерные изъ базару покупки воспоминали мы со смѣхомъ въ притчу. Не долго потомъ економа онаго, видя его бодрость и искуство, переведено на економство къ дому архіерейскому въ монастырь софійскій, гдѣ такожъ дотоль не для чего было ходить въ погреба и анбары и въ протчія клѣти: а училищная обитель въ прежнее оскудѣніе возвратилась, и я и другіе, которые недвижимыхъ монастыря того имѣнія не вѣдали, помышляли, что вотчины его на пѣскахъ только, да на мхахъ и болотахъ стоятъ и тлѣютъ. Одно то иной нѣкой догадъ намъ подавало, что при економствѣ Родовича воздухъ былъ здоровѣйшій. А съ тысяща седьмъ сотъ одиннатцатаго года получивъ я чинъ ректорскій, и потомъ тщательнаго намѣстника, блаженныя памяти Епифанія, бывшаго послѣ бѣлоградскаго архіерея, когда только объѣжжая, осмотрѣли мы села и деревни, земныя и водныя угодія, тотъ часъ явилось, что братскій монастырь убогимъ называть грѣхъ, а въ немъ не быть кому сыту стыдъ и смѣхъ великій.

Что-же воспослѣдовало? Хотя и превеликія армеи стояли, хотя еще не весьма и вѣрные городничіи, то есть посельскіе монахи были; однакожъ всего у насъ преизобильное было довольство; и не только для своихъ, но и для подарковъ многимъ господамъ, и для принятія немалыхъ, и немалолюдныхъ, да еще и частыхъ гостей. Скоро нужда явилась не одинъ вновь погребъ дѣлать и житницу (полатою зовутъ) великую строить, и слухъ въ народѣ носился, что въ братскомъ монастырѣ кладъ найденъ. И правда найденъ, да тотъ, который предъ очима всегда былъ. Да не знаю, какъ то его затекшіи очи не видѣли. Надѣюся, что еще въ живыхъ нѣкіи обрѣтаются, которыи по совѣсти сказать могутъ, что въ съѣстныхъ найпаче и питейныхъ припасахъ не просто черпечіе, но господскіе были достатки: да и денежные прибыли начали показоваться изъ гуты, то есть стеклянныхъ заводовъ, въ мѣсто прежнихъ двенадцати, стало приходить по сту рублей въ годъ, кромѣ стекла, и на домовыя потребы, и на подарки довольнаго: не меншіи того доходы и изъ шинковъ, гдѣ въ продажѣ вино горячее своего хдѣба и куренія, ибо какъ куреніе, такъ и продажа безъ пошлины. Новая да знатная корысть была устроена и изъ вина волоскаго, такъ что одна бута (то есть большая бочка) даровая приходила. Но всего лучше можеши, преосвященство ваше, получить извѣстіе, есть-ли изволишь приказать, дабы вамъ вѣрно показано, сколько гдѣ нажинается пшеницы, ячменя, овса, гречихи, проса? Коликое мельничныхъ каменій число имѣется? Гдѣ и сколь многіе озера и другіе къ рыбнымъ ловлямъ мѣста угодныя? Сколько при мѣстечкѣ Стайкахъ медовой десятины и очковыхъ денегъ? и сверхъ того имѣется-ль особливая пасѣка монастырская? гдѣ и по коликому числу вѣдеръ сивухи продается? что приноситъ стеклянная гута? а есть ли ей нѣтъ, то для чего? коликое множество на разныхъ мѣстахъ всякаго скота въ заводахъ, и изъ того плодовъ молочныхъ, и волны и прочая? дѣлаются-ли изъ пенки женскою работою холсты росхожіе? не пусты-ль солодовни, которыѣ при насъ были всегда не праздные? Сюда надлежатъ и огородные и садовые слѣтья, и лѣсные на дрова и строеніе непокупные плоты. И вся вышеупомянутая имѣлъ монастыръ не скудно, и со временемъ могъ все то имѣть съ великимъ еще прибавленіемъ, когда о немъ стараніе было:

какъ-бы мало чего, и то иностраннаго покупать оставалось нужда. А понеже въ толь печалную скудость пришла обитель оная, какъ ваше преосвященство пишешъ, то мощно знать, что либо все то крайне студенымъ нерадѣніемъ упущено, либо воровскими посельскихъ руками перенимается, либо отъ части сіе, а отъ части оное дѣется. Что жъ Танталу дѣлать, коли онъ, посредѣ пищи и питія стоящій, или не хощетъ, или не можетъ пить и ѣсть?

Между тѣмъ донесено мнѣ, отъ вѣры достойныхъ человѣкъ, яко бы Карпиловка съ уѣздомъ отдается нѣкоему черницу за сто рублей на откупъ: и есть-ли то правда, то чегожъ надѣяться? Развѣ скораго и крайняго разоренія и упраздненія школъ? Да и необычная таковая экономія достойна великаго истязанія и наказанія: о чемъ естьли ясно извѣстимся, молчать намъ, яко о публичномъ воровствѣ, запретить совѣсть.

Что же бы здѣ вмѣсто врачевства употребить надлежало?

Не ино что, только сіе осталось: извѣстно намъ, что преосвященство ваше совершенно экономическое искуство и къ произведенію того въ дѣло теплую охоту имѣешъ; извѣстно и то, что святынѣ вашей къ пользѣ церковной непрестанная належитъ ревность, и потому къ содержанію честныхъ ученій всегда горитъ желаніе: тѣми многомощными добродѣтельми возбужденъ, не трудно усмотрѣть можешъ, каковое нужно къ исцѣленію изнемогающаго училищнаго онаго мѣста лѣкарство. Надобно быть экономy бодрому, искусному и вѣрному. Надобно всячески возбуждать дремлющихъ и трезвить піянствующихъ и хищниковъ, яко злѣйшихъ злодѣевъ, обуздовать, а необуздываемыхъ лишать чина и на казнь предавать мірскому суду: былъ-бы прилѣжный во всемъ смотръ и чувствуемый неминуемаго наказанія страхъ, былъ-бы аккуратный инвентаръ, такожъ приходовъ и росходовъ указныя книги, чего тамъ, надѣюсь, такъ много, какъ много въ которскихъ, или косачевскихъ лѣсахъ цинамонной корицы. И естьли такъ, по моему сему мнѣнію и предложенію, исполнится, то въ скоромъ времени фортуна мѣста того мрачное и худое лице премѣнитъ на жирное и веселое, и возобновится притча, что найдено тамъ нѣкое знатное сокровище, и не будетъ нужды нѣкіихъ скудныхъ, да еще и неосновательныхъ подаяній нищетскимъ образомъ просить. Естьли-же не такъ, по по обыкновенному

гнусному и нерадивому обхожденію дѣло пойдетъ, или паче, какъ болотная вода, тлѣть и смердѣть станетъ, то хотя-бы всю Украйну имъ отдать, не будетъ ничего и таковые паны голодомъ помрутъ.

Сія отъ сожалительнаго къ мѣсту оному усердія пишу къ преосвященству вашему, надѣяся, что святыня ваша не меньшее о томъ сожалѣніе имѣешъ и по данной себѣ власти все къ лучшему привести потщишися.

Прочее непременной братской любви и молитвамъ святымъ вручая себе, пребываю

Преосвященства вашего доброжелательный братъ и сослужитель, смиренный Ѳеофанъ, архіепископъ новгородскій.

Санктпетербургъ.

Марта 8 дня 1736 года.

РЯДНАЯ ЗАПИСЬ 1-й ПОЛОВИНЫ XVIII В.[1]).

Помѣщаемая запись сдѣлана въ 1744 г. бунчуковымъ товарищемъ Михаиломъ Есимонтовскимъ, а исчисленное въ ней приданое давалось за нареченною его невѣстою Мариною Скоруповною, дочерью бунчуковаго-жъ товарища Григорія Скорупны. Есимонтовскіе и Скорупны принадлежали къ числу извѣстныхъ богатыхъ фамилій въ Малороссіи, а званіе бунчуковыхъ товарищей указываетъ на принадлежность ихъ къ почетной полковой старшинѣ. Скорупны, а чрезъ нихъ и Есимонтовскіе, состояли даже въ родствѣ съ гетманомъ Даніломъ Апостоломъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ предъ собою не просто людей средняго достатка, но и лицъ можно сказать высшаго тогдашняго круга. По законамъ и обычаямъ того времени браку или вѣнчанью предшествовала „шлюбная интерцыза“, или гражданская сдѣлка, которая записывалась въ гродскія книги вмѣстѣ съ приданымъ. Получивъ и записавъ приданое, женихъ обязывался взять форменную о томъ выпись и вручить ее тестю, при чемъ самъ обязывался внести въ общую супружескую жизнь одну треть того, что приносила съ собою его будущая жена. Само собою разумѣется, что порядокъ этотъ соблюдался въ классѣ имущихъ, гдѣ было что давать, считать, оцѣнивать и записывать. Въ этомъ кругѣ имъ опредѣлялись имущественныя права и отношенія супруговъ, предъотвращались предбрачныя и послѣбрачныя недоразумѣнія и разногласія. По предбрачнымъ записямъ можно заключать о состоятельности, отчасти и вкусахъ не только брачущихся, но и вообще лицъ ихъ круга. Любопытно взглянуть на этотъ домашній скарбъ нашихъ предковъ, на эту выставку отчасти ихъ достатка и комфорта. Нѣсколько такихъ записей могутъ дать намъ понятіе о гардеробѣ и костюмѣ малорусскихъ дамъ лучшаго тона и круга въ XVIII столѣтіи и показать, насколько было въ немъ самобытнаго, національнаго, насколько заимствованнаго, подражательнаго и насколько отодвинулась въ этомъ отношеніи отъ народа тогдашняя малорусская аристократія. Таково значеніе предлагаемаго документа. Помѣщаемъ оный съ точнымъ соблюденіемъ правописанія подлинника.

---

[1]) Изъ бумагъ обязательно сообщенныхъ редакціи Т. В. Кибальчичемъ, составляющихъ часть сулимінскаго архива. Подлинникъ на 2-хъ листахъ съ сургучною печатью стародубскаго магистрата, отъ времени совершенно истершеюся.

Вынись з книгъ мѣскихъ стародубскихъ права магдебурского.

Року тисяча сѣмъ сотъ четиредесятъ четвертого, мѣсяца мая осмого дня.

Ея императорскаго величества въ магистратѣ стародубовскомъ бунчуковій товаришъ Михайло Есимонтовскій, ставши персоналне, презентовалъ и ку записаню до книгъ мѣскихъ стародубовскиихъ подалъ реестръ, данній имъ Есимонтовскимъ тестю своему, бунчуковому товаришу, Григорию Скоруппѣ о внесенѣ в посагъ з дому оного бунчукового товариша Скоруппы в домъ его Михайла Есимонтовского за женою его Есимонтовского Мариною Скоруповною и просилъ видать з оного реестра экстрактъ реченному тестю его, бунчуковому товаришу, Григорию Скоруппѣ, которій реестръ такъ въ себѣ мѣетъ.

Реестръ, данній отъ мене, за рукою моею и печатю и упрошенихъ отъ мене свидителей, тестю моему, бунчуковому товаришу, его милости, пану Григорию Скоруппѣ, прежде шлюба изъ имѣючоюся быть мнѣ в супружествѣ женою, панною Мариною Григориевною Скоруповною, сколко я взялъ въ посагъ вѣна, по силѣ правъ малороссійскихъ, совѣто пишучи, денегъ готовыхъ, золота, серебра, перелъ, камѣня дорогого и рухомихъ разних вещей, одежди и убіоровъ, плятя бѣлого, коней, коляски и протчего, порознь всякую вещь еднимъ пацункомъ безъ совѣтости кладучи, нижей сего явствуетъ.

Перелъ великихъ шнурковъ восѣмъ, вѣсу золотниковъ сѣмнадцать и три четвертѣ	236 р. — к.
Перелъ болшихъ шнурковъ чотири, да отъ тѣхъ мало меншихъ шнурковъ чотири-жъ	645 р.
Перелъ дробнихъ шнурковъ тринадцать, вѣсу в нихъ золотниковъ одинадцать з четвертью.	60 р.
Штучка золотая з камѣнями	20 р.
Крестъ рубиновий съ пятма рубинами и съ однимъ висящимъ шмарагдомъ, у золотой оправѣ, цена . . .	15 р.
Крестъ алмазній	120 р.
Сережки алмазние	30 р.
Сережки золотие з привѣсками перловими. . . .	6 р.
Перстень шафировій з шестма дияментами . . .	120 р.

Перстень рубиновій з алмазами . . . . . 40 р.
Перстень з двома рубинами и однимъ дияментомъ . 15 р.
Ланцужокъ золотій дощатий в двадцать червонихъ з четвертью . . . . . 110 р.
Кубковъ визолоченихъ дванадцать, без визолотки меншихъ дванадцать же . . . . . 185 р. 60 к.
Чарокъ двадцать . . . . . 24 р. 60 к.
Ложокъ серебраныхъ дванадцать у полтора фунта и десять золотниковъ . . . . . 59 р.
Штопка визолоченая у полтора фунта . . . . 55 р.
Подносъ, сто девять золотниковъ . . . . . 42 р.
Готовихъ денегъ . . . . . 400 р.
Итого . . 2226 р. 2 к.

Шапка куничная з вершкомъ аксамитнимъ жовтимъ . . . . . 7 р.
Другая жъ аксамитная красная куничная . . . 6 р. 88 к.
Шапка легкая аксамитная . . . . . 3 р.
Кунтушъ златоглавній зеленій з футромъ шлямовимъ, рисъ сѣмъ, з корунками золотими з срѣбромъ . . 115 р.
Кунтушъ срѣброглавній, локоть по пяти рублей, подъ футромъ куничьимъ, з сѣткою золотою . . . . 135 р.
Кунтушъ бѣлій златоглавній з футромъ чорнимъ сѣбирковимъ, зъ корункою золотою . . . . . 60 р.
Кунтушъ легкій штофовій бѣлій, масолбасомъ подбитій, з корункою . . . . . 24 р. 50 к.
Кунтушъ штофовій блакитній изъ бѣлими квѣтами, зъ сѣткою золотою . . . . . 24 р.
Кунтушъ штофовій разноцвѣтній, масолбасомъ подшитій, з корункою золотою и лиштвами златоглавними . 27 р.
Кунтушъ штофовій рожовій, локоть по сорокъ алтинъ, съ пудзаментомъ серебренимъ и зъ лиштвами аксамитними 32 р. 70 к.
Кунтушъ штофовій разноцвѣтній бѣлій, локоть по два рублѣ, подъ чорними сѣбирками, з гасомъ золотимъ . 71 р. 30 к

Кунтушъ камловацовій чирвоній подъ шлямами на бокахъ и кругомъ пудзаментъ . . . . . 45 р.

Кунтушъ едамашковій зеленій съ пудзаментомъ и обшитій чирвонимъ масолбасомъ . . . . . 25 р.

Кунтушъ сукна злоткового съ пудзаментомъ срѣбнимъ . . . . . 16 р.

Кунтушъ сукна чирвоного, поднитъ лисами, з срѣбнимъ пудзаментомъ . . . . . 38 р.

Шнуровка златоглавная чирвоная з сѣткою золотою. 6 р.

Шнуровка блакѣтная аксамитная з золотимъ пудзаментомъ . . . . . 3 р. 60 к.

Шнуровка атласовая квѣтчастая з сѣткою срѣбною великою . . . . . 3 р.

Шнуровка чирвоная аксамитная з сѣткою золотою 2 р. 50 к.

Сподница бѣлокосая съ корункою срѣбно-золотою 16 р.

Сподница атласовая з сѣткою серебранною . . . 26 р.

Сподница гранѣтурова жовтая з сѣткою срѣбною . 14 р.

Сподница блакѣтная полутабинковая з сѣткою золотою 10 р.

Сподница гранѣтуровая . . . . . 8 р. 40 к.

Запаска чирвоная златоглавная . . . . . 13 р.

Запаска красная златоглавная, локоть по пять рублей 20 р.

Запаска штофовая разноцвѣтная зеленая . . . . 7 р. 60 к.

Запаска чирвоная штофовая зъ жовтимъ . . . 4 р. 25 к.

Запаска штофовая бѣлая квѣтчатая разноцвѣтная . 7 р.

Запаска штофная чирвоная . . . . . 5 р. 50 к.

Запаска штофная бѣлая . . . . . 4 р. 50 к.

Постель: наволокъ полутабинковыхъ, з корункою серебренною и золотомъ, пять съ плостирадломъ . . . 45 р.

Запона табиновая зеленая . . . . . 20 р.

Запона дуклѣ венецкой . . . . . 13 р.

Ковдра атласовая блакѣтная зъ чирвонимы атласовими лиштвами . . . . . 17 р.

Ковдра дуклевая чирвоная зъ лиштвами полутабинковими зеленими . . . . . 20 р.

Постелѣ три швабскіе, одна зъ корунками широкими, а другая безъ корунокъ, зъ цвѣтами, третая шитая золотомъ и зъ шовкомъ краснимъ . . . . . 30 р.

Постелей кужилнихъ сѣтковихъ чотири . . . . 16 р.

Постѣль фарботная . . . . . 4 р.

Кошуль алендерскихъ з рукавами кисевими пятнадцать . . . . . 45 р.

Кошуль швабскихъ и рубковихъ дванадцать . . . 18 р.

Кошуль ивановскихъ зъ рубковими рукавами . . 20 р.

Кошуль мужескихъ алендерскихъ паръ дванадцать . 14 р.

Обрусовъ швабскихъ чотири, серветъ три штучки, да кужелнихъ серветъ три штучки, да пять тузніовъ московского полотна . . . . . 28 р.

Скатертей пятнадцать . . . . . 15 р.

Ручниковъ одинадцать . . . . . 5 р.

Да штучокъ три кужилнихъ на ручники . . . 12 р.

Серветъ болшихъ, что пютъ чай . . . . . 1 р.

Скринь двѣ, шкатулка одна . . . . . 11 р.

Лаханя мѣдная жовтая . . . . . 1 р. 40 к.

Шоръ четверня . . . . . 30 р.

Карета . . . . . 50 р.

Лошадей четверня . . . . . 60 р.

Палубовъ два . . . . . 10 р.

Итого . . . . 1247 р. 13 к.

А всей вишеписанной сумми. . . . . 3473 р. 15 к.

И хотя въ силу правъ малороссійскихъ надлежало-бъ мнѣ сего-жъ часу, безъ упущенія времени, з имѣнія моего противо вишепоказанного вношеня записать третюю часть, точію оставшись, по смерти отца моего, въ владѣніи моемъ, я еще не осмотрився въ такъ скоромъ времени, что именно записать въ третюю часть зъ оного моего владѣнія, чтобъ стояло того вношеня 3,473 р. 15 к. Ктому-жъ зъ братомъ моимъ роднимъ, бунчуковимъ товаришомъ, Степаномъ Есимонтовскимъ, по оставшейся после отца нашого. бунчукового товариша, Алексѣя Есимонтовского духовной роздѣлу еще не имѣлъ. А когдажъ-жъ учиненъ бу-

детъ з нами надлежащій въ имѣніи по оной духовной роздѣлъ и всякъ частиею своею владѣти учнетъ, то имѣю зъ того знадаючого на мене владѣнія записать, въ силѣ правъ, въ вѣно третюю часть помянутой панні Маринѣ Григориевнѣ Скорупповнѣ, имѣючой мнѣ быть въ супружествѣ женою, въ вѣчное и безпоротное ея владѣніе. О чомъ оній реестръ, за рукою и печатю моею и упрошенныхъ отъ мене свидителей, помянутому тестю моему, бунчуковому товаришу, пану Григорию Скорупнѣ данъ 1744 г. мая 6 дня.

Въ подлинномъ реестру, съ притисненіемъ на ономъ трехъ печатей червленного сургуча, подпись рукъ тими словы:

Къ сему реестру, данному тестю моему, бунчуковому товаришу, его милости, пану Григорию Скорупнѣ и что все по оному принялъ, бунчуковій товаришъ Михайло Есимонтовскій печать и руку приложилъ.

Къ сему реестру, по прошенію бунчукового товариша, Михайла Есимонтовского. Василь Жураховскій во свидѣтелство руку и печать приложилъ.

Къ сему реестру, по прошенію бунчукового товариша Михайла Есимонтовского, обозній полковий стародубовскій Григорий Юркевичь во свидѣтельство руку и печать приложилъ.

Которій подленьній реестръ Мы урядъ выслухавши, казалисьмо до книгъ мѣскихъ стародубовскихъ приняти и записати, и есть записанъ, зъ которихъ и сей экстрактъ выписавши, зъ подписомъ рукъ насъ уряду и съ приложеніемъ обыклой магистратской стародубовской печати сторонѣ того потребуючой, бунчуковому товарищу, Григорію Скорупнѣ есть виданъ.—Писанъ въ Магистратѣ стародубовскомъ року, мѣсяця и дня вижей спецѣфикованихъ.

Ея императорского величества Магистрату стародубовского: Войтъ Антонъ Коменокъ, бурмистръ Андрей Демяновичь, райца Іванъ Кункевичь, писарь Савва Терлецкій.

Библіографія.

Н. Любовичъ. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и антитринитаріи (по неизданнымъ источникамъ). Варшава. 1883. (347×XXIX стр. цѣна 3 р.).

Книга, заглавіе которой мы выписали, представляетъ собою магистерскую диссертацію доцента варшавскаго университета Н. Н. Любовича, защищенную имъ въ кіевскомъ университетѣ 11 декабря прошлаго 1883 года. Объемъ и отчасти характеръ своей работы авторъ обозначаетъ въ первыхъ строкахъ предисловія. „Своеобразнымъ, оригинальнымъ характеромъ отличается реформаціонное движеніе въ Польшѣ. И причины, вызвавшія его тамъ, и задачи его, и самый ходъ развитія и распространенія совершенно иныя, нежели въ другихъ государствахъ западной Европы. Даже чѣмъ-то загадочнымъ и исполненнымъ, повидимому, противорѣчій можетъ показаться реформація въ Польшѣ! Хотя-бы взять тотъ фактъ, какъ быстро развилась она тамъ и какъ быстро затѣмъ пала. Разъяснить эти кажущіяся противорѣчія въ исторіи польской реформаціи, прослѣдить шагъ за шагомъ развитіе ея и показать неизбѣжность ея полной неудачи—составляетъ задачу моего труда. Въ настоящемъ томѣ я довожу изложеніе судебъ польской реформаціи до петроковскаго сейма 1562—3 года, т. е. до эпохи, когда она достигаетъ кульминаціоннаго пункта своего развитія. Начало католической реакціи и упадокъ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ составитъ содержаніе слѣдующаго тома, который долженъ появиться въ непродолжительномъ времени. Касаясь только исторіи распространенія кальвинскаго и антитринитарскаго ученій въ Польшѣ, область моего изслѣдованія должна ограничиться лишь предѣлами Малой Польши, такъ какъ въ Великой Польшѣ нашло пріютъ ученіе лютеранское и братьевъ чешскихъ. Но общіе выводы относительно реформаціоннаго движенія въ Малой Польшѣ вполнѣ примѣнимы и къ Великой".

Передъ нами очевидно находится строго-ученая работа, отъ которой мы вправѣ ожидать и новыхъ матеріаловъ, и новыхъ общихъ выводовъ. Относительно обилія новыхъ матеріаловъ трудъ г. Любовича не оставляетъ желать ничего большаго. Авторъ пересмотрѣлъ и извлекъ относящіеся къ его темѣ рукописные матеріалы въ библіотекахъ и архивахъ въ Вильнѣ, Краковѣ, Львовѣ, Кенигсбергѣ, Данцигѣ, Познани, Вреславлѣ и т. д.

Общіе выводы, къ которымъ пришелъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи, выражены имъ въ слѣдующихъ тезисахъ, предъявленныхъ имъ при публичной защитѣ диссертаціи.

1) Реформаціонное движеніе въ Польшѣ служитъ непосредственнымъ продолженіемъ борьбы шляхты съ духовенствомъ, начавшейся съ конца XIV вѣка.

2) Причины, вызвавшія реформацію въ Польшѣ, были политико-экономическаго характера

3) Принятое всѣми историками мнѣніе о существованіи связи между гусситскимъ движеніемъ въ Польшѣ и реформаціоннымъ не можетъ быть научно установлено и должно быть отвергнуто.

4) Хотя протестантскія идеи и начинаютъ проникать въ Польшу въ царствованіе Сигизмунда I, но начало реформаціоннаго движенія въ ней, вопреки общепринятому мнѣнію, можетъ быть константировано только въ концѣ сороковыхъ годовъ (т. е. XVI в.).

5) До половины пятидесятыхъ годовъ реформаціонная партія въ Малой Польшѣ не примыкаетъ еще окончательно ни къ одной протестантской церкви.

6) Кальвинизмъ вытѣсняетъ изъ Польши всѣ другія протестантскія ученія только послѣ пріѣзда туда Ласкаго.

7) Толчокъ польской религіозной мысли въ крайнемъ раціоналистическомъ направленіи данъ впервые Францискомъ Станкаромъ.

8) Ученіе антитринитаріевъ въ разсматриваемую эпоху не было еще систематизировано и оно распадается на нѣсколько вѣтвей.

9) Изъ реформаціонной партіи должна быть строго выдѣляема умѣренная партія, требовавшая только нѣкоторыхъ реформъ въ католической церкви и насчитывавшая своихъ членовъ, главнымъ образомъ, въ средѣ магнатовъ и епископовъ.

10) Реформаціонное движеніе въ Польшѣ охватываетъ лишь высшіе слои общества и потому, по справедливости, можетъ быть названо шляхетскимъ.

11) Сила реформаціоннаго движенія въ Польшѣ только кажущаяся, а въ дѣйствительности это движеніе крайне поверхностно и не пускаетъ глубокихъ корней въ обществѣ

12) Борьба реформаціонной партіи съ католическимъ духовенствомъ сосредоточивается, главнымъ образомъ, въ сеймахъ, гдѣ шляхта надѣется добиться разрѣшенія религіознаго вопроса.

13) Фанатизмъ въ протестантскомъ движеніи Польши отсутствуетъ, и во взаимныхъ отношеніяхъ протестантовъ и католиковъ нетерпимости и вражды нѣтъ.

14) Въ моментъ наивысшаго развитія своихъ силъ реформаціонное движеніе не въ состояніи сокрушить католической церкви и только временно парализуетъ ея дѣятельность.

15) Причины быстраго упадка польской реформаціи коренятся въ ней самой: кальвинская церковь не имѣетъ прочной организаціи, духовенство ея лишено всякой самостоятельности, число реформированныхъ церквей относительно невелико, а сверхъ того въ этой церкви появляются секты.

Большая часть этихъ тезисовъ имѣютъ такъ сказать описательный характеръ и только суммируютъ тѣ факты, которые изложены въ сочиненіи. Они носятся по поверхности историческихъ явленій, а въ глубь ихъ не проникаютъ. Болѣе глубокимъ и принципіальнымъ характеромъ по видимому проникнуты тезисы, касающіеся причинъ возникновенія и упадка реформаціи въ Польшѣ, именно два первые и послѣдній. Они и были главнымъ предметомъ бесѣдъ на диспутѣ.

На этомъ вопросѣ и мы позволяемъ себѣ остановиться, тѣмъ болѣе, что рѣшаемся выступить съ особымъ противъ автора мнѣніемъ. Религіозная реформація XVI в. есть явленіе обще-европейское, отразившееся такъ или иначе во всѣхъ странахъ католической Европы,—и въ Германіи, и въ Швейцаріи, и въ Чехіи, и въ Голландіи, и во Франціи, и въ Англіи, и въ Швеціи, и въ Даніи, и въ Италіи, и въ Польшѣ. Но вездѣ это явленіе отразилось по своему, различно, сообразно съ народнымъ характеромъ, историческими условіями и политическими обстоятельствами. Благодарною для историка задачею было-бы прослѣдить развитіе и приложеніе одного и того-же религіознаго принципа въ разнообразной средѣ и при разнообразныхъ условіяхъ. Если когда-либо, то именно при такой работѣ можно ожидать плодотворныхъ результатовъ для уразумѣнія общихъ и основныхъ законовъ исторіи. И мы не можемъ достаточно выразить сожалѣніе о томъ, что Н. Н. Любовичъ, повидимому хорошо знакомый съ общеевропейскою исторіею реформаціи (какъ видно отчасти изъ его прежнихъ работъ: *Маркизъ де-Сентъ-Аль-*

гондъ, и *Общественная роль религіозныхъ движеній*) не воспользовался въ своей диссертаціи сравнительнымъ методомъ.

Мы конечно не возьмемъ на себя выполнить въ нѣсколькихъ строкахъ ту задачу, отъ которой уклонился авторъ въ своей диссертаціи: сдѣлаемъ однако въ короткѣ нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ по *западному*, какъ выражается г. Любовичъ, вопросу относительно быстраго возникновенія и упадка реформаціи въ Польшѣ.

Три фактора, какъ показываетъ исторія западной Европы, производили реформаціонное движеніе: 1) появленіе великихъ религіозныхъ мыслителей, міро-созерцаніе которыхъ шло въ разрѣзъ съ окаменѣлыми преданіями католицизма, каковы: Виклефъ, Гусъ, Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ; 2) дѣятельность государей, которые настойчиво и рѣшительно говорили послѣднее *прости* Риму и полагали основаніе новыхъ отношеній церкви къ государству, сообразно духу реформы, каковы: шведскій король Густавъ Ваза, англійскій король Генрихъ VIII, германскіе государи—покровители Лютера, въ родѣ Фридриха мудраго, курфирста саксонскаго, Іоанна, сына его и др., и наконецъ 3) психическія особенности народовъ, у которыхъ умъ и воля преобладали надъ чувствомъ и фантазіею, которые жаждали болѣе трезваго и искренняго отношенія къ религіи, чѣмъ то, какое давалось католицизмомъ. Какъ богословствующіе умы, указанные государи не имѣли значенія,—въ этомъ отношеніи Лютеръ, съ свойственною ему рѣзкостію, выразился относительно Генриха VIII, короля англійскаго, что *если Господь Богъ захочетъ сотворить дурака, то дѣлаетъ короля богословомъ*,—но, какъ представители исполнительной власти, они могли взять такія мѣропріятія (особенно относительно воспитанія молодаго поколѣнія), которыя дѣлали возвратъ къ католицизму невозможнымъ.

Польша приняла и по своей близости къ западной Европѣ не могла не принять участія въ реформаціонномъ движеніи, но ни того, ни другаго, ни третьяго фактора для успѣховъ реформаціи не было въ Польшѣ. Польша не дала ни одного самостоятельнаго и смѣлаго богослова, который могъ-бы богословской системѣ Рима противопоставить свое цѣльное и систематическое богословское міросозерцаніе. Мелкіе противники целибатства, въ родѣ напримѣръ Оржеховскаго, въ этотъ счетъ не идутъ. Польша не дала, и по своему политическому устройству и не могла дать ни одного государя, который могъ-бы смѣло и рѣшительно разорвать связь съ Римомъ, подобно Генриху англійскому или Густаву шведскому. Наконецъ поляки по своему народному, увлекающемуся и неустойчивому, характеру неспособны были удовлетвориться холоднымъ и сухимъ религіознымъ раціонализмомъ и выдержать само-

дѣльную церковную дисциплину. Для поляковъ нужна была опека Рима, пополнявшаго своею дисциплиною тотъ недостатокъ послѣдовательности, какимъ страдалъ народный характеръ. Поэтому когда повѣтріе протестантизма коснулось и Польши, то въ протестанты уходили не лучшіе люди націи, а большею частію антиномисты худшаго сорта, въ родѣ напримѣръ Станислава Стадницкаго, со go zwano diabłem, wielki burda, a kutemu ewangelik.

На чемъ-же было держаться протестантизму въ Польшѣ, когда онъ былъ явленіемъ наноснымъ, не имѣвшимъ внутри страны ни одной прочной основы?

Конечно сравнительно-историческій методъ, проведенный въ диссертаціи, далъ-бы болѣе цѣнные выводы, чѣмъ тѣ, какіе мы могли обозначить въ бѣглой замѣткѣ, но къ сожалѣнію г. Любовичъ имъ не воспользовался.

Опуская изъ виду главную и единственную причину польской реформаціи, состоявшую въ реформаціонномъ повѣтріи, охватившемъ всю западную Европу и не могшемъ миновать и Польшу, не обративъ должнаго вниманія на эту, такъ сказать, *духовную эпидемію*, законы и условія которой заслуживали-бы болѣе тщательнаго изученія, не воспользовавшись сравнительно-историческимъ методомъ, г. Любовичъ изучаетъ польскую реформацію, явленіе чужеродное, не выходя, такъ сказать, изъ предѣловъ Польши, и начиная *ab ovo*, разбираетъ околичности, побочныя обстоятельства, въ которыхъ думаетъ найти разгадку загадочнаго явленія. «Религіозное чувство, разсуждаетъ г. Любовичъ, играетъ дѣйствительно важную роль въ религіозныхъ движеніяхъ. Не слѣдуетъ однако забывать, что обыкновенно съ религіозно-реформаціоннымъ движеніемъ идетъ неразлучно цѣлый рядъ попытокъ реформировать и политическія, и общественныя, и экономическія отношенія, и притомъ стремленія къ такимъ реформамъ не навѣяны религіозными идеалами реформаціоннаго движенія, а появляются еще задолго до него... Поэтому смыслъ реформаціоннаго движенія какого-либо народа можетъ стать понятнымъ лишь тогда, когда будетъ обращено вниманіе на предшествующія этому движенію измѣненія въ общественно-экономическомъ быту даннаго народа» (стр. 1—2). Постановка дѣла какъ будто новая и въ духѣ современной исторіографіи, мечтающей найти въ экономическихъ отношеніяхъ ключь къ разгадкѣ возможно-большаго числа историческихъ явленій. Но не все то хорошо, что̀ ново, или лучше сказать: все хорошо на своемъ мѣстѣ и всякій методъ требуетъ нормальнаго приложенія.

Книга г. Любовича служитъ доказательствомъ того, что при избранной имъ постановкѣ дѣла можно говорить много и долго, и даже весьма обстоятельно, и все-таки не договориться до разгадки загадочнаго явле-

нія. Можно составить подробнѣйшее описаніе горючихъ матеріаловъ, находящихся въ домѣ, но отсюда отнюдь не будетъ слѣдовать то, что въ домѣ долженъ произойти пожаръ, а еще менѣе то, что пожаръ скоро долженъ угаснуть.

Важнѣйшею и неотъемлемою заслугою г. Любовича остается извлеченіе цѣнныхъ матеріаловъ изъ различныхъ архивовъ; книга его даетъ много новыхъ и любопытныхъ свѣдѣній, методъ-же его изслѣдованія представляется намъ не совсѣмъ удачнымъ. Мы рѣшаемся съ полною откровенностію высказать это, потому что сохраняемъ полное уваженіе къ трудолюбію и дарованіямъ молодаго ученаго, отъ котораго русская наука получила уже цѣнный вкладъ и можетъ ожидать еще бо́льшаго въ будущемъ.

Pokucie. Obraz etnograficzny. Skreślił Oskar Kolberg. Z rycinami podług rysunków T. Rybkowskiego. Kraków. I. 1882 r. II. 1883 r. (Покутье. Этнографическій этюдъ. Сост. Оскаръ Кольбергъ, съ политипажами по рисункамъ Т. Рыбковскаго. Краковъ. I. 1882. II. 1883.).

Такое заглавіе носитъ интересный трудъ замѣчательнаго польскаго этнографа-собирателя Оскара Кольберга, посвященный небольшой галицкой провинціи, населенной отраслью малорусскаго племени. Трудъ Кольберга нельзя назвать этнографическимъ сборникомъ; это дѣйствительно этнографическая картина (obraz) *Покутья*, какъ это удачно сказано въ заглавіи. Составленъ онъ по программѣ знаменитаго его-же изданія: «Lud», посвященнаго этнографіи польскаго народа. Въ 1856 г. Оскаръ Кольбергъ издалъ первый томъ своихъ богатыхъ матеріаловъ подъ заглавіемъ: «Pieśni Ludu Polskiego». Въ этотъ томъ вошло нѣсколько десятковъ пѣсенъ съ множествомъ варіантовъ и музыкой. Такъ какъ варіанты происходили изъ разныхъ этнографическихъ мѣстностей, то для дальнѣйшаго изданія понадобилось имѣть немедленно сколько нибудь полный матеріалъ со всѣхъ важнѣйшихъ этнологическихъ пунктовъ, что разумѣется было немыслимо, а безъ этого каждая сводная пѣсня явилась-бы не полной и не удовлетворяла-бы задачѣ. Кромѣ непреодолимой почти трудности изданія такого систематическаго своднаго сборника, онъ сразу бросался въ глаза своею непрактичностью для научныхъ этнографическихъ работъ. Такъ какъ всѣ большія народности обыкновенно представляютъ серьозныя разновидности по разнымъ мѣстностямъ, то для изученія этихъ разновидностей нѣтъ почти возможности пользоваться такими сборниками. Лучшій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ

сборникъ П. Чубинскаго. Для того, напримѣръ, чтобы прослѣдить особенности, положимъ, лексическаго матеріала Подлясья, изслѣдователю приходится рыться во многихъ объемистыхъ томахъ, смотрѣть подпись подъ каждой пѣсенкой или разсказцемъ и въ концѣ концовъ убѣдиться, что въ этомъ огромномъ сборникѣ изъ Подлясья матеріаловъ очень мало и положительно недостаточно для какой-бы то ни было научной работы. По этой причинѣ г. Кольбергъ сразу, послѣ изданія своего перваго тома, измѣнилъ программу и началъ издавать свой «Lud» по мѣстностямъ. До сихъ поръ онъ издалъ уже 16 серій; послѣдняя, изданная въ прошломъ году, носитъ заглавіе: „Lubelskie. Część I."

Сущность системы г. Кольберга слѣдующая:

Издавая матеріалы, собранные только лично, онъ отправляется въ данную мѣстность, имѣющую опредѣленную этнографическую физіономію, посѣщаетъ ее въ разное время года, наблюдаетъ, изучаетъ и записываетъ. Такая работа продолжается нѣсколько лѣтъ одновременно въ разныхъ мѣстностяхъ, такъ что собиратель переѣзжаетъ по временамъ года изъ одной мѣстности въ другую. Затѣмъ когда мѣстность достаточно изучена и собранъ матеріалъ довольно полный, собиратель издаетъ цѣлый этнографическій обзоръ данной мѣстности, описывая мѣстоположеніе, народъ, его языкъ, обычаи, жилища, и излагая его преданія, пословицы, обряды, вѣрованія, игры, пѣсни, музыку и танцы. Относясь съ любовью и замѣчательнымъ знаніемъ къ своему дѣлу, г. Кольбергъ представляетъ читателю матеріалъ вполнѣ научный. Каждое слово передано фонетически вѣрно, каждая пѣсенка записана съ нотами и безъ искаженій, неизбѣжныхъ у собирателей-диллетантовъ, и каждая замѣтка, каждый матеріалъ имѣетъ точную метрику; такъ что въ каждой серіи вы встрѣтите иногда болѣе десятка варіантовъ одной какой нибудь пѣсни и даже описанія обряда или игры. Кромѣ всего этого матеріалы позднѣйшихъ серій всегда сличены съ предъидущими, такъ что вы по замѣткамъ можете прослѣдить варіанты во всемъ изданіи.

Г. Кольбергъ никогда почти не вдается въ критическое объясненіе матеріала, не дѣлаетъ ни выводовъ, ни объясненій, но всегда даетъ такой полный и разнообразный матеріалъ и излагаетъ его и группируетъ съ такимъ удивительнымъ знаніемъ дѣла, что этотъ сухой, грубый этнографическій матеріалъ представляется читателю одной цѣльной картиной.

Такое-же впечатлѣніе производитъ и «Pokucie», въ которомъ явствуютъ всѣ достоинства системы г. Кольберга и его опытность, достигнутыя почти тридцатилѣтнимъ трудомъ на почвѣ этнографіи.

Районъ, обхватываемый сборникомъ г. Кольберга, не совпадаетъ вполнѣ съ мѣстностью, носящей названіе Покутья. Этотъ терминъ и не

этнографическій и не административный, а унаслѣдованъ отъ времени весьма отдаленнаго, когда онъ имѣлъ нѣкоторое географическое значеніе. Это былъ уголъ (kąt—кутъ), образуемый на южной границѣ б. Рѣчи Посполитой карпатскими горами и Днѣстромъ, безъ точныхъ опредѣленныхъ границъ для сторонъ этого угла. Покутье имѣетъ главнымъ образомъ двѣ этнографическія разновидности: въ горахъ живутъ гуцулы, а сѣвернѣе—подгоряне. Иногда къ Покутью причисляютъ и бойковъ, живущихъ немного сѣверозападнѣе. Трудъ г. Кольберга посвященъ центру Покутья, именно подгорянамъ, живущимъ въ коломыйскомъ и станиславовскомъ округахъ,—нижнему Покутью (Dolne Pokucie).

Приступая къ изслѣдованію мало извѣстной народности, авторъ знакомится какъ съ ней, такъ и съ мѣстностью Покутья, предварительно по работамъ Бѣлевскаго, Киркора, Видмана, Залѣскаго, Паули, Петрушевича, Головацкаго и др., изучая исторію, археологію и этнографическіе матеріалы. Кольбергъ дѣлалъ экскурсіи въ Покутье въ 1870, 1876, 1877 и 1880 г.г. Въ этомъ послѣднемъ году онъ почерпнулъ много свѣдѣній и матеріаловъ на этнографической выставкѣ въ Коломыѣ, продолжавшейся отъ 15 до 30 сентября н. с.

Первый томъ своего очерка г. Кольбергъ начинаетъ бѣглымъ описаніемъ мѣстности, обращая вниманіе какъ на топографію страны, такъ и на историческія событія. Далѣе въ довольно пространномъ очеркѣ даетъ онъ читателю представленіе о самомъ населеніи Покутья, описывая его одежду, пищу, жилище, занятія (хозяйство, возы, сани, трудъ, промыселъ, рыболовство) и даетъ замѣтки относительно особенностей языка. Весь этотъ очеркъ написанъ весьма живо, талантливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ просто и весьма содержательно. На каждомъ шагу масса этнографическихъ характерныхъ подробностей, подмѣченныхъ опытнымъ наблюдателемъ. За одно только мы можемъ винить г. Кольберга, это именно за его замѣтку о языкѣ. Она во-первыхъ слишкомъ бѣгла и кратка (всего 4 неполныхъ странички), а во-вторыхъ не всегда вѣрна. Ошибки въ оцѣнкѣ формъ произошли видимо отъ не совсѣмъ полнаго знакомства автора съ малорусскою рѣчью другихъ мѣстностей. Къ такимъ ошибкамъ надо отнести слѣдующія:

1) Авторъ считаетъ отступленіемъ отъ „общаго языка“ (mowa ogólna) такія формы, какъ «дубевый» вмѣсто «дубовый» и т. п. примѣры, между которыми ставитъ и «*вышневый*», предполагая въ „общемъ» языкѣ вѣроятно: вышновый.

2) Напрасно также г. Кольбергъ считаетъ покутскою особенностью то обстоятельство, что гласная *о* въ односложныхъ словахъ обыкновенно

переходитъ въ *і*, возвращаясь опять къ *о*, когда слово пріобрѣтаетъ, болѣе слоговъ это явленіе въ малорусскомъ языкѣ повсемѣстно.

3) Авторъ замѣчаетъ, что его „остановили нѣкоторыя выраженія не слышанныя имъ въ другихъ мѣстахъ“; къ такимъ онъ совершенно ошибочно относитъ общепринятыя въ малорусской рѣчи выраженія: „того року, сего року“=въ прошломъ настоящемъ году, «сыпъ воду» вмѣсто „лый воду“ и нѣкоторыя другія.

Не смотря на эти погрѣшности, другія его замѣтки довольно цѣнны, хотя онѣ, какъ сдѣланныя бѣгло, и не важны при той фонетической вѣрности, съ какой переданъ текстъ собраннаго имъ матеріала.

Затѣмъ весь первый томъ посвященъ народнымъ обычаямъ, играмъ и обрядамъ. Начиная отъ „Пилиповки“, онъ по порядку народнаго календаря описываетъ обычаи и обряды цѣлаго года, причемъ передаетъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ собранный имъ пѣсенный матеріалъ съ музыкою. Описаніе каждаго обычая, игры или обряда изложено тоже по разнымъ мѣстностямъ въ нѣсколькихъ варіантахъ. Среди богатаго этого отдѣла должны обратить на себя вниманіе этнографа *Субітка*, *Комашня*, (пирушка на Св. Андрея), *Маланка* въ девяти разныхъ варіантахъ, *Рахманьскій великдень*, и друг. Замѣчательно то, что по заявленію Кольберга, обрядъ Купайла на Покутьи совершенно почти исчезъ уже. Онъ это приписываетъ вліянію духовенства и мѣстной полиціи, преслѣдующей обрядъ, вслѣдствіе опасности его отъ костровъ и факеловъ.

Самый цѣнный однако матеріалъ представляютъ обрядовыя пѣсни. Онѣ цѣнны какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Изъ этого матеріала оказывается, что на Покутьѣ обряды сохранили несравненно болѣе древняго элемента, чѣмъ напримѣръ въ нашихъ мѣстностяхъ. Изъ 26 колядъ большинство до-христіанскаго происхожденія; изъ такихъ мы можемъ указать шесть колядъ историческаго содержанія и восемь съ обломками миѳологическихъ представленій и языческаго культа. Изъ историческихъ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе два совершенно отличные варіанта (№ 10 и 19) извѣстной у малороссовъ и поляковъ пѣсни объ осадѣ города (Царьграда, Львова, Кракова и т. п.); оба варіанта представляютъ совершенно новыя особенности. Далѣе есть коляда о борьбѣ съ татарами (№ 8), о вольной дружинѣ, нанимающейся въ услуги доброму пану (№ 12), и оригинальный разсказъ (№ 14) о долгихъ походахъ войска въ безпрестанной борьбѣ съ разными народами; воины наконецъ постарѣли въ лагерѣ и прійдя въ московщину, отказались повиноваться своему вождю и заявили требованіе возврата на родину.—Коляды миѳологическаго содержанія (№№ 9, 11, 13, 15, 20, 22, 24, 25), составляя

варіанты колядъ, записанныхъ въ сборникѣ Головацкаго, мало даютъ новыхъ данныхъ для изслѣдователя. *Щедривокъ* у Кольберга только девять, но и въ этомъ небольшомъ числѣ нашлось два разнородныхъ варіанта (№ 40, 42) старой нравственной пѣсни (извѣстной повсемѣстно у малороссовъ и поляковъ) о томъ, какъ Богъ не простилъ той душѣ, которая отцу-матери «налаяла,—не налаяла, а тильки подумала.“—Къ числу чисто народныхъ христіанскихъ щедривокъ, въ сложеніи которыхъ совершенно не участвовала школа (а ихъ очень немного), надо отнести очень распространенную щедривку (№ 43, 44), записанную у Чубинскаго неправильно въ числѣ колядокъ (№ 62 въ 5 варіантахъ) и разсказывающую, какъ Богородица въ церкви изъ числа разныхъ предлагаемыхъ новорожденному Спасителю именъ (Св. Петра, Св. Миколая и др.) выбрала „Суса Христа“, имя это полюбила и до престолу приступила.—Всѣ колядки и щедривки отличаются замѣчательно длинными причитаніями поздравленій и пожеланій всякихъ благъ слушающему *газдѣ*, *газдынѣ* и ихъ семейству.

Весьма много новаго и интереснаго представляютъ весенныя игры съ пѣснями. Кромѣ записанныхъ игръ у Чубинскаго: *Воробей* (2 вар.), *Огирочки* (5 вар.), *Воротарь*, *Жельманъ* (3 вар.), *Перепилочка* (3 вар.), *Мужъ и Жинка* (3 вар.) и *Костpубъ*, есть еще и слѣдующія женскія игры: *Вербовая дощечка* въ шести вар., *Жукъ* въ шести вар., *Ворота* въ двухъ вар., *Дѣдъ и Баба*, *Рынокъ*, *Дивороювати*, *Журило*, *Крутый рядъ*, *Горщыкъ*, *Сосненька*, *Грушка*, *Сзаты*, *Былце*, *Билоданьчикъ* и 18 разныхъ игръ нарубковъ.

Что касается формы собранныхъ Кольбергомъ пѣсенъ, то я долженъ замѣтить слѣдующее. Въ малорусскихъ сборникахъ, напримѣръ у Чубинскаго, классификація пѣсенъ очень часто невѣрна; коляды и щедривки въ особенности перемѣшаны, вслѣдствіе чего въ пѣсняхъ, гдѣ содержаніе не даетъ указанія на праздники, соотвѣтствующіе этимъ родамъ пѣсни, весьма легко попасть въ ошибку и принять щедривку за коляду и наоборотъ. Я принялъ за ключъ къ классификаціи щедривокъ и колядокъ ихъ куплетныя формы, но не былъ въ немъ увѣренъ. По просмотрѣ сборника Кольберга, всякое сомнѣніе исчезаетъ. Оказывается, что всѣ его коляды безъ исключенія имѣютъ форму $^2(5+5)$, а щедривки $^2(4+4)$. Всѣ мелодіи какъ колядокъ, такъ и щедривокъ вполнѣ типичны и замѣчательно различаются между собою.

Окончивъ годичные обычаи и обряды, г. Кольбергъ описываетъ обычаи и обряды случайные: родины, крестины, похороны и свадьбу. При описаніи похоронъ въ нѣсколькихъ варіантахъ онъ даетъ 7 пѣсенъ—*похоронныхъ плачей*. Но главную роль въ этомъ отдѣлѣ играетъ

свадьба. Она описана имъ въ девяти разныхъ мѣстахъ съ массою пѣсенъ. Свадебныя мелодіи представляютъ серіозный интересъ; онѣ значительно отличаются отъ мелодій нашей мѣстности и отъ записанныхъ г. Лысенко (Сбор. Чубинскаго IV) въ Борисполѣ.

Говоря вообще о значеніи перваго тома «Покутья», какъ цѣннаго вклада въ науку, я не малую долю этой цѣнности долженъ отнести на счетъ его музыкальной части. До сихъ поръ мы имѣемъ очень много работъ по бытовой и исторической малорусской музыкѣ (Едличко, Кошпинскій, Лысенко), но обрядная музыка оставалась въ забытьѣ; въ настоящее-же время мы имѣемъ у Кольберга болѣе 300 самыхъ разнообразныхъ обрядныхъ пѣсенъ съ музыкой, записанныхъ этнографомъ спеціалистомъ.

Ц. Нейманъ.

Cet czy licho? (Powieść historyczna z końca XVII wieku) przez J. Kraszewskiego. Warszawa. 1884. T. 1. 2. (*Четъ, или не четъ? Историческая повѣсть конца XVII в. І. Крашевскаго. Варшава. 1884 г. Т. 1 и 2*).

Въ текущемъ году вышелъ въ свѣтъ новый романъ маститаго польскаго писателя Крашевскаго, заглавіе котораго выписано выше. Онъ былъ написанъ, какъ обозначено въ концѣ втораго тома, въ Дрезденѣ въ 1882 г., вѣроятно, къ двухсотлѣтнему юбилею Собѣсскаго, праздновавшемуся въ прошломъ году.

Нѣтъ надобности говорить о многочисленныхъ достоинствахъ этого новаго произведенія Крашевскаго: легкости стиля, прелести описаній, живомъ воспроизведеніи былого; такія достоинства присущи всегда произведеніямъ этого знаменитаго беллетриста и извѣстны каждому. Названная повѣсть относится ко времени похода Яна Собѣсскаго для освобожденія Вѣны отъ осады турокъ и вообще къ эпохѣ войнъ этого короля 1674—1696 г. Сюжетъ повѣсти—дуэль двухъ шляхтичей королевской свиты изъ-за фрейлины королевы, разстроенная предложеніемъ этой послѣдней, чтобы соперники тянули жребій, съ тѣмъ, что кто вытянетъ *нечетъ* (отсюда и названіе повѣсти), тотъ долженъ искать смерти въ походѣ противъ турокъ. Читателей нашихъ эта повѣсть можетъ интересовать живымъ описаніемъ неудавшагося жванецкаго похода, предпринятаго королемъ Яномъ Собѣсскимъ для освобожденія Каменца-Подольскаго отъ власти турокъ, и изложеніемъ причинъ этой неудачи. Каменецъ уступленъ былъ туркамъ по журавенскому договору (17 окт. 1676 г.). Уноен-

ный своими побѣдами подъ стѣнами Вѣны, при Парканахъ и Острыгамѣ, Собѣсскій на возвратномъ пути рѣшился отнять у турокъ уступленныя имъ прежде Рѣчью Посполитою крѣпости. Вполнѣ увѣренный въ успѣхѣ своего намѣренія, онъ пригласилъ жену со всѣмъ ея дворомъ и иностранныхъ пословъ сопутствовать его войскамъ.

24-го августа 1684 г. взгорья, окружающія Язловецъ, небольшое старое укрѣпленіе въ нынѣшней Галиціи, были покрыты польскими войсками. На одномъ изъ холмовъ, напротивъ укрѣпленія, до котораго не достигали непріятельскіе снаряды, были разставлены большія красныя палатки, съ золочеными шариками на верхушкахъ, для короля, королевы и двора. Около палатокъ кишѣла жизнь, бѣгали слуги, въ большей палаткѣ разставлялись обѣденные столы.

Во время самаго обѣда началось бомбардированіе укрѣпленія. Вскорѣ горстка турокъ, находившаяся въ укрѣпленіи, просила о пощадѣ и самъ король выѣхахъ принять сдававшихся, чтобы привести ихъ къ ногамъ королевы. Четыре дня дворъ пробылъ подъ Язловцемъ, между тѣмъ войска потянулись къ Каменцу и Жванцу. Собѣсскій расчитывалъ взять Каменецъ голодомъ; но исполненію его стратегическаго плана мѣшало отсутствіе согласія между нимъ и гетманами. Слава Собѣсскаго возбуждала зависть—требовали, чтобы всѣ его соображенія были предварительно предлагаемы на усмотрѣніе военнаго совѣта, дѣлали затрудненія при ихъ исполненіи, добивались независимости въ дѣйствіяхъ. Хотя эти противодѣйствія причиняли большую непріятность Собѣсскому, но онъ молчалъ и держалъ себя вѣжливо по отношенію къ своимъ тайнымъ врагамъ, чтобы ихъ не раздражать. Король подъ Жванцемъ простоялъ безуспѣшно нѣсколько недѣль, не будучи въ состояніи построить мостъ черезъ Днѣстръ; гетманъ польный и кастелянъ краковскій стояли между тѣмъ подъ Каменцомъ, ожидая короля. Изъ-подъ Жванца король, опечаленный неудачей, отправился назадъ и, завернувши въ Каменцу, со слезами на глазахъ посмотрѣлъ на крѣпость, которою онъ не могъ овладѣть изъ-за зависти гетмановъ. Татары начали было преслѣдовать отступавшее войско, король настаивалъ напасть на нихъ; блестящая побѣда ускользала изъ рукъ славнаго побѣдителя хотинскаго и освободителя Вѣны; съ горечью взывалъ онъ къ гетманамъ Яблоновскому и Потоцкому: „берите на себя главное начальство; не для себя хочу я побѣды, но для Польши. Идите, припишите себѣ побѣду, но не дайте ускользнуть татарамъ“. Гетманы ссылались на то, что безъ военнаго совѣта они не рѣшаются нападать на непріятеля; татары возвратились между тѣмъ назадъ. Когда Собѣсскому донесли объ этомъ, онъ бросилъ о земь свой бунчукъ и воскликнулъ: „для чего онъ стоитъ? Развѣ я началь-

никъ? Ни въ одинъ походъ не пойду уже болѣе, во мнѣ не нуждаются. Пусть другіе добываютъ славы, я пресыщенъ ею до горечи".

Тѣмъ кончился походъ подъ Жванецъ, гдѣ когда-то Хмельницкій разбилъ на голову польскія войска. Теперь съ королемъ во главѣ, они потянули ко Львову: гетманы лишили короля новой славы и сами не прославились, а русскія области остались во власти турокъ.

S.

Споминки при жите и дѣяльность Володимира Барвіньского. Львовъ. 1884 г.

Эта небольшая книжка о безвременно умершемъ галицкомъ патріотѣ издана львовскимъ товариществомъ „Просвѣта" къ недавно исполнившейся годовщинѣ смерти Вл. Барвинского. Обстоятельно составленная на основаніи признаній покойнаго, его статей и писемъ къ близкимъ людямъ, эта характеристика рисуетъ симпатичную личность Барвинскаго во всей ея идеальной чистотѣ. Его высокая любовь къ родинѣ, политическій умъ и тактъ, засвидѣтельствованные кратковременной его жизнью, выступаютъ ярко въ этой интимной, душевной его исторіи и показываютъ всю великость утраты, понесенной галицкой Русью въ его лицѣ.

Барвинскій принадлежалъ къ числу выдающихся публицистовъ и дѣятелей народныхъ въ Галиціи, и въ общественной жизни этой страны за послѣднее время не было, кажется, ни одного свѣтлаго явленія, ни одного шага, которые не связаны были-бы съ именемъ Барвинскаго. Его починъ, его высокій патріотизмъ всюду вносятъ свѣтъ народнаго самосознанія. Періодическая печать, честно служащая народу, много обязана его почину и примѣру. Издательскія и ученыя общества, и между ними прежде всѣхъ многополезная „Просвѣта",—его созданіе. Организаторъ перваго народнаго вѣча, горячій защитникъ народныхъ правъ—онъ собиралъ къ одной работѣ народныя силы. Задачею этой работы онъ ставилъ самостоятельное развитіе своего народа на началахъ широкаго европейскаго просвѣщенія.

„Единеніе всѣхъ силъ русинской интеллигенціи и сближеніе ихъ съ народомъ Барвинскій, по словамъ его біографа, считалъ конечнымъ условіемъ успѣха дѣла возрожденія галицкаго народа. Онъ съумѣлъ стать выше ежедневныхъ домашнихъ споровъ братьевъ между собою, сдѣлался рѣшительнымъ противникомъ всего, что можетъ дѣлить русиновъ въ ихъ работѣ для добра народа. Онъ былъ великимъ противни-

комъ всякаго пустомельства и всякой крикливой демонстратійности. Какъ неумолимо возставалъ онъ противъ всѣхъ посягательствъ на народныя права Руси, на честь и достояніе народное, такъ равно съ горячимъ жаромъ указывалъ русинамъ на ихъ грѣхи.

„Наша собственная исторія и исторія другихъ народовъ, говорилъ онъ, научила насъ, что „высокая политика“ безъ опоры въ реальной, живой силѣ — не ведетъ народа къ счастью, къ цѣли его задушевныхъ стремленій. Политическія перемѣны приносятъ выгоды только народамъ, имѣющимъ эту силу. Такая сила, по его мнѣнію, въ массахъ простонародья, въ тѣхъ селянахъ и мелкихъ мѣщанахъ, что, не взирая на столѣтія невзгодъ, сберегли свою русскую народность, а въ настоящее время, при условіяхъ просвѣщенія и самопознанія, должны стать тѣмъ народнымъ устоемъ, той скалой, о которую разобьется всякій вражескій валъ“...

Слабый тѣломъ, болѣзненный, Барвинскій былъ неутомимымъ работникомъ. Принужденный добывать хлѣбъ адвокатурой, онъ посвящалъ все остающееся время научной и литературной работѣ. Имъ написана масса популярныхъ книжекъ для народнаго чтенія, изданныхъ „Просвѣтой“. Со времени первыхъ литературныхъ опытовъ въ „Зорѣ“ и до послѣдняго дня жизни, онъ не покидалъ пера публициста. Лучшій галицкій журналъ „Правда“ пять лѣтъ выходилъ подъ его редакціей. Имъ-же основана и поставлена на ноги самая серьезная и честная русинская газета „Дѣло“. „Я адвокатъ, юристъ, литераторъ, пишетъ онъ брату своему въ 1876 г. Десять рукъ и десять головъ не были-бы для меня лишними. Обростаю бумагой, дѣлаюсь чернильной ньявкой, вотъ ужъ другой мѣсяцъ, какъ я ни разу не прогуливался. А дѣлаю развѣ только десятую часть того, что хотѣлъ-бы сдѣлать“. Какъ публицистъ, онъ отличался жаромъ, силою убѣжденія и честностью, предъ которой преклонялись даже его враги. Публицистикѣ отдалъ онъ наиболѣе времени и силъ, хотя личныя склонности влекли его, быть можетъ, къ болѣе спокойной, чисто научной и литературной работѣ. Въ немъ жилъ поэтъ съ отзывчивымъ и чуткимъ сердцемъ. Нѣсколько приводимыхъ въ біографіи его стихотвореній задушевны и милы. Повѣсти его отличаются несомнѣннымъ дарованьемъ. Лучшая изъ нихъ — „Скошенный цвѣтокъ“. Названіе это оказалось пророческимъ для автора, умершаго въ тридцать три года, въ лучшую пору своей дѣятельности.

Всегда недовѣрчивый къ медицинѣ, Барвинскій только въ виду полнаго упадка здоровья, рѣшился отправиться въ Карльсбадъ и въ одномъ изъ писемъ какъ-бы оправдывается за эту заботу о себѣ: «Мнѣ не жаль себя самого, не пѣлъ я, поднимаясь вверхъ, не буду пѣть, спускаясь

внизъ. Не баловала судьба меня съ юности, не будетъ баловать и теперь. Къ тому-жь, вы знаете, я никогда не дорожилъ ни своей личностью, ни своей жизнью. Но хотѣлось-бы мнѣ простымъ воиномъ удержаться на посту въ эти тяжкіе часы нашей народной жизни и по мѣрѣ силъ и средствъ отдать свой трудъ народному дѣлу". Судьба судила иначе: поправившись въ Карльсбадѣ, по возвращеніи въ Львовъ, Барвинскій схватилъ смертельную простуду и 22 января 1883 года его не стало.

Открытая уже подписка на памятникъ Барвинскому засвидѣтельствуетъ скоро общественное признаніе его плодотворной дѣятельности и его политическихъ заслугъ; но память о его самоотверженіи, безкорыстіи и великой любви къ родинѣ свято чтится и теперь лучшею частію галицко-русскаго общества, какъ показываетъ разсмотрѣнная нами брошюра.

Достоинъ уваженія народъ, который такъ чествуетъ своихъ скромныхъ, но горячихъ и самоотверженныхъ дѣятелей, достойно почтенія то «Общество», которое напоминаетъ народу объ одномъ изъ такихъ дѣятелей.

В. Г—ко.

Къ новоселью городской публичной библіотеки въ Одессѣ (1829—1883 г.). Одесса. 1883 г.

Въ этой брошюрѣ директоръ одесской публичной библіотеки, В. А. Яковлевъ сообщаетъ интересныя данныя о завѣдуемомъ имъ книгохранилищѣ, а также о другихъ общественныхъ библіотекахъ Новороссійскаго края.

Одесская библіотека самая большая изъ провинціальныхъ публичныхъ библіотекъ и въ Новороссіи занимаетъ, конечно, первое мѣсто. Въ ней числится теперь 40 тысячъ томовъ. Первое основаніе ея заложено изъ суммъ, собранныхъ изданіемъ „Одесскаго Вѣстника" въ 20-хъ годахъ. Къ основному фонду присоединились частныя пожертвованія. Справившая недавно свое пятидесятилѣтіе, библіотека съ 1829 г. прерывала свою дѣятельность только во время севастопольской осады, когда книги ея были скрыты въ подвалахъ.

Какъ всѣ библіотеки, получавшія частныя пожертвованія, и одесская не можетъ похвалиться полнотой и стройностью отдѣловъ. На путь строгаго ученаго книгохранилища она направляется все болѣе и болѣе теперь. Главное богатство библіотеки заключается нынѣ въ русскихъ журналахъ, какъ общаго, такъ и спеціальнаго содержанія. Изъ научныхъ отдѣловъ полнѣе другихъ отдѣлы правовѣдѣнія, экономическихъ наукъ, географіи и исторіи. Число читателей, постепенно возрастая, въ 1867

году дошло до 15 тысячъ. Вслѣдствіе запрещенія воспитанникамъ среднихъ учебныхъ заведеній посѣщать библіотеку, въ слѣдующемъ году оно упало на половину. Нынѣ цифра читателей превосходитъ 31 тысячу. Впрочемъ число требованій относится преимущественно къ словесности и журналамъ и во главѣ ихъ къ петербургскому „Дѣлу“. Спеціально мѣстный отдѣлъ Novorossica еще не окончательно сформированъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такой отдѣлъ, посвященный краю, для умственныхъ потребностей котораго существуетъ библіотека, могъ-бы имѣть особенное значеніе.

Библіотека, существующая въ Николаевѣ, такъ называемая морская офицерская, старѣйшая въ краѣ. Она существуетъ съ 1821 г. Перевезенная въ началѣ осады Севастополя въ Николаевъ, она тамъ окончательно устроила свое существованіе. Въ 1879 г. въ ней числилось до 30 тысячъ томовъ. Изъ остальныхъ одинадцати общественныхъ библіотекъ Новороссіи почти всѣ основаны на пожертвованія частныхъ лицъ. Больше другихъ кишиневская, въ 1879 году заключавшая до 10 тысячъ томовъ. Керченская библіотека поддерживается взносами солепромышленниковъ, жертвующихъ ня библіотеку 15 коп. съ каждой тысячи пудовъ соли, отправляемой чрезъ Керченскій проливъ. Существуютъ еще общественныя библіотеки въ Екатеринославѣ, Севастополѣ, Елисаветградѣ, Тирасполѣ (съ безплатнымъ пользованіемъ книгъ), Павлоградѣ, Бобринцѣ, Хотинѣ, Симферополѣ и Херсонѣ.

Частныхъ библіотекъ и кабинетовъ для чтенія, по офиціальнымъ даннымъ, къ началу 1880 г. въ Новороссійскомъ краѣ было 43 (въ херсонской губерніи—17, въ екатеринославской—11, въ таврической—8, въ Бессарабской—7). Одна изъ этихъ библіотекъ находится въ селѣ Гуляйполѣ александровскаго уѣзда. Но есть и города, какъ напримѣръ Аккерманъ, не имѣющіе никакой библіотеки, ни общественной, ни частной. Въ этой статистикѣ не приняты, конечно, въ счетъ библіотеки, принадлежащія разнымъ учрежденіямъ и корпораціямъ.

Изъ тринадцати общественныхъ библіотекъ, приходящихся на четыре огромныхъ губерніи, только три довольно значительны. Цифра весьма скромная, показывающая, какъ намъ далеко до сознанія, что „общественныя книги нужны также для общаго блага, какъ общественные фонари“. Такъ выражаются грубые янки, у которыхъ общественныя библіотеки существуютъ въ каждомъ городкѣ. Въ Англіи библіотечный налогъ поставилъ удовлетвореніе умственныхъ потребностей на равнѣ съ удовлетвореніемъ потребностей религіозно-нравственныхъ, физическихъ и санитарныхъ. Скоро-ли додумаются до чего-нибудь подобнаго наши городскія управленія? Правда и то, что многія изъ нихъ на этотъ упрекъ могутъ отвѣчать почти такъ, какъ отвѣчаетъ у Виктора Гюго блузникъ, сжегшій парижскую библіотеку: „je ne sais pas lire!“...

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

КЪ ИСТОРІИ СЛОБОДСКО-УКРАИНСКАГО ЧУМАЧЕСТВА.

Въ старинное время, въ XVIII и въ первой половинѣ текущаго столѣтія, въ Слободской Украинѣ было весьма развито чумачество. Въ существенныхъ своихъ чертахъ слободско-украинское чумачество не отличалось отъ чумачества другихъ малорусскихъ мѣстностей, напримѣръ, отъ чумачества полтавскаго. Путь слободско-украинскихъ чумаковъ былъ такъ-же далекъ и труденъ, также безлюденъ и таинственъ, какъ и путь чумаковъ полтавскихъ или черниговскихъ. И слободско-украинскіе чумаки держали путь въ далекую, полусказочную Черноморію и въ Донщину, забирали на Дону рыбу, въ Крыму соль и развозили ихъ по украинскимъ градамъ и весямъ. Сельскіе старики нынѣ съ удовольствіемъ вспоминаютъ о томъ времени, когда они большую часть года странствовали по украинскимъ полямъ и по донскимъ степямъ, съ своими рослыми круторогими волами, на своихъ вмѣстительныхъ возахъ—паровицахъ. Для чумаковавшихъ вспомнить о былomъ чумачествѣ значитъ вспомнить о жизни, правда, трудовой, но за то широкой и вольной. Не чумаковавшіе крестьяне съ словомъ чумачество соединяютъ нынѣ представленіе о прошедшемъ безвозвратно золотомъ вѣкѣ рыбной торговли, когда рыба на ярмаркахъ и базарахъ продавалась дешево, и рыба то была сочная, вкусная.

Въ ахтырскомъ уѣздѣ харьковской губерніи чумачество процвѣтало преимущественно въ Боромлѣ и въ Котельвѣ. Въ Боромлѣ,

по наведеннымъ мною справкамъ, въ настоящее время живетъ довольно много стариковъ, занимавшихся нѣкогда чумацкимъ промысломъ: Лозовой, Гудымъ, Новгородскій, Трипольскій, Сичкарь, Пятакъ, Скачко и друг. Одни, какъ Ѳедоръ Лозовой, перестали чумаковать въ началѣ пятидесятыхъ годовъ; другіе, какъ Петръ Сичкарь, дотянули до времени построенія южно-русскихъ желѣзныхъ дорогъ въ 60 годахъ. Одни чумаковали въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, причемъ ежегодно ходили въ дорогу. Другіе чумаковали незначительное число лѣтъ и чумаковали, когда случится, иногда пропускали годъ, рѣдко два года. Почти всегда чумаки шли въ путь на волахъ, но были случаи въ новѣйшее время, съ обѣднѣніемъ крестьянства, что ходили на югъ Россіи и съ одними конными подводами. Изъ Боромлянскихъ крестьянъ въ 30 и 40-хъ годахъ наиболѣе богатыми по числу ходившихъ въ степи воловъ были Лозовой и Гудымъ. Боромлянскіе чумаки покупали воловъ въ полтавской губерніи, причемъ платили за пару обыкновенно 220 руб. ассиг. Возы изготовлялись на мѣстѣ, за исключеніемъ колесъ, которыя были покупаемы въ имѣніи Шереметева Пушкарнѣ, приблизительно въ 40 верстахъ отъ Боромли, по 8—10 руб. ассиг. за двѣ пары колесъ. Въ большую дорогу клали на возъ около 50 пудовъ; соли клали до 60 и 65 пудовъ. Изъ съѣстныхъ припасовъ чумаки брали съ собою въ дорогу въ Крымъ или на Донъ на оба конца по мѣркѣ пшена, по $2^1/_2$ пуда сухарей, по $1^1/_2$ пуда печенаго хлѣба, по 20 фунтовъ гречневой и пшеничной муки на галушки и по десяти фунтовъ сала на одного человѣка. Лѣкарствъ не брали. Брали съ собой въ дорогу лишь синій камень для лѣченія скота. Въ путь-дорогу отправлялось нѣсколько хозяевъ, по предварительному взаимному уговору. Общее число паровицъ доходило иногда до 40. Рано утромъ чумаки собирались за цариной, молились и трогались затѣмъ въ путь. Съ хозяевами шли наймиты, по одному человѣку на четыре пары воловъ. Въ наймиты къ чумакамъ шли парубки изъ семействъ зажиточныхъ, хорошихъ. Срокъ найма начинался Свѣтлымъ Христовыхъ Воскресеніемъ и кончался зимнимъ Николаемъ, и за все это время наймитъ получалъ отъ хозяина рублей 8 или 10 серебр. Чумацкая валка не выбирала ни атамана, ни кашевара. Слушались того, кто уже хаживалъ въ дорогу и зналъ чумацкіе тракты и чумацкіе звычаи и обычаи. Пищу

варили и воловъ въ ночное время стерегли по-очередно. Время выхода опредѣлялось тѣмъ, куда направлялась валка; въ Москву выходили изъ Боромли на Ѳоминой недѣли; на Донъ выступали за недѣлю передъ Вознесеніемъ. Боромльскіе чумаки хаживали въ Москву, Нижній-Новгородъ, Перекопъ, Севастополь, Маріуполь, Бердянскъ, Таганрогъ и Ростовъ на Дону. Шли большею частью полями да степями, гдѣ попросторнѣй и попривольнѣй. Чумацкій трактъ на Одессу шелъ черезъ Екатеринославъ и Вознесенскъ; въ Крымъ—чрезъ Коломакъ, Карловку, Кочержки, Карабиновку, Михайловку, Тимошовку, Сырогозы и Перекопъ; на Донъ—черезъ Коломакъ, Берестянку, Корніевку, Гришино, Родивку и степью до Ростова. Въ Одессу возили разный товаръ, преимущественно „крейду, крупу, олію“, а привозили въ Украйну орѣхи, деревянное масло и другіе продукты южныхъ странъ, которые находили сбытъ на украинскихъ ярмаркахъ. Въ Крымъ возили исключительно овесъ. Сичкарь весьма хвалитъ крымскихъ татаръ за честность. Съ выселеніемъ татаръ въ Турцію, новые поселенцы русскіе иногда воровали у чумаковъ воловъ, преимущественно во время крымской войны. Въ Крыму чумаки брали соль на Красномъ озерѣ и сбывали ее исключительно въ Боромлѣ. Здѣсь спросъ на соль оказывался выше предложенія. Въ Донщину изъ Боромли везли разныя деревянныя издѣлія, по малорусскому выраженію „деревню“, т. е. оси, колеса, вила и т. п. Съ Дону привозили исключительно рыбу, которую продавали въ разныхъ мѣстахъ харьковщины и черниговщины. На югъ боромлянскіе чумаки ходили гораздо охотнѣе, чѣмъ на сѣверъ, по сравнительной близости разстоянія и дешевизнѣ проѣзда по малонаселеннымъ степямъ. На сѣверѣ Москва, на сѣверо-востокѣ Нижній-Новгородъ были крайними пунктами, куда заходилъ боромлянскій чумакъ. Въ Москву возили преимущественно грушевыя деревья для тамошнихъ мануфактурныхъ фабрикъ; въ Нижній Новгородъ на макарьевскую ярмарку возили сахаръ и грушину. Въ Одессу изъ Боромли шли шесть недѣль, въ Одессѣ проживали недѣлю и обратно домой шли также 6 недѣль. Въ Крымъ шли четыре недѣли, отъ 2 до 10 дней проживали въ Крыму и затѣмъ 4 недѣли находились на обратномъ пути. Хожденіе на Донъ занимало столько-же времени, что и ходка въ Крымъ. Въ теченіи лѣта и осени чумаки дѣлали двѣ ходки на югъ, т. е. 4 конца. Дорож-

ніе расходы чумаки были незначительны. Платили нѣсколько копѣекъ за переѣздъ черезъ мостъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мосты находились въ рукахъ евреевъ, которые обязывали чумаковъ покупать за право проѣзда по квартѣ водки на каждый десятокъ возовъ. За одновременный попасъ обыкновенно платили 2 копѣйки съ пары воловъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ болѣе, напримѣръ, подъ Карловкой во владѣніи графини Разумовской, впослѣдствіи принадлежавшемъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, платили по 10 коп., подъ Одессой по 25 коп. Были для чумаковъ благодатныя мѣстности, напримѣръ, обширныя владѣнія Иловайскихъ на донскомъ чумацкомъ трактѣ, гдѣ чумаки шли очень долго и ничего не платили за пастьбу скота. За водопой платили лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и платили самую малость. Дорогою въ Крымъ или въ Донщину боромлянскій чумакъ въ сороковыхъ годахъ издерживалъ всего одинъ рубль на разные расходы: мостовое, попасъ, попой, деготь и т. п. По дорогѣ въ Одессу и въ Москву расходы увеличивались. Чистая прибыль отъ чумацкаго промысла была довольно значительна. Такъ, за вяленую рыбу на Дону платили за тысячу (на возъ клали 5 тысячъ) рублей 14 ассигнаціями, за сырую (клали на возъ $2^1/_2$ тысячи) 22 рубля ассигнаціями; первую продавали въ Малороссіи по 30 или 40 рублей, вторую по 40—50 рублей (около 14 рублей серебромъ). За соль на мѣстѣ ея добыванія платили 94 копѣйки ассигнаціями (28 серебромъ) за пудъ, а продавали около 1 рубля серебромъ. Доставка грушины въ Москву давала чумаку по меньшей мѣрѣ 40 рублей заработка, а въ случаѣ обратной доставки московскаго купеческаго товара, напримѣръ въ Ромны на ярмарку, заработокъ чумака превышалъ сотню рублей.

Валка оберегала личность и имущество чумака; чумаки были соединены узами товарищества. Однажды какой-то панъ просилъ въ Москвѣ Сичкаря продать ему возъ и пару воловъ, и Сичкарь согласился; но товарищи чумаки не позволили ему продать воловъ. Въ другой разъ на ночлегѣ было украдено два вола у Перекрестова, имѣвшаго въ валкѣ 12 паровицъ при паймитахъ. Члены валки, по возвращеніи въ Боромлю, сложились по два рубля съ воза и уплатили Перекрестову деньги за пропавшихъ воловъ.

Странствованіе по степямъ развивало въ чумакахъ поэтическое творчество и содѣйствовало возникновенію фантастическихъ разсказовъ. Люди впечатлительные, расположенные къ вѣрѣ въ чудесное, чуяли въ новороссійскихъ пустыняхъ присутствіе высшихъ, таинственныхъ существъ. Старикъ чумакъ нынѣ охотно разсказываетъ современной маловѣрной молодежи, какія чудные звуки слышались ему въ новороссійскихъ степяхъ и какіе странные образы являлись иногда передъ его очами. Такъ одинъ добродушный старикъ совершенно серьезно, съ примѣсью увлекательной таинственности, разсказывалъ намъ, какъ однажды, когда онъ шелъ въ Крымъ, въ вечернее время изъ степнаго озерка вынырнули два древнихъ водяныхъ дѣда и, не выдержавъ людскаго взгляда, снова погрузились въ прохладную озерную глубь.

Боромлянскіе чумаки люди зажиточные и разсудительные. Какъ люди бывалые, многое видѣвшіе и многое испытавшіе, они пользуются среди односельцевъ уваженіемъ. И дѣйствительно, чумаки „багато бачили, багато знають". Торговыя занятія сталкивали ихъ съ людьми разныхъ сословій, состояній и національностей и приводили ихъ въ разные города. Чумачество познакомило ихъ съ старинными запорожскими шляхами, съ безкрайными новороссійскими степями. Суровая, полная тревоги и труда жизнь чумака придала очертаніямъ его лица силу и мужественность, закалила его характеръ относительно настойчивости, внесла въ его міросозерцаніе элементы независимости и практичности, не исключающія природной малороссу мягкости и поэтичности. И въ смыслѣ нравственномъ, и въ смыслѣ общественномъ вымирающій украинскій торговецъ—чумакъ, сколько можно судить по боромлянскимъ могиканамъ чумачества, не имѣетъ ничего общаго съ нарождающимся новымъ торговцемъ деруновскаго и разуваевскаго типа. Имя чумака сходитъ со сцены дѣйствительной жизни и переходитъ въ исторію и преданіе чистымъ, безъ укора, безъ темныхъ пятенъ. Чумакъ не отдѣляется въ духовно-нравственномъ отношеніи отъ своихъ односельцевъ, жилъ съ ними одною жизнью, помогалъ имъ въ нуждѣ изъ своего честно и трудолюбиво накопленнаго достатка, напримѣръ, выручалъ односельца и земляка изъ бѣды въ тяжелую годину неурожайнаго года, въ случаѣ истребительнаго пожара, въ случаѣ несвоевременной уплаты податей.

И въ Боромлѣ, и повсемѣстно въ Малороссіи, чумачество изчезло, по объясненію самихъ крестьянъ, въ слѣдствіе увеличенія акциза на соль и въ особенности въ слѣдствіе проведенія желѣзныхъ дорогъ. Въ Боромлѣ въ настоящее время преемниками чумаковъ являются „хурщики“, т. е. извощики, которые имѣютъ дѣло исключительно съ ближайшими къ Боромлѣ сахарными заводами и съ отстоящей въ пяти верстахъ отъ Боромли желѣзнодорожней станціей, куда возятъ муку, каменный уголь и проч. т. п.

Н. Сумцовъ.

ИЗЪ ШКОЛЬНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ О КІЕВѢ.

Въ февральской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1883 годъ помѣщена замѣтка „Двѣ Ревизіи“ (Немировская гимназія въ концѣ 40-хъ годовъ), въ которой авторъ говоритъ о двухъ лицахъ, занимавшихъ въ то время видное положеніе въ управленіи кіевскимъ учебнымъ округомъ и которыхъ онъ представилъ въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Лица эти, которыхъ авторъ называетъ только ревизорами, а имена и фамиліи ихъ обозначилъ начальными буквами, были: инспекторъ казенныхъ училищъ, Матвѣй Матвѣевичъ Могилянскій и попечитель кіевскаго учебнаго округа, генералъ-маіоръ Траскинъ. Оба они покойники и не могутъ отвѣтить за себя,—тѣмъ болѣе мы, говоря объ нихъ, должны соблюдать справедливость и безпристрастіе.

Не имѣю намѣренія вступать съ авторомъ „Двухъ ревизій“ въ полемику по поводу его рѣзкаго отзыва о названныхъ лицахъ, составленнаго, какъ кажется, болѣе по слухамъ и тому мимолетному впечатлѣнію, какое они произвели на него во время ревизіи немировской гимназіи,—впечатлѣнія бываютъ различны и зависятъ отъ многоразличныхъ причинъ,—но хочу передать мои воспоминанія о тѣхъ-же лицахъ, а мимоходомъ и вообще о кіевскихъ гимназія того времени, порядкахъ и условіяхъ тогдашняго воспитанія, которыя были далеко не одинаковы и зависѣли отъ личныхъ качествъ воспитателей.

Начну съ Могилянскаго, которому авторъ замѣтки ставитъ, по видимому, въ вину даже его заграничное образованіе.

Извѣстно, что еще ранѣе 40-хъ годовъ все, что было лучшаго въ Россіи, стремилось за границу для своего образованія. Извѣстно также и то, что достичь этого въ ту эпоху было не такъ-то легко. Родители Матвѣя Матвѣевича были люди образованные и состоятельные; они жили въ Кіевѣ, пользовались общимъ уваженіемъ тогдашняго кіевскаго общества, имѣли собственный домъ въ Липкахъ, противъ нынѣшняго дома гражданскаго губернатора. Благодаря ихъ свѣтлому взгляду и особенной протекціи, Матвѣй Матвѣевичъ получилъ образованіе въ заграничномъ университетѣ; но какъ заграничный дипломъ не давалъ ему правъ по образованію въ предѣлахъ Россіи, то впослѣдствіи онъ сдалъ экзаменъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ.

Въ 1843 г. Матвѣй Матвѣевичъ не былъ еще инспекторомъ казенныхъ училищъ, какъ говоритъ авторъ „Двухъ ревизій“, но и не „слонялся по типографіямъ“, какъ увѣряетъ онъ-же, а былъ инспекторомъ 2-го благороднаго пансіона кіевской 1-й гимназіи. Такъ какъ мнѣ приходилось видѣть его тогда ежедневно (я воспитывался въ 1-мъ пансіонѣ 1-й гимназіи), то могу сказать положительно, что „румянъ и бѣлилъ, шнуровки и черненья волосъ“ Матвѣй Матвѣевичъ не употреблялъ,—это не ускользнуло-бы отъ нашего школьнаго любопытства и вниманія. Жилъ онъ, правда, и въ то время шикарно, имѣлъ прекрасныхъ лошадей, экипажъ и обладая всѣми условіями изящнаго и образованнаго человѣка, вращался въ аристократическомъ кругу, но даже намъ, школьникамъ, было хорошо извѣстно, что средства его не исходили ни изъ какихъ незаконныхъ источниковъ.

Затѣмъ Матвѣй Матвѣевичъ получилъ должность инспектора казенныхъ учебныхъ заведеній, а въ 1848 году исправлялъ должность инспектора студентовъ кіевскаго университета. Въ 50-хъ годахъ онъ былъ директоромъ нѣжинскаго лицея графа Безбородько, а въ началѣ 60-хъ годовъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа, вмѣсто Н. И. Пирогова. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Матвѣй Матвѣевичъ получилъ мѣсто члена совѣта министра народнаго просвѣщенія и въ этомъ званіи скончался.

Въ Кіевѣ, въ 40-хъ годахъ, было 2 гимназіи: въ 1-й было 6-ть классовъ, во 2-й—7. Въ послѣдней преподавался греческій языкъ.

Въ 1-й гимназіи было 3 благородныхъ пансіона и „конвиктъ и училище землемѣровъ“. Въ 3-мъ пансіонѣ было самое незначительное число воспитанниковъ, изъ лучшихъ польскихъ фамилій,—платили по 2,000 руб. ассигнаціями въ годъ. 1-й и 2-й пансіонъ, хотя и помѣщались въ отдѣльныхъ зданіяхъ, но по внутреннему характеру, условіямъ и по цѣнѣ, платимой воспитанниками (1,000 руб. ассигн. ежегодно), они ничѣмъ не отличались одинъ отъ другаго. 1-й и 2-й пансіоны и „конвиктъ“, кромѣ надзора извѣстнаго числа комнатныхъ надзирателей, находились подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ особаго инспектора; но всѣ они подчинялись директору 1-й гимназіи, имѣвшему общее наблюденіе за всѣми этими воспитательными заведеніями гимназіи.

Матвѣй Матвѣевичъ въ то время былъ инспекторомъ 2-го благороднаго пансіона, и объ немъ у меня, какъ и у моихъ товарищей по воспитанію, сохранились самыя свѣтлыя воспоминанія.

Въ какомъ контрастѣ находились между собою 1-я и 2-я гимназія въ порядкахъ надзора и воспитанія, можно видѣть изъ того, что во все мое пребываніе въ 1-мъ пансіонѣ я не помню ни одного случая наказанія воспитанниковъ розгами. Совсѣмъ иное было во 2-й гимназіи, гдѣ мѣсто инспектора Зимовскаго (въ послѣдствіи директора немировской гимназіи) занялъ Іеропесъ, кромѣ греческаго языка не имѣвшій никакого понятія о самомъ элементарномъ образованіи. Онъ занимался сѣченіемъ воспитанниковъ въ теченіи всѣхъ часовъ пребыванія въ гимназіи, а по выходѣ ихъ оттуда, отправлялся въ общія ихъ квартиры и придираясь къ каждому вздору, производилъ тамъ новыя экзекуціи. Когда-бы вы ни проходили мимо этихъ воспитательныхъ заведеній, васъ всегда поражалъ раздирающій душу крикъ наказываемыхъ мальчиковъ.

Разъ какъ-то заболѣлъ учитель геометріи: на урокъ 4-го класса для порядка явился Іеропесъ. Онъ вызвалъ самаго плохаго ученика и приказалъ ему отвѣчать урокъ. Гимназистъ оказался не промахъ. Зная, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, онъ начертилъ на доскѣ нѣчто въ родѣ кошки, обозначилъ оконечности литерами и пошелъ писать развязно, бойко формулу за формулой; стеръ губкой исписанную разъ доску, исписалъ ее вновь и заключилъ словами: „что и слѣдовало доказать“. Іеропесъ удивленно смотрѣлъ сквозь очки на бойкаго математика, назвалъ его „молодѣчъ“ (онъ плохо говорилъ по русски)

и поставилъ ему въ журналѣ 5. Въ тотъ урокъ всѣ оказались превосходными математиками. Говорили, что послѣ выздоровленія учителя бойкій математикъ былъ обличенъ въ обманѣ и получилъ инквизиторскую порку отъ разсвирѣпѣвшаго Іеропеса.

Я воспитывался въ 1-мъ пансіонѣ, въ которомъ было около 120 учениковъ; во 2-мъ пансіонѣ воспитанниковъ было нѣсколько менѣе. Въ 1-мъ пансіонѣ было 6 комнатныхъ надзирателей и 7-й старшій. Каждый изъ 6-ти надзирателей дежурилъ сутки въ недѣлю; въ воскрестные дни была особая очередь. Всѣ надзиратели обладали хорошимъ знаніемъ новыхъ иностранныхъ языковъ, на которыхъ воспитанники обязательно должны были говорить, подъ условіемъ „chèz vous la marque“. Вечеромъ они сходились для занятій по изученію языковъ и предметовъ.

Нѣкоторые изъ „комнатныхъ надзирателей“ 2-хъ благородныхъ пансіоновъ 1-й гимназіи въ послѣдствіи заняли видныя государственныя должности. Такъ Падренъ-де-Карне былъ помощникомъ попечителя одесскаго учебнаго округа, графъ Келлеръ начальникомъ минской губерніи, а Стеблинъ-Каменскій начальникомъ виленской губерніи.

Падренъ-де-Карне былъ человѣкъ вспыльчивый; однажды во время обѣда, не помню по какой причинѣ, онъ крикнулъ воспитаннику 6-го класса Н. В. Гербелю (въ послѣдствіи переводчику Шекспира): „sortez du table!“ Мы всѣ притаили дыханіе и соображая, что ученикъ выпускнаго класса не исполнитъ подобнаго приказанія „комнатнаго надзирателя“, ожидали бури... Но Гербель, высокаго роста, покойно вышелъ изъ за стола и сталъ у стѣны, въ виду всего пансіона и первоклассныхъ мальчугановъ... Черезъ минуту Падренъ уже извинялся и цаловалъ Гербеля... Но идеаломъ нашимъ и всеобщимъ любимцемъ воспитанниковъ старшихъ классовъ былъ Е. П. Стеблинъ-Каменскій.

Наши пансіоны находились въ роскошныхъ помѣщеніяхъ. 1-й пансіонъ былъ въ Липкахъ, въ домѣ графа Илинскаго. Паркетные полы натирались ежедневно. Въ верхнемъ этажѣ были комнаты для занятій, столовыхъ и пріемныхъ, въ нижнемъ спальни. Кровати и постельное бѣлье, безукоризненной чистоты, стояли днемъ подъ чехлами. Отыскать въ нихъ *клопа* было немыслимо. Въ пансіонѣ было 5 роялей. Обѣдъ, очень изящный, состоялъ изъ 3 и 4

блюдъ, ужинъ изъ 2-хъ. Къ утреннему и вечернему чаю подавались молоко и бѣлый хлѣбъ. Нашъ пансіонъ отстоялъ отъ гимназіи въ 200-хъ саженяхъ, 2-й былъ еще ближе. Въ гимназіи мы занимались отъ 8-ми до 11-ти часовъ утра и отъ 2-хъ до 5-ти часовъ пополудни. По возвращеніи изъ гимназіи двери нашихъ пансіоновъ затворялись на ключъ и мы никуда не выходили. Въ праздничные дни, если родные присылали за нами лакеевъ, насъ отпускали; но отлучиться самому изъ пансіона, или безъ лакея, было немыслимо: привиллегіей этой пользовались только 6 старшихъ воспитанниковъ, носившихъ на плечахъ погоны и наблюдавшихъ за порядкомъ въ 6 отдѣленіяхъ, по числу комнатъ для занятій и классовъ: они въ праздничные дни могли выходить изъ пансіона сами, но предупредивъ надзирателя. Въ праздничные дни и обстановка принимала болѣе праздничную наружность; даже швейцаръ на парадномъ входѣ облекался въ треугольную шляпу и красную перевязь, постукивая золоченой булавой.

По порядку воспоминаній перейду теперь къ другому ревизору 40-хъ годовъ, такъ не благовидно представленному авторомъ „Двухъ ревизій“, бывшему попечителю кіевскаго учебнаго округа генералъ-маіору Траскину. До поступленія на эту должность, онъ состоялъ начальникомъ штаба на Кавказѣ при князѣ М. С. Воронцовѣ.

Помню, въ одинъ лѣтній день 1846 года, мы выстроены были въ ряды въ рекреаціонной залѣ нашего 1-го пансіона. Стѣны оной сверху до низу были унизаны изящными рисунками пансіонеровъ, изъ коихъ два: Велизарій и Мадонна, по величинѣ и работѣ, занимали видное мѣсто. Мы ожидали перваго визита новаго попечителя Траскина, назначеннаго вмѣсто бывшаго попечителя князя Давыдова. Въ общей залѣ собранъ былъ и весь персоналъ учителей 1-й гимназіи, въ числѣ которыхъ былъ и Н. И. Костомаровъ, поступившій сюда на должность учителя исторіи до открытія университетской кафедры. Русскую исторію тогда проходили по учебнику Устрялова, а всеобщую по учебнику Смарагдова. Требовалось, конечно, твердое знаніе учебника и самъ знаменитый потомъ историкъ уступалъ, кажется, этому требованію, дѣлая въ учебникахъ только сокращенія карандашемъ. Въ послѣдствіи, слушая въ университетѣ его увлекательныя лекціи по русской исторіи, какъ-то не вѣрилось, что это былъ тотъ самый Костомаровъ.

Вскорѣ въ дверяхъ показалась тучная фигура Траскина, средняго роста, опиравшагося на трость, въ мундирѣ генеральнаго штаба. Не смотря на комичную его тучность и зычный голосъ, его наружность, въ золотыхъ очкахъ, была очень симпатична. Какъ дежурный старшій, я подошелъ къ нему съ рапортомъ. Выслушавъ его, Траскинъ полюбопытствовалъ узнать, которой губерніи я уроженецъ и проч.

При представленіи ему учителей помощникомъ попечителя Юзефовичемъ, указавшимъ на Костомарова, какъ „магистра", Траскинъ оказалъ послѣднему особенную любезность. Сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ нѣкоторымъ воспитанникамъ, Траскинъ обошелъ всѣ комнаты пансіона и спальни и обратилъ особенное вниманіе на библіотеку пансіона, которою завѣдывалъ Падренъ, сдѣлавъ, по поводу ея, нѣсколько замѣчаній, не обнаружившихъ въ немъ ничего того, что приписалъ ему авторъ „Двухъ ревизій", равно не отдалъ такой чести пробному обѣду 1-го пансіона, какую, по словамъ того-же автора, оказалъ *тремъ* обѣдамъ въ немировской гимназіи.

Я былъ тогда въ 6-мъ, т. е. выпускномъ классѣ. Вскорѣ послѣ этого Траскинъ пріѣхалъ къ намъ въ гимназію, въ 6-й классъ, на выпускной экзаменъ, на который обыкновенно приглашался, въ качествѣ ассистента, профессоръ университета соотвѣтствующаго предмета. Былъ экзаменъ физики и Траскинъ, по словамъ автора „Двухъ ревизій", не умѣвшій отличить физики отъ логики, удивилъ не только насъ, но и ассистента Фомберга (профессора химіи) основательнымъ знаніемъ этого предмета, предлагая каждому изъ экзаменовавшихся вопросы, сообразно его отвѣту, и, въ случаѣ затрудненія въ отвѣтѣ, разъясняя его самъ. Физика вѣдь не такой предметъ, чтобы можно было, для удивленія кого-либо, подготовиться къ нему наканунѣ.

Траскинъ, помню, посѣщалъ и лекціи въ университетѣ; но исключительное вниманіе онъ оказывалъ наукамъ математическимъ. Къ студентамъ онъ былъ снисходителенъ и помогалъ имъ иногда изъ собственныхъ средствъ. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ.

Деканомъ юридическаго факультета и профессоромъ уголовнаго права былъ въ то время С. О. Богородскій; прекасный знатокъ своего предмета, онъ отличался особою строгостію въ оцѣнкѣ познаній студентовъ и не рѣдко на экзаменахъ сбивалъ ихъ въ отвѣтахъ. Должно замѣтить, что кромѣ должности профессорской Богородскій

занималъ одно время должность цензора и директора 2-й гимназіи, пользуясь и квартирой въ гимназіи, которая помѣщалась тогда въ домѣ, гдѣ теперь магазинъ Огюста, на углу Крещатика и Лютеранской. Были-ль у него съ Траскинымъ какія-либо столкновенія и счеты,—не знаю; но въ нашъ выпускъ, который, вслѣдствіе строгости декана, оказался ограниченнымъ по числу удостоенныхъ степенями, между деканомъ и попечителемъ произошелъ весьма крупный разладъ. Богородскій имѣлъ почему-то особо веселый видъ, когда явился къ Траскину съ докладомъ о процентѣ студентовъ юридическаго факультета, удостоенныхъ степеней. Траскинъ выслушалъ его докладъ сердито, а потомъ сказалъ: „Не могу понять, г. профессоръ, что васъ такъ радуетъ. Я нисколько не отношу этого прискорбнаго явленія къ нерадѣнію студентовъ, но скорѣе къ нерадѣнію тѣхъ профессоровъ, которые не умѣютъ изложить студентамъ толково своего предмета и не желаютъ внушить имъ симпатіи ни къ себѣ, ни къ тому предмету, который они читаютъ. Нѣкоторые изъ нихъ впрочемъ такъ заняты другими обязанностями, что не имѣютъ на это даже и свободнаго времени: я постараюсь ихъ облегчить. До свиданія, г. профессоръ"!

Траскинъ въ то время занималъ лучшій на Крещатикѣ домъ, уцѣлѣвшій въ томъ видѣ и до нынѣ: угольный домъ противъ нынѣшней Европейской гостинницы и фонтана.

Черезъ нѣсколько времени С. О. Богородскій былъ дѣйствительно *облегченъ*, оставшись только въ должности профессора уголовнаго права.

Одинъ изъ студентовъ написалъ нелѣпый романъ, издавъ его на послѣдніе свои гроши, и *посвятилъ* его Траскину. Послѣдній поморщился, но купилъ тотъ-часъ у автора 100 экземпляровъ (кажется по 1 р.). Вмѣстѣ съ этимъ онъ посовѣтовалъ автору не тратить драгоцѣннаго времени на сочиненія романовъ; первымъ условіемъ, говорилъ онъ, хорошаго писателя, помимо таланта, должно быть и солидное образованіе, по окончаніи-же его талантъ можетъ высказаться сильнѣе со стороны умственной и нравственной. Прочитавъ затѣмъ самый романъ, Траскинъ смутился и за автора, и за свое имя, красовавшееся съ полнымъ титуломъ его, въ формѣ посвященія, на первой страницѣ изданія. Онъ послалъ скупить всѣ находившіеся въ книжныхъ магазинахъ экземпляры этого сочиненія, и взялъ съ автора слово не печатать 2-го изданія.

Одинъ студентъ, находившійся въ крайней нуждѣ, не имѣлъ средствъ уплатить денегъ, требуемыхъ съ него за право ученія. Онъ отправился къ Траскину и изложилъ ему свое горе. Траскинъ немедленно заплатилъ за него изъ своей шкатулки, приказалъ принять его въ число недостаточныхъ студентовъ (съ платою за столъ и за квартиру по 5 руб. въ мѣсяцъ) и просилъ его передать другимъ его товарищамъ, находившимся въ такой-же нуждѣ, свою готовность заплатить и за нихъ.

Послѣ арестовъ: Костомарова, Шевченка и другихъ, по извѣстной исторіи составленія славянскаго „общества св. Кирилла и Меѳодія", бывшій тогда генералъ-губернаторъ Бибиковъ приказалъ въ одинъ праздничный день собрать всѣхъ студентовъ въ залѣ университета.

Въ назначенный часъ мы явились въ мундирахъ. Пріѣхалъ и Траскинъ. Указавъ въ своей рѣчи на современное „броженіе умовъ", Бибиковъ закончилъ ее слѣдующими словами, нашедшими тогда мѣсто въ заграничныхъ изданіяхъ: „если я пять милліоновъ народа умѣлъ поставить на свою ногу, то и васъ поставлю: или я лопну, или вы всѣ перелопаетесь!" Траскинъ весь побагровѣлъ, очевидно, не отъ сочувствія къ энергичной рѣчи Бибикова.

По поводу этой рѣчи и вообще по поводу различія взглядовъ на системы образованія юношества, между Траскинымъ и Бибиковымъ происходили, говорятъ, крупные переговоры, пока наконецъ, вмѣсто Траскина, не былъ назначенъ попечителемъ кіевскаго округа самъ Д. Г. Бибиковъ въ 1848 году.

Н. Я. Бар—вскій.

Г. Одесса.
28 Января 1884 года.

СТО СЕМЬ ЛѢТЪ ЮЖНО-РУССКОЙ ЭТНОГРАФІИ.

Въ 1777 году въ Петербургѣ вышло сочиненіе, въ 25 страницъ, съ такимъ полнымъ заглавіемъ: „Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ въ Малой Россіи и въ слободской украинской губерніи, такожъ и въ великороссійскихъ слободахъ населенныхъ малороссіянами употребляемыхъ, сочиненное Григоріемъ Калиновскимъ, армейскихъ походныхъ полковъ, состоя-

щихъ въ украинской дивизіи, прапорщикомъ". Эта маленькая книжка—первое сочиненіе касающееся этнографіи Малороссіи, какъ и вообще одинъ изъ первыхъ литературныхъ трудовъ объ этой странѣ. Въ „Указателѣ источниковъ для изученія малороссійскаго края" г. Лазаревскаго она стоитъ подъ № 13-мъ. Нечего говорить о ея чрезвычайной рѣдкости. Нашъ экземпляръ пріобрѣтенъ изъ б. библіотеки Трощинскаго. Одинъ видъ этой книжки, желтообрѣзанной и одѣтой въ кожу, можетъ привести въ огорченіе истиннаго библіомана.

Въ книгѣ Калиновскаго съ перваго-же разу бросается въ глаза интересная особенность: она не носитъ никакой цензурной помѣтки. Объясняется это просто. 1777 годъ и нѣсколько послѣдующихъ были годами своеобразнаго екатерининскаго либерализма. Исторія дала ему не высокую цѣну, но въ то время надзоръ за типографіями и книжными лавками почти не существовалъ. Издатели миновали всякую цензуру и ограничивались лишь обозначеніемъ типографіи и года изданія.

„Армейскихъ пѣхотныхъ полковъ прапорщикъ", не мудрствуя лукаво, описываетъ малорусскій свадебный обрядъ, къ сожалѣнію совершенно оставляя въ сторонѣ безчисленныя свадебныя пѣсни. А въ какой полнотѣ долженъ былъ онъ слышать ихъ на этихъ старосвѣтскихъ „весильяхъ", гдѣ женихъ является одѣтымъ „въ два смурые кафтаны и въ поясѣ пестромъ шерстяномъ, въ красной суконной шапкѣ, обложенной черною овчиной", а голову молодой, на другой день свадьбы, покрывала старинная „кибалка". При всей сжатости описанія, оно содержитъ въ себѣ однако нѣсколько подробностей, свидѣтельствующихъ объ исчезнувшихъ чертахъ народнаго свадебнаго обряда.

Особенной сложностью отличался въ старыхъ свадьбахъ такъ называемый выкупъ невѣсты,—обычай намекающій на продажу невѣстъ въ отдаленную языческую эпоху. Братъ молодой, по пріѣздѣ жениха къ невѣстѣ, скакалъ на его конѣ изъ двора, а женихъ и поѣздъ его должны были его догонять, чтобъ добиться отъ него права приблизиться къ молодой. Вернувшись въ хату, шуринъ говорилъ длинную рѣчь и требовалъ новый выкупъ. Покрываніе невѣсты въ понедѣльникъ непремѣнно освящалось церковью, для чего установлена была даже особенная молитва на „покровеніе главы".

Значеніе этого обычая, существующаго и теперь—вступленіе жены подъ власть мужа. Сказать кстати, нельзя не признать крайне натянутымъ мифическое толкованіе, даваемое ему ученымъ авторомъ „Поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу". Зажиганіе костра на пути слѣдованія молодыхъ въ домъ мужа въ старину, какъ видно, существовало повсемѣстно. Нынѣ обычай этотъ, какъ свидѣтельствуютъ многія записи (Чубинск. ч. IV, стр. 428), или совершенно исчезаетъ или замѣняется тѣмъ или инымъ способомъ.

Какъ историческій матеріалъ, интересна приложенная въ концѣ книги Калиновскаго „Смѣта, во что обходится свадьба простолюдину". Вотъ цифры этой смѣты. А) *Съ невѣстиной стороны.* На подарки свекру или женихову отцу 20 коп., свекрови, или матери жениховой сапоги красные козловые, цѣна 50 коп., золовкѣ сапоги—50 коп., дѣверю, брату его-жъ—1 коп., другимъ свойственникамъ и свойственницамъ, смотря по числу ихъ, серпанковъ и калачей, примѣрно около 2 коп., боярамъ, платковъ, по 10 коп. платокъ, всего на 60 коп., подружкамъ и дѣвицамъ орѣховъ и кренделей на 20 коп., свахѣ, свѣтилкамъ и старостамъ разнаго званія дары, всего на 80 коп., сѣна лошадямъ гостиннымъ на 30 коп. *столовыхъ припасовъ*: разнаго хлѣба на 3 рубля, вина простаго 2 кадки или 9 вѣдеръ, цѣна 6 рублей, мяса разнаго и сала свинаго на 2 рубля 20 коп., соли четверть пуда 10 коп., рыбы свѣжей и вяленой, также и масла коноплянаго на 90 коп., перцу на 10 коп. Итого 17 рублей 41 коп. Б) *Съ женихової стороны.* За вѣнчанье попу, дьячкамъ и пономарю 1 рубль 50 коп., тестю или невѣстину отцу 20 коп., тещѣ серпанокъ, цѣна 50 коп., шурину и свояченицѣ по парѣ калачей—4 коп., свойственникамъ и свойственницамъ серпанковъ и калачей примѣрно около 2 коп., подружкамъ, дѣвицамъ бывшимъ на свадьбѣ, орѣховъ и кренделей на 20 коп., боярамъ на квѣтки покупаются свѣтилкою красныя ленты—5 коп. Расходы на столовые припасы такіе-же. Итого 16 рублей 79 коп., съ обѣихъ сторонъ—33 рубля 20 коп.

Въ эту смѣту не внесенъ сборъ, какой брался иногда со свадьбъ помѣщиками. Роковой для Малороссіи 1783 годъ въ ту пору, какъ Калиновскій писалъ свою книжку, еще не наступилъ. Но существовалъ уже тотъ поборъ, который этнографъ Терещенко сравниваетъ съ древнимъ „куничнымъ"—поборъ за вѣнчанье.

В. Г—ко.

ПОПЫТКА ОКОЛДОВАТЬ ВОЛОСТНОЙ СУДЪ.

Вѣра въ колдовство до сихъ поръ всецѣло царитъ въ народѣ. По своимъ воззрѣніямъ въ этой области народъ нынѣ какъ будто живетъ не въ девятнадцатомъ столѣтіи, а въ какомъ нибудь шестнадцатомъ, семнадцатомъ. Правда въ большинствѣ случаевъ онъ потерялъ уже нить между колдовскимъ дѣяніемъ и вѣрованіемъ его породившимъ, т. е. онъ часто не можетъ объяснить вамъ, *почему* имъ совершается тотъ или иной чародѣйный обрядъ, но за то народъ хорошо знаетъ, *для чего* совершается каждое такое дѣйствіе. Вѣря въ колдовство и вообще въ чудодѣйственную силу колдуновъ, вѣдьмъ, знахарки и тому подобныхъ необыкновенныхъ людей, народъ прибѣгаетъ къ разнаго рода дѣйствіямъ, парализующимъ чудодѣйственную силу этихъ людей, дабы предохранить себя отъ ихъ пагубнаго вліянія.

Интересно, что по представленію народа одно и то-же средство можетъ служить для совершенно противуположныхъ цѣлей. Возьмемъ напримѣръ чудодѣйственную силу мака. На югѣ, по крайней мѣрѣ въ правобережной Украйнѣ, крестьяне отличаютъ особый родъ мака—*макъ-видюкъ*. Это обыкновенный макъ „самосій“, который самъ появляется на огородахъ. Макъ этотъ собираютъ и святятъ въ церкви на Пасху. Если какой домъ посѣщаетъ мертвецъ или вѣдьма, то макомъ-видюкомъ обсыпаютъ въ домѣ; иногда макомъ обсыпаютъ покойника въ гробу и кладутъ узелокъ съ макомъ въ его головахъ, или просто посыпаютъ при похоронахъ путь макомъ. При этихъ посыпаніяхъ приговариваютъ: *тоди будешъ ходить, якъ сей макъ переличишъ*. Такимъ образомъ въ основаніи обыкновенія посыпать макомъ домъ, гробъ или путь лежитъ вѣрованіе, что мертвецъ не прежде можетъ начать или повторить свои посѣщенія, какъ подобравши всѣ разбросанныя зерна. Справедливость этого заключенія подтверждается другаго рода обыкновеніемъ, существующимъ въ Малороссіи. Снаряжая на тотъ свѣтъ повивальную бабку, кладутъ ей во гробъ палку, и кромѣ того къ поясу привязываютъ узелъ съ маковыми зернами. На томъ свѣтѣ умершіе дѣти, которыхъ она принимала, нападаютъ на нее за то, что она помогала появиться имъ на свѣтъ въ нашей юдоли плача, съ цѣлью разорвать ее. Она отбивается палкой, но если не успѣ-

етъ этого сдѣлать, то бросаетъ имъ макъ. Дѣти кидаются на макъ, подбираютъ его, а бабка тѣмъ временемъ уходитъ въ безопасныя мѣста. Изъ сказаннаго видно, что макъ въ народныхъ вѣрованіяхъ играетъ роль предмета, отвлекающаго колдуновъ, вѣдьмъ, мертвецовъ и проч. отъ людей, въ случаѣ нападенія первыхъ. Но въ тоже время маку приписывается совершенно противуположное свойство: посыпаніе макомъ считается средствомъ привлечь къ себѣ любовь или расположеніе другаго человѣка, уже обыкновеннаго; напримѣръ дѣвушка, умѣющая влюбить въ себя парня, старается обсыпать его макомъ, освященнымъ на Пасху. То-же дѣлается и въ другихъ случаяхъ, какъ увидимъ ниже. Почему такое свойство приписывается маку, мы уже объяснить не можемъ, если только не предполагать здѣсь замѣну мака какимъ либо другимъ веществомъ.

Мы сказали выше, что народъ глубоко вѣритъ въ чудодѣйственную силу колдовскихъ дѣяній и продолжаетъ совержать ихъ до сихъ поръ. Этому вѣрятъ не только простые крестьяне, но и ихъ выборные власти, сельскіе судьи, писаря и т. д. Приводимъ вкратцѣ содержаніе одного рѣшенія волостнаго суда, указывающаго на то, что суды раздѣляютъ воззрѣнія крестьянъ на колдовство. Въ настоящемъ случаѣ именно обнаруживается вѣрованіе въ возможность посредствомъ колдовства макомъ привлечь на свою сторону судей.

Въ истекшемъ 1883 году, юнаковскій волостной судъ (сумского уѣзда, харьковской губ.)) разсматривалъ дѣло по обвиненію одною изъ крестьянокъ трехъ крестьянскихъ женщинъ въ нанесеніи ей обиды дѣйствіемъ. Судъ призналъ обоюдную драку и потому приговорилъ какъ женщину, обвинявшую остальныхъ трехъ, такъ и обвиняемыхъ къ штрафу въ пользу мірскаго капитала, по 3 рубля съ каждой, за нарушеніе общественной тишины. При этомъ судъ, усмотрѣвъ, что одна изъ обвиняемыхъ женщинъ во время разсмотрѣнія означеннаго выше дѣла обсыпала макомъ около судей, и признавая, что эта женщина занималась колдовствомъ, приговорилъ взыскать съ нея въ пользу мірскаго капитала еще 3 рубля.

П. Еф.

ПОСЛѢДСТВІЕ КЛЯТВОПРЕСТУПЛЕНІЯ.

У многихъ народовъ нарушеніе клятвы считалось и считается великимъ преступленіемъ, за которое Богъ наказываетъ не только въ будущей жизни, но и здѣсь, на землѣ. Въ русскомъ народѣ повсемѣстно существуетъ до сихъ поръ подобное-же вѣрованіе. При томъ одинаковое значеніе приписывается какъ оффиціальной присягѣ, произнесенной передъ крестомъ и евангеліемъ, такъ и клятвѣ, сопровождаемой лишь снятіемъ со стѣны и цѣлованіемъ иконы.

Надобно пояснить, что въ прежнее время у насъ, въ Малороссіи, такъ-же какъ и въ московскомъ государствѣ, присяга истца или отвѣтчика въ разнаго рода исковыхъ дѣлахъ была весьма распространеннымъ видомъ доказательства, въ народѣ-же и до настоящаго времени остается во всей силѣ указанное значеніе присяги. Волостные суды, по крайней мѣрѣ на крайнемъ сѣверѣ, въ случаяхъ, когда нѣтъ прямыхъ доказательствъ, предлагаютъ истцу въ подтвержденіе справедливости своего иска или-же отвѣтчику присягнуть передъ судомъ, т. е. снять съ тябла икону и поцѣловать ее. При этомъ народъ твердо вѣритъ, что кто не по правдѣ сниметъ икону, тотъ умретъ въ скоромъ времени. Припоминаю одинъ разговоръ мой съ крестьяниномъ села Матигоръ, холмогорскаго уѣзда архангельской губерніи. Когда я выразилъ своему собесѣднику сомнѣніе въ томъ, что принявшаго ложную клятву непремѣнно постигаетъ смерть, онъ привелъ мнѣ нѣсколько примѣровъ скорой смерти послѣ совершенія ложной присяги; между прочимъ разсказалъ мнѣ, какъ одинъ крестьянинъ села Матигоръ, получивши свои часы отъ знакомаго, вновь потребовалъ ихъ себѣ и въ доказательство справедливости иска поцѣловалъ икону передъ волостнымъ судомъ и какъ онъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ того умеръ.

Мы не знаемъ, существуетъ-ли на югѣ то-же обыкновеніе доказывать справедливость иска или невинность отвѣтчика цѣлованіемъ иконы передъ волостнымъ судомъ; но что такой обычай существовалъ въ прежнихъ судахъ, видно изъ приводимаго ниже акта. Намъ извѣстно также существованіе у крестьянъ въ Малороссіи твердой вѣры въ то, что ложная присяга влечетъ за собой смерть клятвопреступника, или по крайней мѣрѣ какое-либо большое несчастье, пораженіе болѣзнью, отнятіемъ чрезъ параличъ

какой-либо части тѣла и т. п., точно также какъ вѣрили въ старину.

Приводимъ въ поясненіе сказаннаго донесеніе компанейскаго Павлова полка полкового асаула Михайла Самапаса, поданное гетману Разумовскому въ 1756 году [1]).

„Прошедшего 1746 году съ обознимъ первого компанѣйскаго полку Василемъ Мелесемъ, которой уже умре, имѣлъ я дѣло въ переясловской полковой канцеляріи во удержаніи имъ порціонныхъ и раціонныхъ моихъ денегъ двадцати девяти рублевъ и утайкою взятой имъ у меня латинской книжки, и за учиненною имъ въ незнаніи всего того предъ иконою Богоматери клятвою, я тои имъ оставилъ и забратое въ него по тому иску возвратилъ вдвое и правній штрафъ понесъ. По окончаніи-жъ того онъ на десятой недели въ домѣ своемъ отъ злоприключившейся болѣзни умре. А въ прошломъ 1752 году писарь полковій компанейскій, первого-жъ полку, Павелъ Леонтіевичъ объявилъ мнѣ словесно, при сторонніхъ людехъ, что при смерти онъ Мелесъ будучи, за два дни призвалъ его Леонтіевича и отдалъ ему книжку, сказуя, дабы онъ мнѣ отдалъ и я его простилъ. О чемъ я будучи сумнителенъ, что онъ въ книжкѣ взятой у мене заперся и клялся, какъ выше упоминается, той-же часъ протестовался и въ генеральную войсковую канцелярію поданнимъ доношеніемъ просилъ о томъ изслѣдованія, но и по нынѣ не послѣдовало. А понеже я по тому дѣлу понесъ немалія убытки и штрафъ, а по предписанному изявленію книжки винность его Мелеса и напрасное запрещеніе и клятва явствуютъ, того ради нижайше прошу вашу ясне-велможность о семъ дѣлѣ переясловской полковой канцеляріи, яко тамъ оное и производилось, дабы изслѣдовать и мене въ понесенихъ убыткахъ, напрасномъ безчестіи и штрафѣ его Мелеса зъ жены и наслѣдниковъ удоволствовано было безволокитно, высокоповелителній ордеръ пожаловать. Михайло Самапасъ“.

П. Еф.

---

[1]) Изъ дѣлъ малороссійской коллегіи, хранящихся при харьковскомъ университетѣ.

ВЕРТЕПЪ ВЪ КУПЯНСКОМЪ УѢЗДѢ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Зимою 1880 года въ купянскомъ уѣздѣ появился вертепъ. До этого года его тамъ не видали, даже 60-ти лѣтніе старцы его не помнятъ, а слышали о томъ, что онъ былъ, только отъ своихъ отцовъ. Въ другихъ мѣстахъ харьковской губерніи вертепы существовали еще недавно. Въ селѣ Боромлѣ, ахтырскаго уѣзда, вертепъ дѣйствовалъ лѣтъ шесть тому назадъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ близъ Харькова—всего только четыре года. Между тѣмъ профессоръ Н. И. Петровъ въ своей статьѣ „Старинный южно-русскій театръ“ (Кіевская Старина, книга 12 за 1882 г.) говоритъ, что въ настоящее время на югѣ Россіи по мѣстамъ представляютъ только отрывочныя и незаконченныя сцены, касающіяся событій Рождества Христова, и въ примѣръ указываетъ на с. Исакову, оргѣевскаго уѣзда, кишиневской губерніи. Статья профессора Петрова вызвала и меня написать свои воспоминанія о вертепѣ въ купянскомъ уѣздѣ, гдѣ мнѣ пришлось видѣть не отрывочныя сцены, но цѣлое вертепное представленіе въ обѣихъ его частяхъ—духовной и свѣтской. Воспоминанія мои будутъ по необходимости кратки, такъ какъ прошло уже три года съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ вертепъ и не могу привести тутъ ни одного отрывка вертепной драмы, опасаясь быть не точнымъ, видѣлъ-же я по слѣд. случаю.

30 января 1880 года я отправился на имянины къ помѣщику И. П. Сарандинаки, который жилъ въ 12-ти верстахъ отъ города Купянска, въ хуторѣ Благодатномъ, старовѣровской колости. Послѣ обѣда родственникъ хозяина В. С. Розаліонъ-Сомальскій пригласилъ хозяевъ и гостей въ залу, гдѣ онъ устроилъ имянинику сюрпризъ. Всѣ отправились. Въ дверяхъ залы мы увидѣли бѣлый шкапчикъ; онъ былъ небольшой и сколочепъ изъ досокъ. Высота его была аршина 2. Устройство шкапчика очень простое. Онъ состоялъ изъ двухъ частей; нижняя часть представляла изъ себя подставку, а верхняя—шкапчикъ, но безъ дверей, раздѣленный параллельно на двѣ части. Вышина каждой половины верхней части не болѣе ½ аршина; полъ въ верхней части шкапчика обитъ бѣлой, а въ нижней черной мерлушкой. Такая разница въ обивкѣ обѣихъ частей имѣла свое значеніе. Верхняя

часть предназначалась для представленія духовной части вертепа, а нижняя для свѣтской части. Впрочемъ въ нижней части представлялись и тѣ сцены изъ духовной части, въ которыхъ участвовалъ Иродъ, и это исключеніе сдѣлано потому, что народъ не любилъ Ирода. Чтобы освѣщать вертепъ, когда представленіе дается вечеромъ, какъ было и въ настоящемъ случаѣ, поставлены маленькія свѣчи съ передней стороны сцены. Въ каждомъ отдѣленіи по двѣ двери, изъ которыхъ одна служитъ для входа фигуръ, а другая для выхода. Двери находятся въ задней сторонѣ сцены. Въ верхней части къ задней стѣнѣ прислонены двѣ фигуры: одна изъ нихъ представляетъ праведнаго Іосифа, а другая св. Дѣву Марію. У Іосифа сѣдая борода. Передъ этими фигурами поставлены ясли, въ которыхъ, предполагается, лежитъ младенецъ Іисусъ (въ дѣйствительности фигуры младенца нѣтъ). Первая сцена происходитъ въ первомъ отдѣленіи. На сценѣ появляются два ангела. Фигуры сдѣланы очень искусно изъ дерева и двигаются на проволокахъ довольно свободно. Одинъ изъ ангеловъ подходитъ къ одному краю и зажигаетъ у свѣчки свой свѣтильникъ, другой-же ангелъ зажигаетъ свой свѣтильникъ на другой сторонѣ; затѣмъ они подходятъ къ св. Дѣвѣ Маріи и пр. Іосифу и объявляютъ св. Дѣвѣ, что у нея родится сынъ. Послѣ этого ангелы удаляются. Сзади вертепа сидитъ хозяинъ его; онъ выпускаетъ фигуры и говоритъ за нихъ. Нѣкоторыя сцены онъ говоритъ речитативомъ, а нѣкоторыя поетъ. Рядомъ съ хозяиномъ сидитъ его помощникъ, который сопровождаетъ его пѣніе игрою на бандурѣ. За ангелами появляются на сценѣ пастухи для того, чтобы поклониться Спасителю. Происходитъ извѣстная библейская сцена. Послѣ появленія пастуховъ дѣйствіе переносится въ нижній этажъ: на сцену въѣзжаетъ на тройкѣ лошадей Иродъ и садится на возвышеніе (табуретку, которая означаетъ тронъ). На головѣ у Ирода шапка съ металлическимъ значкомъ, которая замѣняетъ царю вѣнецъ; около Ирода становятся два оруженосца съ палками, изображающими копья. Какъ только онъ усѣлся, къ нему являются волхвы, которые затѣмъ отправляются въ верхнюю половину, чтобы поклониться Спасителю. Послѣ волхвовъ къ Ироду является бабка Рахиль съ ребенкомъ на рукахъ; разговоръ ея съ Иродомъ единственная сцена, которая принадлежитъ народному воображенію: она проситъ Ирода пощадить

ея дѣтей въ Виѳлеемѣ, которые и малы, и неразумны, и ни въ чемъ неповинны. Иродъ приказываетъ своимъ оруженосцамъ прогнать Рахиль и убить ребенка, что они и исполняютъ. Въ наказаніе за эту жестокость Ироду является вѣстникъ, который объявляетъ ему, что онъ умретъ и тѣло его будетъ отдано дьяволу. За вѣстникомъ появляется смерть, въ видѣ стрекозы, съ косою и отрѣзываетъ Ироду голову, а появившійся вслѣдъ за ней дьяволъ уноситъ съ собою тѣло Ирода. Этой сценой заканчивается духовная часть представленія. Всѣ объясненія сценъ совершенно подходятъ къ библейскому разсказу о тѣхъ-же событіяхъ, за исключеніемъ сцены съ Рахилью.

Свѣтская часть вертепной драмы состоитъ изъ комическихъ разсказовъ. Предметомъ этихъ разсказовъ служатъ бытовыя сцены съ неизбѣжнымъ ухаживаніемъ за женщинами. Изъ однихъ дверей выходятъ мущины, изъ другихъ женщины, а уходятъ они вмѣстѣ. Первымъ появляется запорожецъ: онъ высокаго роста, съ чубомъ на головѣ и, къ удивленію, съ большими баками, а въ рукахъ у него булава; изъ другой двери выходитъ здоровая женщина. За сценой играютъ на бандурѣ, и запорожецъ танцуетъ съ своей возлюбленной, затѣмъ обнимаетъ ее, цѣлуетъ и уходитъ вмѣстѣ съ ней. Его мѣсто заступаютъ парень въ красной рубахѣ и русская баба, которые сначала любезничаютъ, затѣмъ пляшутъ козачка и уходятъ. Появляется старикъ, который шамкаетъ губами и топчется на одномъ мѣстѣ, и довольно молодая женщина. Старикъ ухаживаетъ за ней, они танцуютъ и затѣмъ старикъ поцѣловавъ свою даму, уходитъ съ ней. Выступаютъ еврей съ еврейкой: еврей старается прельстить свою Хайку деньгами, та наконецъ склоняется, они цѣлуются, танцуютъ и затѣмъ удаляются. Ихъ смѣняетъ цыганъ съ шелудивою лошадью, которую хочетъ продать. Затѣмъ мужикъ Антонъ тащитъ козу, а она его, съ обычнымъ монологомъ. Въ заключеніе на сценѣ появляются всѣ лица, выступавшія въ свѣтской части, какъ кажется для того только, чтобы ихъ всѣхъ прогналъ запорожецъ. Свѣтская часть вертепной драмы кончается появленіемъ нищаго Савушки, который проситъ на вертепъ. Конечно, всѣ гости положили ему въ шапку, сколько кто хотѣлъ, или могъ.

Сцены свѣтской части отличаются большимъ юморомъ; въ нихъ много проявилось наблюдательности народа.

30 января 1880 г. вертепъ давалъ первое представленіе. Считаемъ не лишнимъ разсказать тутъ и его исторію, которую мы слышали отъ почтеннаго В. С. Розаліонъ-Сошальскаго, и отъ самого хозяина вертепа и другихъ лицъ. Дѣдъ В. С. Розаліонъ-Сошальскаго жилъ лѣтъ 70 тому назадъ въ богодуховскомъ уѣздѣ и часто ѣздилъ въ Кіевъ. Съ собою онъ бралъ кого нибудь изъ своихъ дворовыхъ людей, и вотъ одинъ изъ нихъ, увидѣвъ тамъ вертепъ, такъ имъ заинтересовался, что выучилъ всѣ сцены и пѣсни. Изъ богодуховскаго уѣзда онъ, по приказанію барина, переселился въ хуторъ Благодатный, купянскаго уѣзда, гдѣ также было имѣніе его барина. Здѣсь онъ научилъ одного изъ своихъ внуковъ всей вертепной драмѣ. Внукъ захотѣлъ устроить вертепъ, но не могъ, такъ какъ не умѣлъ сдѣлать фигуръ. Совершенно случайно онъ высказалъ свою завѣтную мысль В. С. Розаліону-Сошальскому, который сдѣлалъ ему фигуры, и 30 января вертепъ началъ свое дѣйствіе. Иванъ (такъ имя хозяина), по прозванію Сапожникъ, вмѣстѣ съ другимъ крестьяниномъ, ѣздятъ съ вертепомъ по ярмаркамъ и помѣщичьимъ домамъ только зимою, до великаго поста. Ихъ заработокъ въ годъ рублей 150. На ярмаркахъ представляется только свѣтская часть вертепной драмы, такъ какъ духовную часть запрещено представлять мѣстнымъ начальствомъ. Вертепъ существуетъ и до сихъ поръ.

Ал. Селивановъ.

ВЫМИРАЮЩІЕ ТИПЫ УКРАИНСКОЙ ДЕРЕВНИ.

Въ старой Украинѣ, въ странѣ полянъ, гдѣ сновали торки, берендѣи, черные клобуки etc. и что теперь кіевская губернія, верстахъ въ 20-ти отъ г. Липовца, въ дали отъ большихъ дорогъ лежитъ село *Чаповъ*. Въ былые годы оно жило какою-то изолированною отъ всего окружающаго жизнію. Можно было сказать: никогда не заходилъ туда *коробейникъ*, ни жидъ, скупающій куръ и воскобойны, не забѣгалъ становой, „воронъ кости архіерейской не заносилъ“. На далекое разстояніе отъ этого села ни ярмонки, ни фабрики, ни завода. Далеко оно было отъ всего, что дышало просвѣщеніемъ, цивилизаціею, давало потребность или удобство жизни, но вмѣстѣ и отъ того, что несетъ съ собою порчу и растлѣніе. И теперь еще мостки его, выгаченные навозомъ, весною и осенью,

ставятъ почти непреодолимую преграду тѣмъ, кто-бы вздумалъ посѣтить Чаговъ въ это время. За то господствовала въ немъ тогда удивительная простота и нравовъ чистота, подобныхъ которымъ теперь не найти нигдѣ. Простота, честность, усердіе къ церкви, миролюбіе и сострадательность къ ближнимъ составляли отличительныя черты чаговцевъ, Всѣ они занимались хлѣбопашествомъ, не исключая и тѣхъ, которые обладали какою нибудь спеціальностію. Спеціальность полагала особый отпечатокъ на этихъ добрыхъ и богобоязливыхъ людей и создавала особые сельскіе типы, дорогіе, незабвенные, по которыхъ теперь не встрѣтишь уже почти нигдѣ. Были напримѣръ чумаки, важные, степенные, меланхолическіе, какъ ихъ круторогіе, половые волы. Были не менѣе сосредоточенные *музыки,* услаждавшіе слухъ своихъ односельцевъ въ дни воскресные и праздничные, въ громадскомъ *клубѣ*—корчмѣ, или-же на свадьбахъ, а въ остальное время предававшіеся прозаическимъ занятіямъ сельскаго хозяйства. Были типы другихъ профессій для сельскаго обиходу: шевця, кравця, коваля и проч. Но изъ всѣхъ типовъ прежней украинской жизни въ моей памяти дорогими чертами напечатлѣлся типъ людей, для которыхъ трудно прибрать точное, опредѣленное названіе,—типъ людей, можно сказать, общественныхъ и отчасти какъ-бы церковныхъ. Каждое село въ старину имѣло одного—двухъ, даже нѣсколько такихъ людей. Они обыкновенно близки были къ церкви и священнику, служили имъ, чѣмъ могли, во всякое время, *приметалисъ,* какъ царь Давидъ, *во дворѣ Господни,*—одинаково служили и обществу, появлялись на всѣхъ его собраніяхъ, въ качествѣ распорядителей и устроителей, служили всѣмъ и каждому изъ его членовъ въ дни радости, нужды и печали. Всѣмъ и всѣми они были довольны, всѣ прибѣгали къ ихъ услугамъ, всѣ принимали ихъ съ любовію и благодарностію.

Памятенъ мнѣ въ селѣ Чаговѣ такой типъ церковно-общественныхъ людей, въ лицѣ старика *Тимка Липки* и его жены Варки. Лѣтъ болѣе 25-ти тому назадъ въ глубокой старости умерли они обое въ одинъ день и въ одной ямѣ погребены. Я зналъ Тимка Липку, когда ему было лѣтъ подъ 60. Въ селѣ уже хозяйствовали его сыновья и зятья, самъ-же онъ, отдавъ дѣтямъ поле, имѣлъ только хатку и огородъ. Съ полемъ родные его приняли на себя и всѣ обязанности въ отношеніи помѣщика и общества. Тяжелы были эти

обязанности въ прежнее время. „Имѣешь поле, тяни таланъ и бѣду“,— говорилось тогда. Цѣлый вѣкъ бѣдный крестьянинъ долженъ былъ жить въ напряженномъ состояніи, въ вѣчномъ страхѣ, плачѣ и унынiи. Каждое Божіе утро только и слышна была строгая расправа въ дворѣ мѣстнаго экономa. Тимко Липка, вручивши хозяйство дѣтямъ своимъ, жилъ отъ мелкихъ услугъ ближнимъ. По большей части онъ занимался въ пасѣкѣ церковной, или у священника. Всегда живой, всегда говорливый, онъ нравился всѣмъ. Особенныхъ пріемовъ въ веденіи пасѣки Липка не имѣлъ. Тоже курище изъ вербовой порохни, тоже обхожденіе съ бѣдною пчелою, которую и убивали и давили.—Бывало Липка хвалится: „О, пчолы мене знають! то дитки мои!“. Мы вѣрили ему, хотя часто при сборѣ роя видѣли, сколько онъ этихъ дитокъ своихъ закуритъ, задавитъ, а съ другой стороны, когда начнетъ обмахиваться, то эти-же дитки искусаютъ его жестоко... Ничего, дадутъ Липкѣ чарку водки, и все забыто. Никогда Липка не сердился на дитокъ своихъ.

Въ селѣ Чаговѣ съ незапамятныхъ временъ существовало *братство церковное*. Безъ формы на бумагѣ, съ которою тогда рѣдко встрѣчались, оно существовало и жило. Братчики часто сходились въ домѣ священника, или въ братерской хатѣ близъ церкви, разсуждая о церковныхъ дѣлахъ, по силѣ своей дѣлали пожертвованія на церковь, помогали бѣднымъ, смиряли упорныхъ, ослушныхъ власти родительской и церковной. Всѣ грѣхи противъ доброй нравственности, не подлежавшіе суду панскому и казенному, судились братскимъ судомъ. Для этого существовала прибитая къ колокольнѣ *куна*, родъ желѣзнаго пута, которымъ припутывали за руки осужденныхъ братскимъ судомъ для посрамленія предъ громадою. Липка, какъ пожилой и честнѣйшій человѣкъ, по большей части участвовалъ въ этихъ братскихъ сужденіяхъ.

Братерская хата имѣла еще и другое назначеніе: въ ней совершались громадскіе, или братерскіе *обѣды*, въ дни великихъ праздниковъ, храмовые, поминальные и т. п. Обычай древній и общій въ цѣломъ краѣ. Угощалось все село, угощали нищихъ и прохожихъ. Самые шумные обѣды бывали на *проводы* и на храмовые праздники. Въ Чаговѣ церковь построена во имя Святителя Христова Николая. Храмовой день два раза празднуютъ: весною 9 мая и въ началѣ зимы—6 декабря. Жители чаговскіе говорятъ: *у насъ*

два праздника: одинъ голодный, а другій—холодный. Одинъ, а то и оба чаговскіе храмовые праздники сопровождались, кромѣ обѣда, *сыченіемъ меду.* Какъ въ приготовленіи обѣда на праздники, такъ и въ варенiи меду Липка принималъ самое дѣятельное участіе. Во главѣ другихъ *„прихильныхъ до церкви святои“* мущинъ и женщинъ, собиралъ онъ по „куткамъ“ села зерно, муку, печеный хлѣбъ, яйца, отчасти и деньги, но въ особенности выручалъ громаду, когда надо было добыть гдѣ либо на сторонѣ хорошей водки, обойти или ублаготворить мѣстнаго жида-орандаря, который претендовалъ и за водку, не у него взятую, и за медъ, производилъ обыски въ самый обѣдъ и накладывалъ иногда большую пеню за нарушеніе откупа.

Живя въ своей хаткѣ и будучи такъ сказать бобылемъ, Тимко Липка готовъ былъ къ услугамъ каждаго, кто-бы ни потребовалъ ихъ отъ него. Особенно охотно онъ принималъ на себя услуги священнику по отсылкѣ дѣтей въ училище и доставкѣ ихъ домой на каникулы. У покойнаго чаговскаго священника *Григорія Кисилевича* было 5 сыновъ. Ихъ начинали возить въ школу съ 8-лѣтняго возраста. При непастьѣ, при морозѣ слѣдовало и приберечь этихъ птенцовъ. Липка тутъ былъ драгоцѣннымъ, не замѣнимымъ возницей и дядькой. Съ какою заботою, съ какою нѣжностію онъ обращался къ дѣтямъ: „а що вы, панычи, померзли? сидить тихо, ворушить пальцями, закрывайтесь!“ и тутъ же самъ окоченѣлыми руками связываетъ намъ рукава, закрываетъ, какъ умѣетъ лице, глаза. Конечно, въ Липкѣ было дорого не искусство его управлять лошадьми: тутъ онъ не придерживался никакихъ правилъ, пускалъ больше на волю Божью, не разбиралъ, какая горячая и какая лѣнивая лошадь, а такъ усядется, какъ попало, подниметъ кнутъ, завертитъ имъ въ воздухѣ и прикрикнетъ по мѣстному: „віо віо! Геття, геття! Ну голубятка“! И голубяткa понесутъ иной разъ, не разбирая ни рвовъ, ни бугровъ. Приходилось иногда и наѣхать на кого-нибудь; тутъ доставалось Липкѣ, особенно въ Кіевѣ отъ полицейскихъ. Но онъ съ гордостію припоминалъ такіе казусы: „що вы, дурни, знаете? говорилъ Липка молодымъ поселянамъ; отъ якъ бы васъ такъ вшкварывъ москаль по зäушкахъ, якъ мене колись“, и разскажетъ, гдѣ и какъ это случилось съ нимъ въ Кіевѣ. Но за то въ Липкѣ цѣнили его неподдѣльную честность, внимательный и

неусыпный досмотръ всего, что поручаемо было ему: лошадей, харчи, одежды, денегъ и дѣтей. Лѣтомъ мы не заѣзжали на постоялые дворы,—и не привычка, и разсчетъ,—а останавливались для корма лошадей и для ночлега на поляхъ, платя за выпасъ нѣсколько грошей, а то и ничего. Иногда ночуютъ нѣсколько повозокъ вмѣстѣ: образуется та́боръ, разводимъ огонь и варимъ галушки или кашу. Тутъ вяжутся безконечные разсказы, и лѣтняя теплая ночь быстро пролетаетъ. Липка и здѣсь, какъ на братерскихъ обѣдахъ: и огонь разведетъ, и воды добудетъ, и треноги съ казанкомъ установитъ, и на ко́ней посматриваетъ. Въ досмотрѣ лошадей на вольномъ корму было большое затрудненіе. Хорошо усмотрѣть за ними въ звѣздную, или лунную ночь, но случалось, застигнутъ насъ ненастье и холодъ: тогда, скорчившись, лежимъ подъ возами и часто однимъ дыханіемъ согрѣваемъ окоченѣвшіе члены. Тутъ нерѣдко и досмотрщики лошадей попадаютъ въ бѣду. Разсвѣтаетъ. Слышится крикъ: „ой, лихо! коней нема!“ Начинаются поиски; уѣзжаютъ всѣ. Остаются тѣ, у кого лошадей не стало. Не скоро найдутъ ихъ гдѣ либо въ сосѣднемъ селѣ, куда они взяты съ покосовъ или съ пашни. Тутъ начинаются поклоны, просьбы и за нѣсколько гривенъ выручаются наконецъ лошади. А то и хуже бывало, лошадей подцѣпитъ притаившійся гдѣ-либо въ оврагѣ воръ. Тутъ плачъ и бѣганье ничего не помогаютъ, и изыскиваются другія средства достаться къ мѣсту назначенія. Съ Тимкомъ и Липкою никогда такихъ казусовъ не случалось. Онъ не спускалъ лошадей съ глазъ своихъ; не спитъ бывало цѣлую ночь и развѣ ошибкою лошадь въ темнотѣ зайдетъ на какой-либо засѣвъ. Но и тутъ Липка то шуткою, то просьбою всегда выручитъ лошадей. Противъ его смиренной, добродушной просьбы нельзя было устоять. Изнурившись ночью отъ безсонницы, онъ бывало спитъ, сидя на повозкѣ, и сквозь сонъ и лошадей погоняетъ, и на вопросы наши отвѣчаетъ, а то предложитъ кому-либо изъ насъ взять „на часокъ“ возжи, что мы исполняли съ особымъ удовольствіемъ.

И такъ Липка возилъ дѣтей батюшки десятки лѣтъ въ школы и изъ школъ. И этого онъ не считалъ для себя тягостію, не домогался и платы за свои труды. „Що дасте, що милость,“ и ему даютъ нѣсколько злотыхъ и какую-нибудь мѣрку пашни. Эта случайная его профессія, эта функція, которую онъ отправлялъ разъ

шесть въ годъ, составляла его гордость: онъ чувствовалъ, что служитъ тѣмъ не просто *пану-отцю*, но всей громадѣ. „Ось побачите, говорилъ онъ не разъ съ самодовольствомъ предъ громадою, коли не вывожу вамъ попа.“ И когда одинъ изъ сыновей покойнаго Григорія Кисилевича, чрезъ нѣсколько лѣтъ по смерти отца, былъ посвященъ во священника села Чагова и Липка привезъ его въ родное село, тогда радости стараго возницы не было предѣловъ. Это былъ самый торжественный праздникъ его. И вообще въ этомъ, не наемномъ, но добровольномъ слугѣ было какое-то родственное отношеніе къ намъ. Мнѣ живо помнится и, кажется, я никогда не забуду того времени, когда Липка въ 1836 году пріѣхалъ въ Кіевъ съ харчами къ своимъ *поповичамъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ привезъ имъ печальное извѣстіе о смерти ихъ отца, а своего возлюбленнаго пастыря, *Григорія Кисилевича*. Вошелъ онъ въ комнату; мы его окружили, засыпали вопросами. Вмѣсто отвѣта—слезы брызнули изъ глазъ Липки. И долго онѣ лились, и долго онъ не могъ произнести ни слова... Все понято, слезы дѣтскія смѣшались съ слезами старика... Гдѣ теперь такіе слуги?

Такою-же привѣтливостію, такою-же добротою дышала и жена Липки, Варвара, или по просту *Варка*. Она сдѣлалась необходимою въ нѣломъ селѣ. Никто не могъ приготовить лучшаго обѣда, никто не ходилъ чище возлѣ *стравы*, никто не пекъ лучше курицы, какъ Варка. А потому гдѣ *хрестины*, весилля, или похороны,—непремѣнно уже Варка присутствовала тамъ въ качествѣ распорядительницы и собесѣдницы. Никогда ея услуга не была такъ полезна, какъ во время чьей-нибудь болѣзни. Она была утѣшительницею, лекаркою и сидѣлкой. Цѣлыя ночи она просиживала вмѣстѣ съ домашними у одра больнаго, и когда родные отъ скорби терялись, она принимала послѣдній вздохъ умирающаго. Въ послѣднее время ее приглашали въ качествѣ повивальной бабки, она и отъ этого не отказывалась, и сфера ея услугъ для ближнихъ разширилась. Она вездѣ была какъ своя—родная. Всегда ровная, безъ отягощенія, безъ капризовъ, она всѣмъ нравилась, всѣ ей довѣрялись. И такъ въ случаяхъ самыхъ торжественныхъ Тимко и Варка всегда у всѣхъ гостили, всегда и услуживали: одно съ другимъ соединялось. И такъ они проводили послѣдніе дни, дождавшись многочисленнаго потомства. Еще за жизни своей Липки теряли счетъ внуковъ и прав-

нуковъ. Цѣлый кутокъ въ Чаговѣ, по ихъ роду, названъ *Липковою,* и въ этомъ куткѣ еще и теперь болѣе или менѣе держатся давнихъ обычаевъ своихъ дѣдовъ. Въ праздникъ святаго Богоявленія, послѣ освященія воды на рѣкѣ, священникъ бывало прежде всѣхъ ходитъ съ св. водою въ Липковкѣ. Какъ старшіе представители своихъ родныхъ, дѣдъ Тимко и баба Варка въ первой хатѣ встрѣчали священника съ зажженнымъ трисвѣщникомъ. Послѣ окропленія св. водою дома и его обитателей, приглашали всѣхъ садиться и предлагали закуску, по большей части приготовленія Варки. Сходились ближайшіе сосѣди, ставилась на столъ водка и медъ—*Липецъ*, такъ славный въ мѣстечкѣ Линцахъ. Шло угощеніе, лилась бесѣда—тихая, какъ утренняя заря. Липка пускался въ воспоминанія: ни горечи, ни осужденія, ни ропота на судьбу въ его словахъ, но одна всеобъемлющая любовь. Не возможно передать его радости, упоенія сердечнаго и того глубокаго благоговѣнія, съ какимъ онъ прикладывался ко кресту, цѣловалъ руку отца духовнаго. Его настроеніемъ проникалась вся компанія, и если чарка изрѣдка переходила изъ рукъ въ руки, то только для большей сообщительности въ разговорѣ. Праздникъ и бесѣда вблизи пастыря для бѣдныхъ, удрученныхъ были истиннымъ наслажденіемъ. Тутъ былъ ихъ отдыхъ, утѣха, ободреніе.

Многое перемѣнилось въ Чаговѣ, какъ и вездѣ съ 19-го февраля 1861 года. Проникъ и сюда лучъ свободы и освѣтилъ бѣдную крестьянскую хижину; но по мѣрѣ того, какъ прорастаютъ на свободѣ и просторѣ добрыя старыя сѣмена, проглядываютъ кой-гдѣ и плевелы, въ видѣ *личной* только заботы, *личнаго* разсчета, нѣкотораго равнодушія къ тому, что не *мое*, нѣкотораго охлажденія къ дѣлу Божію, дѣлу ближняго, общественному. Умеръ между тѣмъ и старый батюшка *Григорій Кисилевичъ*, котораго чаговцы величали, какъ своего благодѣтеля; умеръ дѣдъ Липка, умерла и жена его Варка, эти послѣдніе, можетъ-быть, по крайней мѣрѣ очень рѣдкіе представители начерченнаго мною типа церковно-общественныхъ людей; умерли и три бывшіе *школяри*, которыхъ дѣдъ Липка возилъ въ школы и „вывозилъ на попы“... Что-то принесетъ намъ новая жизнь? Какіе новые, свѣтлые типы представитъ она намъ нъ замѣнъ отходящихъ, на которыхъ память останавливается съ невольнымъ уваженіемъ и любовію? Къ счастію, преданіе еще крѣпко въ Чаговѣ и жители его и

при новыхъ вѣяніяхъ не отстаютъ отъ него, и хотя проѣздъ въ Чаговъ и теперь иногда труденъ, за то его населеніе хранитъ и доселѣ многое изъ того, чѣмъ такъ богата была наша отживающая старина.

Протоіерей **Лука Кисилевичъ.**

М. Дашевъ.

КОНТРАКТЪ НА ПОСТРОЙКУ ЦЕРКВИ КОНЦА XVII В.

Этотъ рѣдкій и единственный извѣстный намъ документъ такого рода обязательно сообщенъ намъ А. М. Лазаревскимъ изъ его богатаго собранія древнихъ рукописей. Кромѣ имѣющихъ мѣстный интересъ свѣдѣній о церквахъ въ Глуховѣ и Стародубѣ, въ немъ привлекутъ вниманіе каждаго любителя старины и способъ постройки, и цѣна оной, и наглядное опредѣленіе ея размѣровъ и другихъ частностей. Никакого плана, ни фасада, ни разрѣзовъ продольныхъ или поперечныхъ, никакого вообще чертежа и рисунка и чего-либо напоминающаго наши такъ прославившіяся смѣты. Строится между тѣмъ церковь каменная, воздвигается она въ Глуховѣ, въ одномъ изъ значительныхъ городовъ Малороссіи, въ резиденціи потомъ гетманской. Постройка сдается огуломъ не мѣстному, а захожему мастеру Ефимову, который строилъ тогда-же церковь въ Стародубѣ. И условіе одно общее: какъ тамъ строилъ, такъ и здѣсь строй: только тутъ вотъ шире, или уже, тамъ длиннѣе или выше. А Ефимовъ строилъ по какому-то ему извѣстному образцу, который онъ заимствовалъ, конечно, оттуда, откуда самъ пришелъ. Что это за архитектура, никто, конечно, и представленія имѣть не можетъ, если не видѣлъ самыхъ церквей въ Глуховѣ и Стародубѣ.

Наша южно-русская архитектура вообще дѣло темное и совсѣмъ не початое. Не только какихъ-нибудь выводовъ, принятыхъ положеній въ этой области не существуетъ, но даже снятыхъ образцовъ, памятниковъ, научнаго матеріала мы почти не имѣемъ, если не разумѣть церквей древняго, княжескаго періода. Но кому случалось проѣзжать по Россіи, особливо лѣтъ 40—50 назадъ, и присматриваться хотя мелькомъ къ тому, что попадалось на пути, того вниманія не могли не обратить на себя слѣдующія два явленія: во 1-хъ обиліе каменныхъ церквей на сѣверѣ и малочисленность ихъ на югѣ Россіи, и во 2-хъ нѣкоторое однообразіе стиля послѣднихъ и отсутствіе въ нихъ чего-либо оригинальнаго, а съ другой стороны большое разнообразіе и подъ-часъ зна-

чительное изящество въ постройкѣ деревянныхъ церквей въ Малороссіи.

По малому числу данныхъ относительно нашей архитектуры XVII и XVIII ст., по неразработанности ихъ, иногда просто по отсутствію готовыхъ образцевъ, трудно съ точностію объяснить указанные факты, но намъ кажется, что разъясненія ихъ надо искать въ болѣе раннемъ періодѣ нашей исторіи. Еще при Ярославѣ приходили въ Кіевъ хоромы строить плотники новгородскіе, а церкви строили мастера греческіе. Строительному искусству мы, южане, и послѣ не скоро научились: къ каменнымъ постройкамъ такъ и доселѣ не навыкли, а когда освоились съ деревянными, то привнесли въ нихъ свой вкусъ и стиль, которые, по раздробленности южныхъ частей Россіи въ то время и разнообразнымъ на нихъ вліяніямъ, проявились въ своемъ развитіи и примѣненіи большимъ разнообразіемъ. Какъ-бы ни было, но помѣщаемый нами документъ, въ связи съ приведенными обстоятельствами, указываетъ, по нашему мнѣнію, на то, что памятниковъ нашей южно-русской церковной архитектуры мы должны искать скорѣе въ уцѣлѣвшихъ еще деревянныхъ, нежели каменныхъ церквахъ XVII—XVIII в., а по рѣдкости и недолговѣчности первыхъ—спѣшить сохраненіемъ ихъ рисунковъ для исторіи.

„Року 1692 мѣсяца октоврия 24 дня. Контрактъ зъ каменщикомъ п. Матвѣемъ Еѳимовичомъ учиненный на мурованне церкви святого архистратига Михайла въ Глуховѣ. Образъ и подобіе, якъ маетъ муроватись церковъ святого архистратига Михаила въ Глуховѣ: широта и долгота тоей церкви, такъ самое середини или капули, якожъ тежъ въ олтарѣ и предѣлехъ обоихъ боковъ, таковая маетъ быти и таковымъ подобіемъ, якъ церковъ святителя Христова Николая, новомуруючаяся въ Стародубовѣ, майстерствомъ сего-жъ майстра здѣлана, окромъ паперти лѣтѣйной; паперть лѣтѣйная напередѣ маетъ быти у глуховское церкви ширшая аршиномъ и должшая аршиномъ однимъ и вишшая сажнемъ надъ паперть стародубское церкви, и маетъ лѣтѣйной папертѣ баня ровна быти зъ олтарнею банею, а не такъ, якъ у Стародубовѣ; высота церкви святого архистратига Христова Михаила въ Глуховѣ маетъ быти самая капуля сажнемъ у гору вышшая одъ церкви стародубовской, и маютъ быти въ церкви глуховской въ стѣнахъ самой середини надъ окна стародубовской церкви другие окна круглие, олтаръ также вышшый квадруючийся до середины или до копули; предѣли

висотою двома аршинами вышше отъ предѣлъ стародубовской церкви, склепъ повиненъ быти въ глуховской церкви также въ лѣтѣйной паперти, яко и въ стародубовской. Контрактъ на Глуховскую церковъ таковый: Матвѣй Ѳѳимовичъ мастеръ стародубовской церкви, маючій муровати у Глуховѣ церковъ, повиненъ онъ своимъ кирпичемъ, своею вапною, своимъ желѣзомъ, своимъ каменемъ, своимъ пѣскомъ и водою, всѣмъ тымъ своимъ коштомъ маетъ выставити глуховскую церковъ и зъ челядю своею и всю тую мастерию своима подводами повиненъ до церкви возити. Докладаемъ, же вапну и цеглу своимъ коштомъ и своими дровами палити маетъ. За тотъ увесь коштъ изо всѣмъ маемъ, якъ виставитъ церковъ глуховскую ведлугъ описаня сего, дати ему Матвѣю Евѳимовичу готовыхъ денегъ шесть сотъ рублей копѣйками, а пятъ сотъ рублей чехами, всей суммы одинадцять сотъ рублей. Харчи ликгоменное дати ему тридцять осмачокъ муки житное, пять осмачокъ крупъ розныхъ, пять пудъ сала, шесть пудъ соли. Деревню до тоей церкви на риштоване и до ѳундаментовъ, если-би треба, того всего обецуютъ достатчити его мил. п. Михайло Миклашевскій, полковникъ стародубовский, такъ тежъ и на сарай деревни вивезти, а Матѳей Евѳимовичь самъ будовати сарай зъ деревни готовое повиненъ, если-бы ихъ треба. До которого нашого контракту, умовленого ми урядъ: Василий Ѳедоровичъ, сотникъ глуховский, Кондратъ Грудяка, атаманъ городовий, зо всѣмъ урядомъ, для ствержења лѣпшого печать свою приложили.

(Изъ вѣчистой книги 1692 г. старод. маг.).

ДНЕВНИКЪ

ГЕНЕРАЛЬНАГО ХОРУЖАГО

НИКОЛАЯ ХАНЕНКА

1727—1753 Г.

Приложеніе къ журналу «Кіевская Старина.»

1884.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. **Корчакъ-Новицкаго**, Михайловская улица, с. домъ.

ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА.

(1727—1753 г.).

Дневникъ генеральнаго хоружаго Николая Ханенка, вмѣстѣ съ дневникомъ Якова Марковича, представляютъ собою два важнѣйшіе памятника для изученія исторіи Малороссіи средины XVIII в., когда политическая жизнь этой страны начала терять свои самобытныя формы и стала сливаться съ общерусскою жизнью. О существованіи дневника Н. Ханенка спеціалисты знаютъ уже лѣтъ тридцать, но интересъ нашъ къ историческимъ памятникамъ настолько не великъ, что объ изданіи его заботился одинъ только приснопамятный для малороссійской исторіографіи О. М. Бодянскій. Однакожъ и Бодянскому удалось напечатать лишь часть этого дневника, касающуюся первой половины 1722 г. и составляющую отдѣльное цѣлое [1]). Затѣмъ думалъ, говорятъ, о напечатаніи дневника Ханенка издатель „Русскаго Архива", но и эти думы не сбылись. Наконецъ изданію этого памятника суждено осуществиться на страницахъ «Кіевской Старины», чѣмъ исполняется давнишнее желаніе всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ возможность познакомиться съ нимъ въ рукописи.

Авторъ „Дневника"—генеральный хоружій Николай Ханенко принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени. Мы не будемъ говорить о происхожденіи Ханенковъ послѣ тѣхъ свѣдѣній по этому предмету, которыя собраны Бодянскимъ и помѣщены въ его

[1]) «Діаріушъ или журналъ случающихся при дворѣ п. Іоанна Скоропадскаго гетмана оказій и церемоній, такожъ и въ канцеляріи войсковой отправуемыхъ дѣлъ, начеишійся 1722 году и окончешный въ томъ-же году, въ мѣсяцѣ іюлѣ».— Чтенія въ моск. общ. ист. и др., 1858 г., кн. 1.

предисловіи къ „Діаріушу“; изъ этихъ свѣдѣній, основанныхъ преимущественно на семейныхъ преданіяхъ, видимъ, что отецъ Николая Ханенка—Данило Лаврентьевичъ былъ родной племянникъ извѣстнаго правобережнаго гетмана Михайла Ханенка. Послѣдній, отказавшись отъ гетманства въ 1674 г., сначала жилъ въ Кіевѣ, а потомъ перешолъ на лѣвый берегъ Днѣпра и оселился здѣсь, какъ кажется, въ Лубенскомъ полку въ г. Лохвицѣ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Яковомъ [2]). Вмѣстѣ съ нимъ конечно перешли на лѣвый берегъ Днѣпра и братья его—Сергѣй и Лаврентій. Старшій сынъ послѣдняго—Данило былъ женатъ, по семейному преданію, на дочери Ивана Ломиковскаго, бывшаго генеральнымъ писаремъ у Михайла Ханенка, когда тотъ былъ поставленъ отъ поляковъ гетманомъ. Затѣмъ когда Ханенки перешли на лѣвый берегъ Днѣпра, съ ними перешолъ вмѣстѣ и Ломиковскій; здѣсь онъ поступилъ сначала въ „дворяне“ къ гетману Самойловичу, а при преемникѣ его вступилъ въ кругъ генеральной старшины и пользовался особымъ довѣріемъ Мазепы, особенно когда съ 1700 г. сталъ генеральнымъ обознымъ. Свойство Данила Ханенка съ такимъ человѣкомъ должно было выдвинуть его изъ ряда „значковыхъ товарищей“, въ число которыхъ необходимо входилъ Данило Ханенко уже за одно свое родство съ какимъ ни на есть, но все гетманомъ—Михайломъ Ханенкомъ. Отъ этого брака и родился въ 1691 г. авторъ дневника [3]). По семейному преданію, отецъ Николая Ханенка убитъ былъ при взятіи Кизикерменя (1697 г.), а мать его умерла по тому же

---

[2]) Акты юго-западной Россіи, XII, 409. Въ библіотекѣ церковно археологическаго музея при кіевской духовной академіи, въ числѣ документовъ кирилловскаго монастыря, имѣется дарственная запись 1676 г., по которой Михайло Ханенко, живя въ Лохвицѣ, подарилъ кирилловскому монастырю «кгрунтъ свой въ Киевѣ при монастиру брацкомъ лежачій, купленный у п. Криштофа Искрицкаго». Запись подписана Михайломъ Ханенкомъ совмѣстно съ сыномъ его Яковомъ такъ: «сію карту, при печати моей, рукою моею я и сынъ мой подписуемъ». Означенный актъ, дающій единственное до сихъ поръ свѣдѣніе о жизни Михайла Ханенка на лѣвомъ берегу Днѣпра, указанъ въ Описаніи рукоп. музея, Н. Петрова, стр. 185. Съ этого акта и взято факсимиле Михайла Ханенка, приложенное къ изданію Вл. А. Беца: Историческіе Дѣятели юго-западной Россіи.

[3]) На одной изъ иконъ, находящихся въ церкви с. Городища, стародубскаго уѣзда, имѣется такая надпись: Nicolaus Chanenco signifer generalis parvae

преданію, еще раньше; такъ что Н. Ханенко остался сиротою въ младенчествѣ и взятъ былъ на воспитаніе въ семью дѣда Ломиковскаго [4]). Если преданіе не ошибается, то отсюда Николай Ханенко поступилъ въ кіевскую академію, гдѣ учился вмѣстѣ съ Яковомъ Марковичемъ [5]). Но кіевская академія должно быть не вполнѣ удовлетворила пытливый умъ Николая Ханенка, такъ какъ онъ ученіе свое доканчивалъ въ львовской академіи [6]). Ученіе свое Ханенко окончилъ, должно быть, въ 1710 г., такъ какъ обыкновенно въ этомъ возрастѣ оканчивали курсъ кіевскіе академисты. Въ это время той семьи, изъ которой Ханенко пошолъ въ школу, уже не существовало: дѣдъ его Ломиковскій ушелъ въ 1708 г. за Мазепою и затѣмъ, послѣ полтавскаго сраженія, бѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Турцію, гдѣ по смерти Мазепы оселился въ Ясахъ [7]). Изъ дѣтей Ломиковскаго выпутался изъ бѣды одинъ старшій сынъ его—Иванъ,

---

Russiae, natur die 30 novembr. an. 1691, obiit in Deo die 27 m. ianuarii an. 1760. Iuliana de domo Koreska, uxor ejus, nata die 28 iulii an. 1715, obiit in Deo die 29 decembr. an. 1775. Описаніе черниговской епархіи, VII, 56.

[4]) Такъ говоритъ Бодянскій на основаніи семейнаго преданія, въ предисловія къ Діаріушу (VII), а правнукъ Николая Ханенка, Михайло Ивановичъ Ханенко, напечатавшій часть бумагъ прадѣда въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1852 г., говоритъ (№ 33, стр. 338), что «неизвѣстно, чьей заботливости былъ обязанъ Николай Дмитріевичъ Ханенко своимъ воспитаніемъ». Думаемъ что естественнѣе всего было заботиться о воспитаніи Николая Ханенка его бабкѣ, вдовѣ Лаврентія Ханенка, которая была жива еще въ 1704 г., какъ видно изъ универсала Мазепы этого года: «просила насъ п. Анна Лищанка, Ханенчиха съ сыномъ своимъ п. Федоромъ Ханенкомъ, на тотъ часъ сотникомъ козелецкимъ, о ствержене въ владѣніе ей селца Соловьевки, недалеко Хвастова будучого, по небожчику Лищѣ, дядку ей рожопомъ, ей належного». Упоминаемый здѣсь Федоръ Ханенко былъ родной дядя Николая Ханенка, такъ какъ онъ называетъ послѣдняго «роднымъ братаничемъ своимъ" (Діаріушъ, VI).

[5]) Яковъ Марковичъ называлъ Ханенка «кондисципуломъ» (II 364).

[6]) Въ фамильномъ архивѣ Ханенка еще въ 1852 г. хранились аттестаты, выданные Николаю Ханенку, какъ изъ кіевской, такъ изъ львовской академій. Черниговскія Губернскія Вѣдомости, 1852 г., № 33.

[7]) См. духовное завѣщаніе Ивана Ломиковскаго въ Молодинѣ на 1844 г., (Харьковъ. 1843 г.) стр. 71—85. Бодянскій ошибается (Діаріушъ, VII), говоря, что Ломиковскій былъ прощенъ Петромъ В. Былъ прощенъ старшій сынъ его, тоже Иванъ.

благодаря тому, что женатъ былъ на дочери Апостола. Слѣдуетъ думать, что отчасти при помощи родства съ Апостолами, а отчасти по старой пріязни гетмана Скоропадскаго къ Ломиковскому, выдвинулся по службѣ и питомецъ послѣдняго—Ханенко. Скоропадскій и Ломиковскій были земляками—оба выходцы изъ-за Днѣпра и служили вмѣстѣ у Мазепы. Николай Ханенко, по его словамъ, началъ службу съ 1710 г., сначала въ рядахъ войска, а съ 1717 г. поступилъ въ генеральную канцелярію [8]). Здѣсь его способности скоро были замѣчены, такъ какъ Ханенко былъ искуснымъ „редакторомъ", выражаясь по нынѣшнему, а такіе люди въ канцеляріяхъ всегда имѣютъ цѣну. Въ 30 лѣтъ отъ роду (1721 г.) Н. Ханенко становится уже „старшимъ канцеляристомъ", т. е. главнымъ помощникомъ генеральнаго писаря по управленію генеральною канцеляріею. Должность старшаго канцеляриста или „реента" пользовалась большимъ значеніемъ и ее обыкновенно занимали близкіе къ гетману люди. Значеніе Ханенка и близость его къ Скоропадскому видны изъ напечатаннаго Бодянскимъ „Діаріуша", который велъ старшій канцеляристъ съ начала 1722 г. до „окончанія жизни" Скоропадскаго и гдѣ подробно описана послѣдняя поѣздка этого гетмана въ Москву.

По смерти Скоропадскаго, Ханенко съумѣлъ сохранить свое положеніе и скоро сталъ довѣреннымъ человѣкомъ у Полуботка, излагая на бумагѣ всѣ тѣ распоряженія, которыя диктовалъ ему черниговскій полковникъ, мытаясь отстоять „давнины". Насколько Полуботокъ цѣнилъ Ханенка, это видно изъ того, что не кого иного, а Ханенка онъ выбралъ для посылки къ царю „вѣстительныхъ грамотъ" о смерти Скоропадскаго, которыя тотъ и отвезъ Петру В., находившемуся въ это время въ терковскомъ походѣ. Вообще, какъ видно, Ханенко былъ у Полуботка подручнымъ человѣкомъ при исполненіи болѣе важныхъ распоряженій. Служебныя способности Ханенка Полуботокъ рѣшился наградить даже маетностями. Хотя малороссійская коллегія не признавала за Полуботкомъ права распоряжаться послѣдними, какъ распоряжались гетманы, и противъ этого трудно было и

---

[8]) Сказка о службахъ Николая Ханенка, напечатанная въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1852 г. № 33, стр. 340.

спорить; но у Полуботка было два-три человѣка такихъ, службу которыхъ трудно было наградить чѣмъ другимъ, кромѣ маетностей; въ числѣ ихъ былъ и Ханенко. Послѣднему маетности даны были на томъ основаніи, что будто-бы это дѣлалось по приказу умершаго Скоропадскаго. Такъ говоритъ самъ Ханенко, получивъ въ апрѣлѣ 1723 г. отъ Полуботка два погарскія села—Перегонъ и Дешковичи: „мнѣ оныя деревни, Перегонъ съ Дешковичами, опредѣлены съ приказу гетмана Скоропадскаго, въ награжденіе за наслѣдственныя наши (т. е. предковъ Ханенка) по той сторонѣ Днѣпра маетности, отшедшія въ польскую державу, универсаломъ старшины генеральной въ 1723 г., апрѣля 2 числа“ [9]). Разумѣется, при этомъ генеральной старшинѣ, т. е. Полуботку, приходилось вѣрить на слово, что онъ, отдавая Ханенку Перегонъ и Дешковичи, дѣлалъ это во исполненіе посмертной воли Скоропадскаго; но другого предлога для награжденія маетностями Полуботокъ не умѣлъ да и не могъ найти, такъ какъ самъ права на раздачу маетностей не имѣлъ. Расторопностью Ханенка Полуботокъ хотѣлъ воспользоваться и въ самый критическій для него моментъ: получивъ указъ о своемъ, вмѣстѣ съ Савичемъ и Чернышомъ, вызовѣ въ Петербургъ въ концѣ мая (1723 г.), Полуботокъ придумалъ послать депутацію, которая должна была явиться къ царю отъ имени „всего народа“ и отъ имени послѣдняго представить царю челобитную, главнымъ содержаніемъ которой было то ходатайство объ избраніи гетмана, которымъ такъ болѣлъ Полуботокъ. Эта депутація должна была предварить пріѣздъ Полуботка въ Петербургъ и показать царю, что тѣ настойчивыя напоминанія Полуботка объ избраніи новаго гетмана, съ которыми онъ уже нѣсколько разъ, послѣ смерти Скоропадскаго, обращался къ царю и его приближеннымъ, основывались на общемъ желаніи народа. Депутацію эту пришлось снарядить на спѣхъ: получивъ указъ о вызовѣ въ Петербургъ 22 мая, Полуботокъ наскоро снарядилъ депутацію „отъ всего народа“, состоявшую всего изъ пяти человѣкъ, которую и выправилъ въ Петербургъ 24 мая [10]). Въ числѣ депутатовъ находился

[9]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ стародубскаго полка 1729 года, рукопись.

[10]) Подробности см. въ Русскомъ Архивѣ 1880 г., кн. I, 178—181.

и Николай Ханенко, на способности котораго въ умѣніи подойти къ сильнымъ людямъ Полуботокъ главнымъ образомъ и возлагалъ свои надежды.

Никакихъ желательныхъ для Полуботка результатовъ Ханенко, разумѣется, не могъ добиться, а дождавшись Полуботка въ Петербургѣ, сталъ и здѣсь главнымъ его секретаремъ. Когда Петръ В., разгнѣванный поданными отъ Полуботка 13 сентября (1723 г.) челобитными [11]), задумалъ послать въ Малороссію А. И. Румянцева для разслѣдованія, насколько народъ участвовалъ въ этихъ челобитныхъ, Полуботокъ хотѣлъ предупредить оставшуюся въ Глуховѣ старшину о пріѣздѣ Румянцева, для чего поручилъ Ханенку составить подробную „меморію“ — что̀ дѣлать въ виду прибытія Румянцева. Эту меморію долженъ былъ отвезти въ Малороссію бунчуковый товарищъ Быковскій; но не успѣлъ послѣдній выѣхать изъ Петербурга, какъ привезены были изъ Малороссіи, отъ Апостола, новыя челобитныя, слѣдствіемъ которыхъ былъ немедленный арестъ Полуботка и его товарищей; всѣхъ ихъ заключили „въ каменный замокъ петербургскій“. Въ числѣ арестованныхъ былъ и Ханенко. Дѣло Полуботка кончилось вмѣстѣ съ смертью Петра В. Указомъ 8 февраля 1725 г. [12]) арестованные малороссіяне были освобождены изъ подъ ареста, при чемъ большинству изъ нихъ назначено было жить безвыѣздно въ Петербургѣ, а Ханенку кромѣ того указывалось „быть въ гарнизонной школѣ учителемъ дѣтей офицерскихъ и солдатскихъ“. [13]) Это назначеніе Ханенка показываетъ, что и въ Петербургѣ на него смотрѣли какъ на человѣка, выдѣляющагося изъ среды другихъ своимъ образованіемъ.

Бодянскій говоритъ (Діаріушъ, IX), что сохранилось преданіе, что Ханенка „водили даже изъ крѣпости во дворецъ давать кому-то уроки“. Не знаемъ, на сколько это преданіе вѣрно, но несомнѣнно, что Ханенко въ Петербургѣ заслужилъ такое благорасположеніе властей, что его отпустили оттуда уже въ 1726 г. и отпустили съ исключительною милостью. Мы уже говорили, при какихъ условіяхъ Ханенко получилъ

[11]) Т. Ж., 198—199.
[12]) Полное Собр. Зак., VII, № 4651.
[13]) Марк. I. 68.

отъ Полуботка двѣ деревни около Погара: когда Ханенка арестовали въ Петербургѣ, малороссійская коллегія распорядилась эти деревни отобрать изъ владѣнія Ханенка, причемъ они были отданы въ завѣдываніе одного изъ бунчуковыхъ товарищей. Возвратить эти деревни Ханенку было трудно, такъ какъ тотъ актъ, по которому онъ ихъ получилъ, правительство не признавало законнымъ. Тѣмъ не менѣе отпуская Ханенка изъ Петербурга, за нимъ признали право и на возвращеніе въ его владѣніе Перегона и Дешковичей. Въ своемъ „доношеніи, поданномъ въ полковое стародубское правленіе въ 1729 г., при „генеральномъ слѣдствіи о маетностяхъ", Ханенко пишетъ, что, за отъѣздомъ его въ Петербургъ, малороссійская коллегія тѣ деревни отдала во владѣніе Парфена Пекалицкаго, а за „прибытіемъ моимъ" изъ С.-Петербурга въ 1726 года, *за указомъ* до коллегіи малороссійской *сенацкимъ*, паки оніе деревнѣ стали мнѣ прислушать». Кромѣ возвращенія деревень, Ханенку сдѣланы были въ Петербургѣ и другія обѣщанія; это видно изъ того, что поѣхавъ туда въ началѣ 1727 года, онъ подаетъ въ сенатъ „челобитную о чинѣ", при чемъ должно быть разумѣлось стародубское судейство, которое онъ и получилъ въ концѣ того года, поддержанный въ своемъ ходатайствѣ Апостоломъ. Послѣдній настолько цѣнилъ въ Ханенкѣ его секретарскія способности, что считалъ его какъ-бы необходимымъ спутникомъ при своихъ поѣздкахъ въ Москву. Получивъ неожиданно, напр., 2 января 1728 года, указъ иностранной коллегіи о немедленномъ прибытіи въ Москву къ готовившемуся бракосочетанію Петра II, гетманъ въ тотъ же день послалъ „указъ до судіи полкового стародубского Николая Ханенка и бунчукового товарища Петра Корецкого, дабы за полученіемъ онаго денно и нощно съ Стародуба къ Москвѣ спѣшили, а для пропитанія въ Москвѣ взять Ханенку 60 рублей, да на подъемъ ему-жъ и Корецкому 40 рублей [14]).

Пробывъ десять лѣтъ на урядѣ судейства, Ханенко въ 1738 году получилъ урядъ полковаго обознаго, на которомъ оставался тринадцать лѣтъ, пока въ 1741 году не поставленъ былъ генеральнымъ бунчужнымъ. Мы не будемъ говорить о дальнѣйшей службѣ Ханенка, о коей гово-

[14]) Рукописный журналъ генеральной канцеляріи за 1728 г.

рять какъ „Сказка о службахъ“ его [15]), такъ и Дневникъ, а обратимся къ частной жизни автора Дневника.

Выпросивъ себѣ первыя маетности въ стародубскомъ полку и получивъ въ этомъ-же полку судейство, Ханенко тамъ-же нашелъ себѣ и жену. Женился онъ на дочери бунчуковаго товарища Петра Корецкаго. Корецкій былъ человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, составившій себѣ положеніе женитьбою на одной изъ дочерей стародубскаго полковника Михаила Миклашевскаго. Всего вѣроятнѣе, что Корецкій былъ выходецъ изъ праваго берега Днѣпра, пришедшій на лѣвый берегъ искать счастья. Здѣсь онъ пріютился въ Стародубѣ около Миклашевскаго, который, какъ и прочая высшая старшина въ Малороссіи, любилъ окружать себя подобными выходцами, которые въ такомъ положеніи назывались „дворянами“. Были „дворяне“ гетманскіе, были и полковничьи. У Миклашевскаго было нѣсколько дочерей; одна изъ нихъ, Настасья, была замужемъ за бунчуковымъ товарищемъ Андреемъ Гамалѣею, сыномъ и братомъ генеральныхъ урядниковъ [16]). Это былъ одинъ изъ видныхъ богачей стародубскаго полка. Въ 1706 г. Миклашевскій былъ убитъ при осадѣ Несвижа; вмѣстѣ съ нимъ убитъ былъ и зять его Гамалѣя. На вдовѣ послѣдняго женился Петръ Корецкій и этою женитьбою составилъ себѣ положеніе; при Скоропадскомъ онъ сталъ уже бунчуковымъ товарищемъ и получилъ отъ него нѣсколько маетностей. У Корецкаго, кромѣ двухъ сыновей, Федора и Александра, была дочь Ульяна, на которой и женился Ханенко. Этою женитьбою Ханенко породнился со всѣми богачами Стародубщины: Миклашевскіе, Шираи, Скорупы, Галецкіе, Максимовичи - были близкою роднею Ульяны Корецкой. Вмѣстѣ съ женитьбою, Ханенко получилъ отъ Апостола въ 1732 г. новыя маетности (села Чубаровъ и Куровъ) и вмѣстѣ съ послѣдними пріобрѣталъ уже такіе матеріальные достатки, какими обладали и стародубскіе его свойственники. Отъ брака съ Корецкою, Ханенко имѣлъ трехъ сыновей и пять дочерей. Старшій сынъ—Петръ умеръ въ дѣтствѣ, а два другіе, Василій и Иванъ, выросли. Получивъ

---

[15]) «Сказка о службахъ» Николая Ханенка напечатана въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1855 г., № 33.

[16]) См. Русскій Архивъ 1872 г., I, 489.

самъ образованіе довольно солидное для того времени, Ханенко хотѣлъ дать дѣтямъ образованіе еще лучшее; кіевская академія повидимому его уже не удовлетворяла и онъ задумалъ старшаго сына отправить для ученія въ одинъ изъ заграничныхъ университетовъ. Это намѣреніе Ханенка тѣмъ большее останавливаетъ на себѣ вниманіе, что онъ при этомъ думалъ объ университетахъ нѣмецкихъ. Заграничное воспитаніе для малороссіянъ первой половины XVIII в. было не рѣдкость; но оно ограничивалось преимущественно тогдашними польскими школами (Львовъ, Вроцлавъ и друг.), нѣмецкіе-же университеты оставались для малороссіянъ неизвѣстными до половины XVIII в. Въ нѣмецкіе университеты первый направилъ своихъ дѣтей, кажется, Михаилъ Васильевичъ Скоропадскій, зять Апостола. Но Скоропадскій былъ однимъ изъ первыхъ богачей въ Малороссіи, до котораго Ханенку было еще далеко. Поэтому рѣшеніе Ханенка отправить своего сына въ нѣмецкій университетъ показываетъ, какъ высоко этотъ человѣкъ цѣнилъ образованіе. Взглядъ Ханенка на цѣль и значеніе образованія изложенъ имъ въ „увѣщаніи“, которое написалъ онъ сыну Василію предъ отправленіемъ его за границу: „обучаться-же тебѣ“, писалъ Ханенко сыну, „латинскаго и французскаго языковъ, не забывая и нѣмецкаго, а если допуститъ время, хотя и другихъ какихъ: и такой успѣхъ въ оныхъ стараться получить, чтобъ могли еси чинно и свободно оными разговаривать и самымъ изряднымъ стилемъ писать, найпаче-же и всякихъ высокихъ авторовъ на тыхъ языкахъ не токмо читать, но и переводить и толковать былъ-бы еси достаточенъ; а сверхъ языковъ долженъ еси обучаться совершенно церковной и свѣтской, генеральной и партикулярной исторіи, тако-жъ ученію поэтики, реторики съ стилемъ, логики, физики и метафизики, хотя по части да отъ математики, ариѳметики, логистики и астрономики, геометріи, тригонометріи и геометріи практики, то есть геодезіи, архитектуры воинской и гражданской, географіи, этики, экономики, политики, юриспруденціи и механики, да и протчаго; въ томъ числѣ хотя-бы какого и художества честнаго, напримѣръ фехтуры, т. е. живописства, музыки, либо какого другаго майстерства, что честному и ученому человѣку къ знанію и искуству благопристойно; чему-же изъ вышенаписанныхъ наукъ, либо художествъ,

обучатися будешь, то старайся, что-бъ въ томъ ученіи и искусствѣ получить тебѣ совершенную теорію и практику: дабы за возвращеніемъ твоимъ въ отечество наше показалъ еси въ самой вещи, яко не всуе въ чужихъ краяхъ было твое обращеніе и въ наукахъ не напрасно потеряно твое время“ [17]).

Слѣдуетъ думать, что „увѣщаніе“ написано было безъ всякой помощи со стороны какого нибудь профессіональнаго педагога, и тогда мы должны признать, что Ханенко, и по окончаніи своего ученія въ школахъ, продолжалъ учиться самъ—чтеніемъ тогдашняго литературнаго обихода и довелъ это ученіе до того, что могъ считаться однимъ изъ образованнѣйшихъ малороссовъ половины XVIII в.. Отправивъ сына за границу, Ханенко велъ съ нимъ непрерывную переписку, которая заслуживаетъ быть изданною, какъ интересный матеріалъ для исторіи мѣстной культуры [18]). Съ младшимъ сыномъ, Иваномъ, Ханенко повидимому не хотѣлъ разставаться и заботился о томъ, нельзя-ли ученіе его устроить дома. Въ концѣ 1756 г. Ханенко пишетъ къ старшему сыну, находившемуся въ это время въ Кіевѣ: „Не можно-ли тамъ достать какого добраго учителя, чтобъ сюда (въ Глуховъ) къ намъ выѣхалъ и *завелъ гимназію*, который здѣсь, собравши учениковъ, хоча съ 10, можетъ хорошую имѣть пенсію, ибо отъ всякой персоны можетъ получать по 3 рубли въ мѣсяцъ, что чрезъ годъ учинитъ ему доходу триста рублей, а сверхъ того и квартера дастся“. Но это желаніе Ханенка не осуществилось и черезъ два года (въ декабрѣ 1758 г.) младшій сынъ его отправленъ былъ для воспитанія въ Петербургъ, гдѣ, при посредствѣ Разумовскаго, Иванъ Ханенко учился подъ руководствомъ академика Модераха. Разумовскій вообще благоволилъ къ Ханенку, цѣнилъ въ немъ ту опытность въ дѣлахъ, которой именно самъ не имѣлъ. Вслѣдъ за утвержденіемъ своимъ на гетманствѣ, Разумовскій взялъ Ханенка къ себѣ правителемъ учрежденной имъ „походной“ канцеляріи. А по прибытіи въ Малороссію новый гетманъ поставилъ во главѣ генеральной канцеляріи его-же Ханенка вмѣстѣ съ Петромъ Апо-

---

[17]) Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1852 г., № 34.

[18]) Часть писемъ къ Николаю Ханенку изъ заграницы напечатана въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 18[illegible]2 г.

столомъ и Василіемъ Гудовичемъ. Служба Ханенка награждена была универсаломъ 13 января 1752 г., по которому Разумовскій далъ ему села и деревни: Комань, Лѣсоноги, Юхновъ, Городище, Чаусы, Случевскъ, Дарѣевскъ, Сопычи, Муравьи и Подище [19]).

Но старые дѣльцы не долго пользовались значеніемъ у Разумовскаго; они скоро были оттѣснены молодымъ генеральнымъ обознымъ Семеномъ Кочубеемъ, который вмѣстѣ съ Тепловымъ получили первенствующее значеніе въ управленіи Малороссіею. Къ старымъ дѣльцамъ Разумовскій обращался лишь по временамъ, поручая имъ завѣдываніе дѣлами, когда напр. уѣзжалъ въ Малороссію. Службу Ханенка Разумовскій хотѣлъ наградить, кромѣ маетностей, еще и повышеніемъ въ чинѣ: въ 1759 г. будучи въ Петербургѣ, гетманъ представлялъ о назначеніи Ханенка генеральнымъ писаремъ, причемъ, въ виду его старости, хотѣлъ имѣть двухъ генеральныхъ писарей, указывая другаго писаря въ лицѣ Якова Тарновскаго [20]). Но прежде, чѣмъ гетманское представленіе было разсмотрѣно, Ханенко умеръ. Умеръ онъ въ январѣ 1760 г., въ Глуховѣ, гдѣ оставался при правленіи дѣлъ, вмѣстѣ съ другимъ генеральнымъ старшиною, на время отсутствія Разумовскаго. Оставшіеся сыновья Ханенка, Василій и Иванъ, получили отъ отца настолько значительное наслѣдство, что становились одними изъ первыхъ богачей въ Малороссіи [21]). Въ 1783 г., за младшимъ, Иваномъ Ханенкомъ было записано 1322 крест. обоего пола, въ селахъ и деревняхъ: Городищѣ, Перегонѣ, Денковичахъ, Чубаровѣ, Куровѣ и Васильевкѣ. У старшаго, Василія Ханенка было конечно не менѣе; имѣнія его въ это время находились въ селахъ: Дарѣевскѣ, Чаусахъ, Случевскѣ, Сопычахъ, Лѣсоногахъ, Лукинѣ, Муравьяхъ, Комапѣ, Юхновѣ, Лотакахъ,

---

[19]) Обозрѣніе Румянцевской Описи, стр. 802. Кромѣ этихъ имѣній Николай Ханенко посредствомъ «скупли» пріобрѣлъ село Лотаки съ разными землями, на которыхъ поселилъ три слободы: Николаевку, Кургановку и Конончуковку. Лотаки съ слободами были утверждены за сыновьями Николая Ханенка въ 1761 г.—Тамъ же, стр. 760.

[20]) Діаріушъ, XIII.

[21]) Въ числѣ наслѣдства Николая Ханенка осталась между прочимъ, какъ говоритъ преданіе, и весьма значительная библіотека, которая была подарена, вслѣдъ за смертью ея хозяина, дочерьми послѣдняго (сыновья въ это время были на службѣ) новгородсѣверскому народному училищу, преобразованному затѣмъ въ гимназію.

Николаевкѣ, Кургановкѣ, Рубановкѣ, Рудовкѣ и Подищахъ. При открытіи новгородсѣверскаго намѣстничества, въ 1783 г., Иванъ Николаевичъ былъ избранъ первымъ погарскимъ предводителемъ дворянства. Старшій, Василій Николаевичъ жилъ въ это время, послѣ службы при Петрѣ III, отставнымъ майоромъ и старымъ холостякомъ, въ с. Чаусахъ [22]). Наслѣдство его перешло къ дѣтямъ Ивана Николаевича, у котораго отъ брака съ Софіей Григорьевной Горленко, было нѣсколько сыновей. Старшимъ былъ Александръ, къ которому по наслѣдству перешла между прочимъ и рукопись дневника его дѣда.

Рукопись „Дневника“ писана на отдѣльныхъ тетрадкахъ въ 4-ку, мелкимъ, своеобразнымъ почеркомъ Н. Ханенка [23]), которыя въ позднѣйшее уже время переплетены въ одну книгу. Мы не знаемъ, въ какомъ видѣ оставленъ былъ дневникъ его авторомъ и съ какого времени начинался онъ; Водянскій, видѣвшій этотъ дневникъ въ 1858 г., пишетъ, (Діаріушъ, VI), что дневникъ начинался съ 9 ноября 1719 г., но въ рукописи, съ которой печатается теперь этотъ памятникъ, онъ начинается съ 3 февраля 1727 г. и затѣмъ имѣетъ въ срединѣ значительные пропуски; такъ въ немъ не достаетъ, напримѣръ, цѣлыхъ семи лѣтъ (1734—1741). Настоящій владѣлецъ рукописи, Ал. Ив. Ханенко сообщаетъ намъ, что въ такомъ видѣ онъ получилъ эту рукопись въ подарокъ отъ дяди своего, тоже Ал. Ив. Ханенка, который, будучи человѣкомъ очень образованнымъ, цѣнилъ и берегъ дневникъ своего дѣда; можно догадываться, говоритъ теперешній владѣлецъ рукописи, что части послѣдней были растеряны еще дочерьми Н. Д. Ханенка, въ рукахъ которыхъ нѣкоторое время оставались всѣ бумаги и книги умершаго ихъ отца, такъ какъ сыновья послѣдняго, во время его смерти, находились на службѣ.

Дневникъ Н. Ханенка, какъ мы уже говорили, извѣстенъ между спеціалистами издавна; для нѣкоторыхъ работъ онъ уже служилъ и

---

[22]) Портреты обоихъ братьевъ хранятся у Ал. Ив. Ханенка. Портретъ отца ихъ, Николая Ханенка, не сохранился, а быть—онъ конечно былъ, потому что таковъ ужъ былъ обычай у малороссійскихъ пановъ, чтобы портреты хозяина и хозяйки зажиточнаго дома, писаные масляными красками, висѣли въ пріемныхъ комнатахъ.

[23]) Нѣсколько страницъ впрочемъ имѣется въ дневникѣ, писанныхъ постороннею рукою, должно быть подъ диктовку Н. Ханенка.

источникомъ [24]). Незначительная его часть была напечатана архіепископомъ Филаретомъ (Гумилевскимъ) въ Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ за 1865 г. (1732 и 1733 годы), причемъ ученый издатель снабдилъ напечатанный отрывокъ подробными примѣчаніями, въ которыхъ привелъ выдержки и изъ другихъ частей дневника.

Въ настоящее время печатается дневникъ Ханенка вполнѣ, насколько онъ сохранился, по подлинной рукописи, принадлежащей цѣнителю и знатоку мѣстной старины Ал. Ив. Ханенку, правнуку автора дневника. Нами удержано правописаніе подлинника, за исключеніемъ тѣхъ измѣненій, которыя мы признали нужнымъ сдѣлать для удобства при чтеніи, такъ напримѣръ нами прибавлена вездѣ въ предлогахъ буква ъ, находящаяся въ подлинникѣ, притомъ не вездѣ, въ видѣ надстрочнаго знака.

Въ приложеніи къ дневнику мы печатаемъ, для большаго знакомства съ личностью его автора, духовное завѣщаніе Н. Ханенка и нѣсколько его писемъ. Самый-же дневникъ снабженъ нами примѣчаніями, которыя восполняютъ отрывочный его характеръ.

Ал. Лазаревскій.

27 декабря 1883 г.
Кіевъ.

---

[24]) Болѣе другихъ пользовался дневникомъ Ханенка авторъ «Семейства Разумовскихъ».

1727 годъ.

Февраль.

3. Віехалъ зъ Глухова до Санктпітербурха.

5. Прибылъ въ Стародубъ.

14. Віехалъ зъ Почепа.

22. Прибылъ въ Москву.

26. Віехалъ зъ Москвы.

Мартъ.

6. Прибылъ въ Санктпітербурхъ.

8. Стали на квартерѣ въ домѣ стольника Глѣбова, на Васильевскомъ острову, въ пятой лѣніи. Сего-жъ числа подалъ доношеніе изъ малороссійской коллегіи и изъ генеральной канцеляріи въ сенатъ.

15. Подана челобитная въ сенатъ о чину и того-жъ числа резолюція учинена.

20. По той резолюціи о чину подписанъ въ сенатѣ протоколъ.

29. Далъ за печатку отъ рѣзби 4 р.

Апрѣль.

18. Указъ сенатскій отправилъ до Глухова въ малороссійскую коллегію о чину.

24. Генералъ-адютантъ, генералъ полиціймейстеръ и сенаторъ Антонъ Мануиловичъ графъ Девіеръ арестованъ.

26. Указъ присланъ зъ верховного тайного совѣта въ сенатъ о висилки за рубежъ всѣхъ жидовъ.

Май.

6. Въ 9 часу пополудни государыня императрица Екатерина Алексіевна преставилась въ Санктпитербурхѣ, въ зимнемъ дворцѣ.

7. Скоро свѣтъ, публиковано манифесты о вступленіи на престолъ императора Петра II. и начали чинить присяги, а въ 8 часу пополуночи дано на salve новому імператору зъ 105 пушекъ: потомъ стрѣляно помѣнутно жалобно.

12. Свѣтлѣйшій князь пожалованъ генералиссімусомъ.

14. Публикація по всѣмъ Пітербурхѣ чрезъ лѣтавриковъ и трубачей о имѣючомъ быть погребеніи ея імператорскаго величества 16 числа.

16. Погребеніе ея величества отправлено въ крѣпости въ церквѣ Петра и Павла зъ всякими достойными жалобнаго видѣнія церемоніями. Сего-жъ числа его імператорское величество Петръ II изволилъ переехать жить на Васильевской островъ въ домъ свѣтлѣйшого князя.

18. Отправленъ сержантъ сенатскій Андріанъ Мироновичъ Ігнатіевъ въ Глуховъ зъ грамотою и указомъ о имѣючомъ быть гетманѣ и о протчемъ.

Іюнь.

29. Імператорское величество изволилъ быть въ литургіи и на молебствіи ради своего тезоименитства въ церквѣ Ісакія Долмацкого, а по обѣдѣ спущенъ корабль и дано ему імя Петръ I и II, то есть первый и вторый.

Іюль.

29. Тайный совѣтникъ и міністръ Федоръ Василіевичъ Наумовъ отъехалъ зъ С. П. Бурха до Глухова для избранія гетмана, а при немъ поехали и канцелярістъ Іванъ Романовичъ и сотникъ Іваницкій Павелъ Мішицкій.

30. Зъ сего числа противъ 31-го въ ночи погорѣли імбари и нѣкоторые судна купеческіе на Виборской сторонѣ, где бывалъ складъ изъ кораблей купеческимъ товарамъ.

Августъ.

1. Михайло Івановичъ Новоторжцовъ віехалъ за міністромъ Наумовымъ къ Глухову. Мнѣ зубъ болячій виривалъ штапъ-лікаръ Петръ Івановичъ.

5. Государственного канцлера графа Гаврила Івановича Головкина сожительница, графиня Домна Андріевна преставилась.

19. Отехалъ въ Пітеръ-гофъ на дамъ-шкотѣ суднѣ.

20. Оттоль прибылъ до Аранибома въ вечеру.

22. Освѣщеніе церкви было въ Аранибомѣ, а потомъ свѣтлѣйшій князь съ своею фамиліею и съ многими господами, въ томъ числѣ былъ и Феофанъ, архіерей новогородскій, при пушечной стрѣлбѣ гуляли.

23. Ездилъ іа зъ Аранибома въ Кронштатъ и паки туда возвратился.

24. Зъ Аранибома прибылъ на ночь въ фаворитъ.

26. Прибылъ въ Санктъ-пітербурхъ.

Септеврій.

5. Свѣтлѣйшій князь пріехалъ зъ Аранибома совсѣмъ въ Пітербурхъ.

6. Верховнаго тайного совѣту дѣла и все, что было государево въ дворцѣ свѣтлѣйшого князя, вивезено въ лѣтній государевъ дворецъ.

7. Отданъ именный приказъ государевъ въ полки гвардіи, чтобъ никого, кромѣ маіоровъ Іосупова и Солтикова, не слушано. Сего-жъ числа ввечеру и імператоръ прибылъ въ лѣтній дворецъ.

8. Публикованы указы печатные, чтобъ князя Меншикова указовъ и партикулярныхъ писемъ нигде не слушано и самому князю Меншикову въ домѣ его сказанъ арестъ.

8. Сняты кавалеріи россійскіи зъ Меншикова и емужъ велено віездить прочъ изъ Санктъ-Пітербурха.

10. Сняты съ егожъ и другихъ государствъ кавалеріи и ихъ варвари, да й віехалъ со всею фамиліею.

11. Прибыли въ С. П. Бурхъ посланци малороссійскіе Семенъ

Лизогубъ и сотникъ сребрянскій Троцина и сотникъ Семенъ Галецкій [25]).

14. Оные посланцы имѣли авдіенцію у государя въ дворцѣ лѣтнемъ. Лизогубъ говорилъ рѣчь, а потомъ и у стола государевого кушали.

28. Оные жъ посланцы отправлены и дано имъ жалованне и чрезъ нихъ грамота до старшины и народа, а указъ до міністра Наумова изъ иностранной коллегіи отправлены.

Октоврій.

1. Стали квартерою на пітербурскомъ острову въ домѣ священника петропавловскаго Мины Григоріевича. Сего-жъ числа въ Глуховѣ выбранъ съ изрядною церемоніею гетманомъ полковникъ миргородскій Данилъ Апостолъ.

---

[25]) *Семенъ Ефимовичъ Лизогубъ*—зять гетмана Скоропадскаго; въ 1708 г. пошелъ за Мазепою и возвратился уже только послѣ полтавскаго сраженія (см. показаніе Лизогуба, «Мазепа» Костомарова, стр. 418). Не былъ сосланъ, какъ другіе, только за свойство съ гетманомъ. Умеръ въ польскомъ походѣ въ 1734 г., оставивъ дѣтямъ огромныя земельныя владѣнія. Записки Марковича, I, 345 и 318.

Антонъ Трофимовичъ Троцина (р. 1662 † 1749) былъ сынъ козака м. Переволочной, взятый мальчикомъ въ пѣвчіе царевны Софіи Алексѣевны, въ Москву, откуда онъ выхлопоталъ отцу своему Трофиму (по малороссійски *Троцю*) сотничій урядъ въ м. Срѣбномъ и позволеніе заселить разоренное татарами с. Охонькя. Потерявъ голосъ и возвратившись въ Малороссію, бывшій пѣвчій, усвоивши себѣ по имени отца, фамилію Троцины, самъ сталъ срѣбрянскимъ сотникомъ въ 1707 г., когда отецъ его поставленъ былъ прилуцкимъ полковымъ судьею, и оставался сотникомъ болѣе тридцати лѣтъ, до 1734 г., когда передалъ сотничій свой урядъ сыну Николаю. Какъ человѣкъ бывалый, Антонъ Троцинъ часто бывалъ совѣтчикомъ у гетмана Скоропадскаго, посылавшаго его иногда и въ Москву добывать тѣ или другія нужныя ему свѣдѣнія.

Семенъ Яковлевичъ Галецкій—человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, если онъ не былъ сыномъ мазепинскаго «дворянина» Галецы (Величко, III, 444). Въ первый разъ встрѣчается въ 1704 г., когда получилъ отъ Мазепы нѣсколько крестьянскихъ дворовъ въ с. Михайловкѣ (при р. Бойвѣ). Въ 1709 г.—стародубскій полк. есаулъ, а потомъ—сотникъ погарскій, новгородъ-сѣверскій и наконецъ стародубскій (1712—1734). Будучи стародубскимъ сотникомъ, интриговалъ противъ тогдашняго стародубскаго полковника Александра Дурова и поѣхавъ по этому поводу въ 1734 г. въ Пітербургъ, добился смѣщенія Дурова и кромѣ того полу-

4. Отъехали посланцы малороссійскіе изъ Санктъ-пітербурха.

12. Ради рожденія государевого было торжество, по молебствію палено зъ пушекъ болше ста и полки бѣглымъ огнемъ, и на двохъ суднахъ убранныхъ съ пушекъ-же, а въ вечеру былъ фейверкъ и иллюминація, въ лѣтнемъ огородѣ.

Ноеврій.

20. Прибыли посланники отъ новоизбраннаго гетмана Апостола.

21. Онижъ были у разныхъ господъ министровъ и сенаторовъ.

30. Віехалъ іа зъ Санктъ-питербурха зъ Александромъ Левицкимъ и ночю поѣхалъ зъ Ямской.

1730 годъ.

24 мая въ Москвѣ. Ея императорскому величеству одклонился яспевелможный и того-жъ числа ради отклону кушалъ въ дворцѣ. Сего-жъ числа ея і. величество изволили публично віехать изъ Москви до Измайлова, куда едучій при каретѣ, въ ассистенціи зъ кавалергардами, енералъ Іванъ Іліичъ Мамоновъ умеръ нечаянно. Купчину московскому Дементію Прохоровичу въ доплатку за футро 2 р., розышлось 14 к.

Числа 25. За 21½ золотника сѣтки сребной дано 5 р. 16 к. За 34 золотника сѣтки нестрой—7 р. 31 к. За два фунта кофе—46 к. За вецоване бритовъ 32 к. За жестянку до голенья [36]) 12 к.

Числа 26. Въ доплатку за 4 аршина таѳи Леву Петровичу дано 60 коп. (Того-жъ) числа за Тріодь цвѣтную и два букваря 1 р. 20 к. Енералъ-лейтенантъ Урбаповичъ былъ у мене въ квартерѣ.

чилъ урядъ генеральнаго бунчучнаго. Убитъ въ 1738 г., въ крымскомъ походѣ, вмѣстѣ съ лѣтописцемъ Грабянкою, бывшимъ тогда гадяцкимъ полковникомъ. Попредстательству Ласея, урядъ Грабянки отданъ былъ сыну Семена Галецкаго—Петру.

[36]) Бритья.

27. За работу мундіру для дитины 2 р. 50 к. Дѣвкамъ—40. Хлопцямъ отездного 15 к. Капралу и людямъ господина Курбатова 30 к. Качеповскому на персону 60 к. За вино красное и бѣлое 75 к. За ленти кумѣ Наталіи Лаврентіевнѣ, да сестрѣ ее Аннѣ 57 к. За ленти жолтую и зеленую 1 р. 26 к. Сего-жъ числа вїехали зъ Москви и ночовали о 25 верстъ.

28. На обѣдній попасъ прибыли въ деревню Черничку о 44 версты. На сѣно и оброкъ пошло 25 коп. На ночъ прибыли въ деревню Пратву о 39 верстъ.

29. Прибыли на обѣдъ до деревни Гусева о 37 верстъ; одтоль въ Калугу и перевезшись ночовали. За починку колиски въ Калузѣ 30 коп.

30. Прибыли къ Доброму монастырю и перевезшись чрезъ Оку, обѣдали. Дано за рибу 21 к. Ночовали за Кинетю, перевезшись.

31. Прибыли на обѣдъ до Белїова. Тутъ-же куплены ножи столовїи и два кухенныхъ, за которые дано 1 р. 40 к. За оковку колиски 15 к. За рибу 27½ к. На ночъ прибыли до Волхова, и одтоль отехалъ панъ Петръ, полковникъ лубенскій, на почтѣ зъ поддячимъ Уріиломъ, которій данъ былъ зъ Москвы для конвоя. За три четверти меду 21 коп.

Іюнь.

1. Прибыли на обѣдъ до села Глотова. Одтоль вїехавши, ночовали въ степу, одехавши 17 верстъ.

2. Обѣдали надъ нѣкоторою переправою, а ночовали подъ малою деревнею.

3. Прибыли на обѣдъ до Почти Любошской и одтоль отехалъ панъ Холодовичъ на почтѣ. По обѣдѣ прибыли за Сѣвскъ на ночъ о 3 версты.

4. По полудни прибыли въ Глуховъ.

5, 6 и 7. Прожилъ въ Глуховѣ.

8. Вїехавъ зъ Глухова, прибылъ на ночъ въ Новгородокъ.

9. Одтоль вїехавши, пріехалъ на ночъ въ Левенку [27]).

12. Взято у Іанченка поставъ сукна блакитного, за которое дано ему 5 червоныхъ да 25 к.

---

[27]) Село стародубского уѣзда.

18. У Павлика отобрано 5 р. за коня проданнаго сивострокатого, да 5 р., отобранныхъ у шинкаря Зайцутского. Мужикъ перегонскій [28]) утонулъ, рибу ловячи.

19. Кошцѣ, одправленному въ Глуховъ, дано на дорогу 20 к.

20. За похоронъ утонувшаго чоловика дано 20 к. Студентамъ інтермедіантамъ 1 р.

21. Розышлось 24 к.

23. За цѣвку золота 1 р. 10 к. За раліонокъ мишурный 18 к., за полтора фунта баволны 24 к. За два баранки 90 к. За 150 аршинъ шнурка 1 р. 20 к. За три фунта мінію 36 к. За два аршина крашенины 8 к. Отданы пану Іану Миклашевскому [29]) р.

24. Розышлось на розницу 33 к.

Журналъ или щоденная записка іакого месяца і числа до іакой персони и чрезъ кого именно писано и о протчемъ, начатый року 1730-го.

Мѣсяца августа 9. Писано до пана полковника лубенскаго, привитствуючи о прибытіи его въ домъ съ Москвы [30]). Того-жъ числа писано и до писаря полкового лубенского, пана Стефана Савицкого, съ инстанціею за свойственнымъ панскимъ о невзятіи его, яко жилца и осѣлого, въ великани и тые писма посланы чрезъ Дмитра Тимченка и Гаврила Ясиченка. До пана Іана Гамалѣи въ Юдиновъ [31]),

[28]) Село Перегонъ стародубского уѣзда, принадлежавшее Н. Ханенку.

[29]) Иванъ Михайловичъ Миклашевскій, младшій сынъ стародубскаго полковника, отъ второй его жены Анны Швейковской. Умеръ бунчуковымъ товарищемъ въ 1740 г.

[30]) Петръ Даніловичъ Апостолъ, второй сынъ гетмана, оставленъ былъ въ Москвѣ въ качествѣ заложника, когда отецъ его отпущенъ былъ въ Малороссію послѣ Полуботковскаго дѣла. Воспитывался подъ надзоромъ Меншикова (Опис. обит. въ Рос. госуд. народовъ. Спб. 1799 г., IV, 314). Въ 1728 г. Петромъ II лично назначенъ лубенскимъ полковникомъ (Зап. Марк. I, 277, 296), но и затѣмъ оставался въ Москвѣ до 1730 г., когда отпущенъ былъ въ Малороссію и сталъ дѣйствительнымъ полковникомъ. Петръ Апостолъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Послѣ него остались, какъ слышно, записки писанныя на французскомъ языкѣ, хранящіяся у г. Алексѣева въ Екатеринославѣ.

[31]) Иванъ Андреевичъ Гамалѣя—единокровный братъ жены Н. Ханенка. Былъ женатъ первымъ бракомъ на падчерицѣ путивльскаго поэтщика Семена Неплюева, Марѳѣ Анненковой, за которою получилъ богатое приданое въ томъ-же уѣздѣ, а вторымъ бракомъ—на вдовѣ графа Гавриила Ягужинскаго. Въ 1743 г.

о присылкѣ тарадайки и о прибытіи его для посѣщенія въ Перегонъ, чрезъ чаусовскаго шинкаря Осипа. Того-жъ числа писано до пана сотника краснополядинскаго Марка Ангеліовскаго [32]), дабы въ свойственныхъ панскихъ пропалый конь вороній въ Талалаевцѣ [33]), если сыщется, былъ имъ отданъ, который листъ чрезъ ихъ-же и посланъ.

16. Съ Глухова писалъ листъ чрезъ Данила Кроцкевича, служителя п. Малѣшевской, до пана Стефана Миклашевского [34]), въ дѣлѣ панѣ Малѣшевской зъ Якубовичемъ [35]). Листъ до пана Івана Гамалѣи [36]), 17 числа писанный, посланъ въ Семіоновку для отсылки оттоль въ Пѣски, который такъ ся имѣетъ: „мосцѣ пане Гамалѣя, мой велце ласкавый добродзію. Писалъ іа въ прошедшемъ 1729 году два раза до в. м., м. пана, упоминаючися, ижбысь в. м., м. панъ должніе мнѣ отъ васъ деньги 26 рублей изволилъ отдати; но по тихъ листахъ моихъ не только отдачи денегъ, но і отвѣту отъ в. м., м. пана не получилемъ. Прето теперь чрезъ нарочного, нарочно пишучи до вм., м. пана, прошу, изволте, безъ болшой своей и моей турбаціи, въ упомянутомъ своемъ мнѣ долгу уістітись неотложно. Гдижъ в. м., м. панъ можешъ помнѣти, что и заставу мнѣ изволилесь давать—кубокъ срѣбный и рондзикъ, а іа не взялъ, дуфаючи слову вашему, что імѣлисте вскорѣ тотъ мой долгъ отдати. зъ потверженемъ теди прошу в. м., м. пана сему посланному должніе 26 рублей денегъ вручити для привозки оныхъ ко мнѣ. а іа-жъ

назначенъ членомъ генер. суда. а при отставкѣ получилъ чинъ генер. судья. Ему принадлежали три села въ стародубск. уѣздѣ—Юдиновъ, Борщовъ и Чеховка и с. Семяновка, конотопск. уѣзда. Портретъ его хранится въ семьѣ недавно умершаго Г. Н. Гамалѣи, въ обоянск. уѣздѣ курской губерніи.

32) Поставленъ сотникомъ въ 1717 г. на мѣсто Леонтія Лашпинскаго, по «инстанціи разныхъ высокихъ особъ», какъ сказано въ универсалѣ Скоропадскаго, а ходатайства (инстанціи) особъ явились потому, что Ангеліовскій «у двору государинѣ царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ знайдовался», вѣроятно пѣвчимъ.

33) Село роменскаго уѣзда.

34) Степанъ Михайловичъ Миклашевскій—второй сынъ стародубскаго полковника: умеръ около 1750 г.

35) Яковъ Демьяновичъ Якубовичъ—генер. есаулъ.

36) Иванъ Михайловичъ Гамалѣя, сотникъ лохвицкій, получившій по раздѣлу съ братьями село Великіе Пески, лохвицк. уѣзда. которое затѣмъ было продано кнѣ Ефиму Дмитріеву.

тогожъ посланного буду здѣсь дожидатись въ Глуховѣ. При семъ остаю на завше вм., м. пану всего добра зичливий сватъ и новолнѣйшій слуга Николай Ханенко, судія полковий стародубскій. Зъ Глухова августа 17 числа, 1730-го году[36]. А прошлого 1729 году, іюля 22, къ нему о томже посилано, да марта 6 тогожъ году.

17. Посланы листы, єденъ до пана Петра Валкевича[37]), въ Конотопъ, привитствуючи его тамошнимъ пребываніемъ; другій до старости семіоновского Гузевича о видачи Василію Мглиевскому лошаковъ панскихъ.

19. Послани листи зъ Глухова два чрезъ Евтуха Данченка, писанніе єденъ до пана полковника стародубского Наказного, а другій до пана отца панского.

20. Посланъ листъ чрезъ Скоробогатого, жителя погарского, до Мартина Лирского, чтобы онъ подрядилъ тесель баню и комору строити. Тогожъ числа писанъ листъ до пана Стефана Миклашевскаго о коровахъ, чрезъ Василя Мглиевского.

20. Посланъ листъ до пана Константия Леонтовича о одобрани въ пана Іул(і)ана Дриганта, при которомъ шабля и матарасъ сукномъ зеленимъ покритій, чрезъ значкового козака полку переяловского Безбородка для отданія вручено єму.

21. Писано въ Москву до пана Василя Максимовича[38]) и до кватермейстера Гофмана о антечцѣ и протчемъ.

22. Писано въ Москву-жъ до господина Николая Павловича Кристича и до пана Василія Максимовича, да до канцеляриста

---

[37]) Петръ Васильевичъ Валькевичъ—при Апостолѣ «ресентъ» генер. канцеляріи, а съ 1741 г. генер. есаулъ; умеръ въ 1758 г. Былъ извѣстнымъ дѣльцомъ своего времени. Современникъ о Валькевичѣ говоритъ: «Валкевичъ хотя былъ и дикаго нрава, такъ что ни съ кѣмъ не водилъ знакомства и обращенія, кромѣ тѣхъ, которые въ теченіе многаго времени могли доказать ему свою искренность и привычку къ его свойствамъ, но изобиловалъ разумомъ, а наипаче знаніемъ правъ. Государь императоръ Петръ Великій, познавъ его дарованія, при случаѣ взятія подъ стражу Полуботка съ товарищи, предлагалъ ему остаться при его императорской особѣ». Опис. обят. въ россійск. госуд. народ., IV, 324.

[38]) Кажется, рѣчь идетъ объ одномъ изъ трехъ сыновей генер. есаула Дмитрія Максимовича, который за измѣну съ Мазепою сосланъ былъ въ Архангельскъ, а сыновья его—Федоръ, Иванъ и Василій поселены въ Москвѣ. Василій Максимовичъ въ 1742 г. былъ сотникомъ волынскимъ, черниг. полка.

Кгалюховскаго чрезъ почту. Тогожъ числа за колпакъ 25 конѣекъ, за хустку, що въ Роиску, 20 коп.

23. Послани зъ Глухова корови двѣ да два маленькихъ волики въ Перегонъ чрезъ козаковъ сотни новгородской Евтуха Михеенка, жителя горбовского, да Тита Невмоцева, жителя пироговского, чрезъ которихъ и листъ до атамана тамошнего новгородского посланъ, чтобы онъ тихъ козаковъ переменивъ, а другимъ тіи корови для отводу въ Перегонъ вручивъ, въ которомъ листѣ писано и до Лишского писмомъ о пріемѣ тихъ коровъ. Тогожъ числа господинъ Новоторжковъ почтою побѣгъ въ Москву и оніе писма чрезъ него послани. Отъ пана Стефана Миклашевского двѣ корови зъ телятами приведены въ Глуховъ.

24. Писани два листи, одинъ до полковника лубенского, пана Петра Апостола, о позиченихъ паномъ Петромъ Корецкимъ деньгахъ. Другій до полковника гадяцкого, пана Григорія Грабянки, привитствуючи его рангомъ[39]). Тогожъ числа, писанъ листъ до сотника воронежского, пана Івана Холодовіча, требуючи у него отвѣтствія противъ даного сму меморіалу, которій для отсилки вручень атаману Локотковскому.

24. Даль за коня вороного 8 рублей Михайлу Цигану, заплатилъ-же 3 р., а 5 на мнѣ осталось.

25. Отклонился пану и отежаючи подарилъ коня гнѣдского пану Іакимовичу.

27. Прибылъ въ Перегонъ.

28. За 4 габелки постолки 1 р., за подошви 16 конѣекъ, на разніе покупки въ Погаръ конѣекъ 20, шевцю Мойсею дано 60 конѣекъ на шкуру.

29. Писанъ листъ до хоружого полковного стародубовского, пана Іакимовіча, въ дѣлѣ Ганона Садовничого, которій посланъ чрезъ негожъ Ганона. Тогожъ числа столяру даны 25 конѣекъ на дерево; золотару на мосендзъ 15 конѣекъ.

31. Послани листи, одинъ до хоружого полкового стародубовского пана Іакимовича, другій до пана Скоропадского[40]) въ Глу-

[39]) Указомъ 30 мая 1730 г. Грабянка, авторъ извѣстной хроники и враждебной брани, назначенъ былъ гадяцкимъ полковникомъ на мѣсто Гаврила Милорадовича, смѣщеннаго за пьянства и взятки.

[40]) Михаилъ Васильевичъ Скоропадскій, племянникъ гетмана Скоропадскаго и зять Апостола, генеральный подскарбій съ 1741 г. Умеръ въ 1758 г.

ховъ, въ дѣлѣ Игната Данченка, которіе отосланы въ Глуховъ чрезъ Григорія Данченка, а въ Стародубъ чрезъ Павлика. Тогожъ числа писанъ листъ до Александра Левицкого, сторони въ іармарку кролевецкомъ покупокъ, которій для отдачи прученъ Григорію Данченку. Тогожъ числа за два соми дано 60 конѣекъ.

Септеврій.

1. Продалъ пенку, берковецъ по 3 р., взялъ у пана Круковского 21 руб. съ пол.

2. За 5 фунтовъ ганину дано 3 к., батоги желѣза 28 коп., золотарю коп. 12.

3. Кровь пущалъ.

4. Цилюрнику за кровопущеніе 20 копѣекъ. Тогожъ числа съ маляремъ Іодиновскимъ учиненъ договоръ на шпалери 4 р. и пол. и полчвертки жита, маляру, імя Григорій Боюровъ, которому дяно въ задатокъ 1 р. и 10 кварть цеховыхъ горилки. Велѣлъ дѣлать лишнику погарскому Ивану Стрикицкому постромковъ 6 паръ, оборотей 36 и попругъ 12 до попонъ, а 4 волосяныхъ до кулбакъ. Тогожъ числа 4 дано за крашеннину 6 коп. Привезено отъ пана Косача 2 бочки соли, за которіе падлежитъ 5 рублей и 2 гривны.

5. Купилъ панъ въ бабы, жителки перегонской, подданной своей, хату старую за копу и деньги ей за оную отдалъ. Тогожъ числа писани два листи, единъ до сотника погарского Семена Соболевского, другій до атамана и войта, тамошнихъ-же погарскихъ, просячи дабы людей вислали на панскую новозачатую греблю, которіе посланы чрезъ Мартина Лишского.

6. Писанъ листъ до отца ігумена стеченского чрезъ пана Леонтія Галецкого [41]), съ посилкою 10 червоныхъ, одисканныхъ отъ пана Славуцкого. Мойсею шевцю погарскому зъ челядникомъ за работу чоботъ, черевиковъ, туфлювъ и протч. 1 р. 70 к.

7. Писанъ листъ до атамана городового новгородского, чтобы онъ ваши на панскіе деньги купилъ осмачку и прислалъ въ Перегонъ, которій посланъ чрезъ стойчика зъ Стародуба.

---

[41]) Сотникъ бакланскій, братъ Семена Г. (см. примѣч. 25), получилъ этотъ урядъ «за вѣрность» при измѣнѣ Мазепы; но когда за насилія его сотинамъ Скоропадскій выслалъ своихъ чиновниковъ разслѣдовать жалобы бакланцевъ, то Галецкій отказался отъ уряда и принятъ былъ «подъ бунчукъ».

8. Писанъ листъ до старосты перегонского Линского о направленю печей и коменка и о протчемъ дворовомъ господарствѣ чрезъ подводника Грицка Шпогурова. Віехали зъ Левенки и прибыли на ночь до Нижніого [42]).

9. Обѣдали въ Курозновѣ у пановъ Рубцовъ. По полудни прибыли до Ропска; тутъ на стежки и проч. розышлось 25 к.

10. Віехали зъ Ропска, ночовали въ Курпановичахъ. у Василя Борозни [43]).

11. Обѣдали у пана Николая Борозни [44]) въ Клюсахъ. ночовали въ Бутовцѣ, и тутъ ось зломилась.

12. Прибыли въ Городню, где урядники съ хлѣбомъ насъ витали; оттуль прибыли на обѣдъ до Листвина, тутъ и ночовали.

13. По обѣдѣ позно уже віехали зъ Листвина и ночовали въ футорѣ пана Бурковского Хлѣбовцѣ.

14. Прибыли рано въ Бобровицю, вечеромъ былъ у полковника и прочихъ чернѣговцовъ.

15. Коло полдня віехали зъ Чернѣгова и прибыли на ночь въ Красное [45]).

16. На обѣдъ прибыли въ Церковища. на ночь въ Іржавецъ [46]); стелмаху и на вижки 5 коп. даны.

17. Прибыли въ Козелецъ. На лямъцѣ 10 к. Алексію за Стефана 20 к., ту и ночовали.

18. Были у полковника [47]) и обѣдали. На розную подробицю розышлось 17 к.

19. За ведро дегтю 14 к. Виехали зъ Козелця, обѣдали въ Омелянновѣ, ночовали въ Димерцѣ [48]).

20. Прибыли въ Броварі; тутъ за рибу 14 копѣекъ, за овесъ 30 копѣекъ. Прибыли на Днѣпръ, где и ночовать мусѣли за попорченіемъ мосту.

---

[42]) С. Нижнее, стародубск. уѣзда, принадлежало Андрею Мих. Миклашевскому.

[43]) Сынъ генер. судьи Ивана Владиміровича Борозды, умеръ въ 1747 г. бунчуковымъ товарищемъ.

[44]) Братъ того-же генер. судьи, умеръ бунчуковымъ товарищемъ въ 1757 г.

[45]) Черниговскаго уѣзда.

[46]) Села Церковище и Ржавецъ—козелецкаго уѣзда.

[47]) Антонъ Танскій, зять Семена Палія.

[48]) Села остерскаго уѣзда.

21. На рибу, рижки и проч. 5 копѣекъ. Тутъ и сей день весь дніовали и ночовали, понеже въ сей день мостъ дѣлали. На сѣно 10 копѣекъ.

22. Рано переехали мостъ и прибыли въ монастырь никольскій на квартеру. На мосту и въ крѣпости роздалось 10 копѣекъ, на медъ и пиво 7 к., на кремѣня 2 к.

23. Были на пещерахъ, а обѣдали у отца архимандрита печерского. Розошлось 1 р. 35 к.

24. На овесъ для копей и на хлѣбъ для людей 70 копѣекъ. Обѣдали и весь день пробавились у отца Пегребецкого.

Былъ на праздникѣ въ Китаи. На овесъ для копей и на хлѣбъ для людей 70 копѣекъ.

26. Былъ въ видубицкомъ монастырѣ и отправовалась панахида по покойномъ Миклашевскомъ и другихъ сродникахъ [49]). Дано монахамъ 4 рубли, да еще роздалось 30 копѣекъ. Тамъ обѣдали и весь день пробавили.

27. На мясо 15 копѣекъ. Обѣдалъ у отца ректора и пробавилъ весь день у учителей. Послѣ былъ у пана Войнича бурмистра и ночовали у пана Ѳедора Тихоповича Козелского, бурмистра-жъ.

28. Были у святой Софіи; тамъ розошлось 50 копѣекъ. Прислана съ магистрату обсылка хлѣбомъ и протчимъ. Розошлось 16 копѣекъ. Дано на покупку разную рубль и 98 копѣекъ. Съ монастыря Братского обсилка хлѣбомъ и протчимъ учинена. Съ монастыря видубицкого прислано сѣна.

29. Были въ монастырѣ михайловскомъ для поклоненія мощамъ св. Варвары и тутъ у отца намѣстника Дезидерія обѣдали. Розошлось на нѣкоторіе покупки и проч. 31 к., на мясо 12 к. Обослала хлѣбомъ, виноградомъ, виномъ и орѣхами панѣ Козмина Іакимовичева и панъ Родуцкій хлѣбомъ, виномъ, календаремъ на 1731 годъ.

29. Отцу Ивану на дорогу 20 копѣекъ. Студентамъ 1 рубль 6 копѣекъ; студенту Білѣцкому 60 копѣекъ, за направу фузіи 20 копѣекъ.

---

[49]) Стародубскій полковникъ Михаилъ Миклашевскій († 1706 г.) въ выдубицкомъ монастырѣ построилъ каменную церковь во имя св. Георгія Побѣдоносца и каменную трапезу съ церковью св. Преображенія Господня. Въ залѣ настоятельскаго дома выдубицкаго монастыря хранится большой старинный портретъ Михаила Миклашевскаго. Соч. Максимовича, II, 251—253.

30. Дѣвцѣ Іакимовиччиной 10 копѣекъ. Съ Майстрату обослано рибою и хлѣбомъ.

Октоврій.

1. Препесеніе мощей святого Михайла, первого митрополита кіевского, съ пещери преподобнаго Антонія въ великую церковь.— Обослано мясомъ съ Майстрату; обѣдали у отца Негребецкого. Подалъ мнѣ указъ гетманскій панъ Козма Іакимовичъ.

2. Обѣдали у мене намѣстнікъ и економъ никольскіе и отехалъ я на Подолъ для исполненія указа гетманского.

3. Обявлялъ на Майстратѣ универсалъ іасне велможного, данный Кузмѣ Іакимовичу на бурмистровство, обѣдалъ у пана Рогуцкого. Рутинскому на чоботи 30 копѣекъ.

4. Обѣдалъ у пана Козми Іакимовича.

5. Былъ знову на ратуши. Панъ Василь Іакимовичъ принесъ цукрў голову и хлѣбъ; обѣдалъ у пана Козми Іакимовича. За сосудци для Василка 7 коп.

6. По бытіи на ратушу, обѣдалъ у пана Рогуцкаго, который мнѣ подарилъ дриакви, табаку и рукавици, а панъ Іакимовичъ пару лихтаровъ съ подщипникомъ и щипцами, до сѣдла уборъ и потебенки и двѣ солянки крыштальовыя.—У него-жъ занялемъ 5 рублей. Чрезъ всю бутность, сколко былъ на Подолѣ, щоденно обсилано зъ майстрату всякою харчою. Женѣ пару ножиковъ и стонжки[80]) жена его дарила. При отклонѣ отецъ архимандритъ далъ мнѣ и женѣ, такожъ отецъ Негребецкій по книжцѣ. Двѣ псалтирки куплены за 1 рубль 20 копѣекъ. Отецъ економъ книжку и свѣчку подарилъ же.

7. Обѣдали у отца Васияна, намѣстніка печерского, который такожъ далъ по книжцѣ обомъ намъ. Сего же числа были у енерала и пожегнавшись съ всѣми, отехали зъ Киева. Провожалъ насъ аптекаръ Гелтеръ и Козма Іакимовичъ ажъ за мостъ и прибылисмо на ночъ позно до Броваровъ; тутъ пошло на овесъ 36 копѣекъ.

8. Поехали зъ Броваровъ и прибыли на обѣдъ въ Димерку; тутъ на овесъ пошло и на проч. 18 копѣекъ. Одтоль прибыли на ночъ въ Омеляново.

---

[80]) Ленты.

9. На обѣдъ прибыли въ Козелецъ; тутъ на желѣзо 26 коп., да еще на желѣзо жъ 14 копѣекъ. За чотири дойници овса 68 копѣекъ дано.

10. Въ Козелцѣ весь день пробавили въ домѣ пана дядка [51]). Розшилось на розницу копѣекъ 20. Розшилось на роздачу разнымъ въ Козелцѣ 1 рубль 6 коп.

11. Рано обослано одъ полковника хлѣбомъ и мясомъ и протч. Розшилось на розницу 1 рубль 60 копѣекъ. Ковалямъ 25 коп., на діоготь, хлѣбъ и протч. 20 копѣекъ. Надъ вечери виехали зъ Козельца и прибыли на ночъ до Дешкова [52]).

12. На обѣдъ прибыли до Ржавця [53]), где отъ пана сотника козелецкого братъ его Петро принесъ барана. На ночъ прибыли до Церковищъ [54]); тутъ за овесъ дано 16 копѣекъ, ковалю 2 коп.

13. Обѣдали въ Серединцѣ [55]); тутъ атаманъ принесъ трое курей и протч., оттоль писанъ листъ до сотника козелецкого пана Алексѣя—сторони верблюда и посланъ чрезъ казака Герасима, которому даны 10 копѣекъ. Прибыли на ночъ до Краснаго [56]); тутъ за двѣ мѣрочки овса 12 копѣекъ далемъ.

14. Обѣдали въ Колчевцѣ; за рибу и хлѣбъ 4 копѣйки. Перевознікамъ 6 копѣекъ [57]). Прибыли на ночъ въ Чернѣговъ и стали кватерою въ домѣ пана писаря [58]), гдѣ обослано насъ отъ пана судіи чернѣговскаго полкового [59]) овсомъ и сѣномъ, а отъ пана Булавки хлѣбомъ, рибою и сѣномъ.

15. Зъ дому ее милости панской, панеи Борковской [60]) дано

---

[51]) Федоръ Лаврентьевичъ Ханенко, сотникъ козелецкій уже въ 1705 году, потомъ полковой есаулъ; съ 1722 по 1737 г. полковой обозный. О немъ см. Описаніе черниговской епархіи, V, 193.

[52]) Село козелецкаго уѣзда.

[53]) Тоже.

[54]) Тоже.

[55]) Тоже.

[56]) Село черниговскаго уѣзда.

[57]) При селѣ Кольчевкѣ, подъ Черниговомъ, находился тогда переводъ чрезъ р. Десну.

[58]) Ивана Янушкевича.

[59]) Василія Каневскаго.

[60]) Жена Андрея Борковскаго.

трое саней новыхъ; обѣдалъ у пана судіи черниговского, а вечеромъ былъ у полковника.

16. Полгора четверика овса 37 копѣекъ, шлей четверо съ постронками 20 копѣекъ, вожокъ четверо 4 копѣйки. Писаны листы до отца Негребецкого и до Козмы Іакимовича, стороны кунтуша, забутого въ Кіевѣ, и посланы тіе писма зъ Чернѣгова на почту. За чоботи Костѣ 30 копѣекъ, вина полинкового 3 кварти 24 копѣйки. Обѣдали у полковника и ажъ до ночи пробавили; переехали на Бобровицю и тутъ ночовали.

17. Студентамъ приходившимъ кумалбо данъ червоный; розвилось на розницу 12 копѣекъ. Дана псалтирка маленькая пана Борковского синамъ Михайлу и Василію [61]). Обѣдали у панеи Борковской, куда для опровоженя насъ приездили панъ судія зъ панею своею и панъ Іванъ Булавка. Прибыли въ Седневъ [62]) 4 часа по полудни, а въ Листвень [63]) въ 7-мъ часу, где вежаючимъ въ село, палъ конь молодій гнѣдій, издохъ.

Застalемъ тутъ п. п. Красовского и Лисаневіча.

18. Пробавили весь день гуляемъ.

19. Даровалъ мнѣ панъ Борковскій [64]) пару кобилъ, рижую и сивую, да сивого-жъ лошака и табакерку, а женѣ штофикъ жолтій и зеркало. Розвилось 1 рубль 17 копѣекъ. По обѣдѣ отъехали и прибыли на ночъ въ Городню.

20. Зъ Городнѣ прибыли въ Жабчичи [65]) и тутъ обѣдали; одтоль прибыли на ночъ въ Клюсы.

21. Зъ Клюсовъ приехали на обѣдъ до Куршановичъ; одтоль на ночъ до Соловіовки; едучи чрезъ Хоромное, покинемъ хорій конь, таранъ, а дѣвчина потеряла коралеве маниcто.

22. Прибыли въ Роиськъ на обѣдъ; тутъ у Роиску умовилемъ шабелника дѣлать для себе шаблю, а для пана судіи черніговского крижъ желѣзний подчерня, которому шабелнику, а именно Алексію Грановскому, даны 30 копѣекъ взадатокъ; оставлена фляжка

---

[61]) Михаилъ и Василій Андреевичи Борковскіе, оба бунчуковые товарищи въ 1751 г.

[62]) Мѣстечко черниговскаго уѣзда, принадлежало тогда Лизогубамъ.

[63]) Село городницкаго уѣзда.

[64]) Андрей Васильевичъ, сынъ генеральнаго обознаго.

[65]) Село городницкаго уѣзда.

ОВЪЯВЛЕНІЯ.

О подпискѣ на 1884 годъ на слѣдующіе журналы и газеты.

„СИБИРСКАЯ ГАЗЕТА“

на 1884 года.

Газета будетъ выходить въ 1884 г., какъ и прежде, по воскресеньямъ, въ размѣрѣ 1½—2 листовъ. **Подписная цѣна:** для иногородныхъ за годъ—**7** р., полгода—**4** р. Важнѣйшее мѣсто въ газетѣ будетъ отведено корреспонденціямъ и извѣстіямъ изъ всѣхъ концовъ Сибири—изъ городовъ, деревень и захолустій; цѣль этихъ извѣстій знать нужды и потребности мѣстнаго населенія и бороться съ злоупотребленіями, гнетомъ и неправдой, отъ кого бы они ни исходили. По важнѣйшимъ вопросамъ, какія выдвинетъ мѣстная жизнь, будутъ помѣщаться руководящія статьи. Обзоръ различныхъ выдающихся проявленій этой жизни найдетъ мѣсто въ фельетонѣ. Въ русскомъ и иностранномъ обозрѣніяхъ читатель найдетъ всѣ выдающіяся событія въ русской и иностранной жизни; цѣль этихъ обозрѣній, по возможности, удовлетворить значительную часть нашихъ читателей, не имѣющихъ средствъ выписывать какую либо изъ ежедневныхъ столичныхъ газетъ. Дѣйствія правительства, касающіяся Сибири, будутъ печататься обязательно.—Кромѣ этихъ постоянныхъ отдѣловъ, будутъ печататься отдѣльныя статьи по этнографіи, исторіи, статистикѣ Сибири, а также очерки, разсказы и проч. Всѣхъ лицъ, сочувствующихъ нашимъ цѣлямъ, просимъ помочь намъ трудами и совѣтами; для всѣхъ такихъ лицъ страницы „Сибирской Газеты“ широко открыты.

Подписку и корреспонденціи адресовать: въ Томскъ, въ ред. «Сибирской Газеты».

ГОДЪ ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1884-мъ ГОДУ XXI.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“

Журналъ этотъ состоитъ подъ Высочайшимъ Покровительствомъ **Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.** Рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія—для гимназій, уѣздныхъ училищъ, городскихъ и народныхъ школъ. Состоящ. при IV отд. Собств. Его Величества Канцеляріи Учебнымъ Комитетомъ—для чтенія воспитанницамъ женск. учебн. заведеній **Императрицы Маріи.** Духовно-учебнымъ Управленіемъ рекомендованъ начальствамъ духовныхъ семинарій и училищъ и Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній рекомендованъ для библіотекъ военныхъ гимназій и прогимназій, какъ изданіе,

представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

Годовое изданіе „Семейныхъ Вечеровъ“ состоитъ изъ 24 книгъ, составленныхъ по слѣдующей программѣ: 1) Стихотворенія, повѣсти и разсказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей; 2) Біографіи замѣчательныхъ людей. 3) Очерки народныхъ обычаевъ, преданія разныхъ странъ. Картины частной жизни въ разныя эпохи. 4) Путешествія. 5) Статьи по части исторіи, отечественной и всеобщей. 6) Статьи по естественнымъ наукамъ. 7) Разборы замѣчательныхъ сочиненій. 8) Извѣстія о замѣчательныхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и наблюденіяхъ.

Статьи будутъ тщательно распредѣляться такимъ образомъ, чтобы первый отдѣлъ изданія, состоящій изъ 12 книгъ, украшенныхъ картинами, распадался на двѣ половины, изъ которыхъ первая составила-бы вполнѣ пригодное чтеніе для дѣтей отъ 8-ми до 14 лѣтъ, а вторая—для дѣтей отъ 5-ти до 8-ми лѣтъ. Другой-же отдѣлъ заключалъ-бы въ себѣ по преимуществу статьи, приспособленныя для семейнаго чтенія такъ, чтобы всѣ члены семьи нашли въ этомъ отдѣлѣ вещи, которыя прочлись-бы съ одинаковымъ интересомъ и пользой.

Къ отдѣлу для *Семейнаго чтенія*, какъ и въ 1883 году, будутъ разсылаться приложенія рисунковъ *новѣйшихъ рукодѣлій*, а къ отдѣлу *для дѣтей—исунки техническихъ искусствъ* и *различныя игры и занятія*, а также награды подписчикамъ, приславшимъ опредѣленное редакціей количество задачъ и рѣшеній.

Кромѣ того, *всѣмъ подписчикамъ на оба отдѣла* „Семейныхъ Вечеровъ“ будетъ разослана, въ видѣ *преміи, олеографія „БУРЯ НА МОРѢ“*.

Въ приложеніи къ отд. для Семейнаго чтенія печатается рядъ лекцій, читанныхъ Государю Императору Александру Николаевичу въ 1830—1834 г. докторомъ Богословія Протоіереемъ *Г. П. Павскимъ*, подъ заглавіемъ *„БИБЛЕЙСКІЯ ДРЕВНОСТИ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ СВ. ПИСАНІЯ“*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	безъ достав.	съ доставкою.
Полный журналъ (24 книжки)	10 р.	11 р. 50 к.
Отдѣлъ для дѣтей (12 кн.)	5 р.	5 р. 50 к.
„ семейнаго чтенія и юношества (12 кн.) . . .	5 р.	5 р. 50 к.

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписавшихся на полный журналъ и обращающихся прямо въ редакцію. уступается 1 руб.

Для земскихъ школъ, подписавшихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экз., уступается 2 руб.

Разсрочка допускается: для лицъ служащихъ въ казен. учрежденіяхъ за ручательствомъ гг. казначеевъ, для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній за ручательствомъ ихъ начальствъ. А для прочихъ подписчиковъ по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка допускается по третямъ не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

Цѣна „Семейныхъ Вечеровъ“ за прежніе годы безъ пересылки: съ 1874 г. по 1880—по 3 р. за каждый отдѣлъ; оба—6 руб.

Съ 1880 по 1883—по 4 руб. за каждый отдѣлъ, за оба 8 рублей.

За 1883 г.—4 р. 50 к. за каждый отдѣлъ, за оба 9 руб.

Пересылка каждаго отдѣла за 4 фунта по разстоянію.

Подписка примается: Въ редакціи журнала „Семейные Вечера“, *С.-Петербургъ, Пушкинская (Новая) улица, д. № 14, кварт. № 9*

Редакторъ-издательница *С. С. Кашпирева.*

Педагогическій и семейный журналъ для всѣхъ интересующихся воспитаніемъ и ходомъ народнаго образованія въ Россіи и заграницей.

„ЗАПИСКИ УЧИТЕЛЯ“

Программа журнала на 1884 годъ.

I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по отдѣльнымъ вопросамъ народнаго образованія. III. Педагогика, методика и *общеобразовательныя и научныя статьи.* IV. Семейно-воспитательный отдѣлъ. V. Исторія народнаго образованія и литературы. VI. Педагогическая хроника русская и иностранная. VII. Отчеты о засѣданіяхъ и съѣздахъ. VIII. Литературное обозрѣніе, библіографія и критика. Новыя книги, вышедшія въ Россіи и за границей. IX. Смѣсь, учебныя пособія. X. Отвѣты редакціи и частныя объявленія.

Журналъ въ одинаковой степени слѣдитъ за воспитаніемъ въ семьѣ и школѣ и за ходомъ учебнаго дѣла, какъ въ народной школѣ, такъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ въ общеобразовательныхъ, такъ и спеціальныхъ. Характеръ журнала—общественно-педагогическій, общеобразовательный и практическій. Въ наступающемъ году будетъ помѣщенъ рядъ научныхъ статей и популярныхъ лекцій по разнымъ отраслямъ знанія.

Въ журналѣ участвовали и будутъ принимать участіе, между прочимъ, слѣдующія лица: проф. *Д. Н. Анучинъ, В. П. Анофріевъ, Н. Ѳ. Бунаковъ, Ю. Ф. Випперъ, В. А. Висковатовъ, В. М. Воскресенскій, А. Л. Вышеславцевъ, д-ръ М. И. Галанинъ, В. С. Гербачъ, П. Я. Гердъ, А. П. Гельденбергъ, М. К. Горбунова, К. В. Ельницкій Г. А. Зуевъ, К. А. Казначеевъ,* проф. *Н. Н. Карѣевъ, М. С. Корелинъ, В. Д. Коровинъ, М. Н. Казецкая, Н. Л. Казецкій. П. Ф. Маевскій, В. М. Михайловскій, В. П. Острогорскій, Н. А. Плетеневъ, А. Н. Поливановъ, С. А. Радецкій, В. А. Соколовъ, В. И. Сизовъ, Д. Н. Тихомировъ, В. И. Фармаковскій, М. К. Цебрикова, П. Н. Штуцеръ,* и мн. др.

Журналъ выходитъ *ежемѣсячно* (исключая іюня и іюля) въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, *книжками въ объемѣ 4—6 листовъ въ каждой.*

Подписная плата въ годъ 3 руб. 50 коп. съ пересылкой и доставкой, за границу 5 руб.

Подписка принимается *въ конторѣ редакціи,—Въ Москвѣ Денежный пер., у Мал. Каменнаго моста д. № 7.*

Для ознакомленія съ журналомъ желающимъ высылается: подробности программы, *перечень статей, помѣщенныхъ въ журналѣ за 1883 г.*, а также—списокъ изданій редакціи, условія выписки книгъ и пріемъ изданій.

Принимаются на изданіе книжки для народнаго чтенія.

„Ветеринарный Вѣстникъ"

ЖУРНАЛЪ НАУЧНОЙ И КЛИНИЧЕСКОЙ ЗООЯТРІИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

подъ *отвѣтственной редакціей* экс.-ордин. профессора Харьковскаго Ветеринарнаго Института, **П. А. Гордѣева.**

подъ *редакціей* ординарнаго профессора Директора Ветеринарнаго Института **М. Е. Земмера.**

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Первый отдѣлъ: анатомія, гистологія и физіологія нормальная и патологическая.

Второй отдѣлъ: научныя изслѣдованія по экспериментальной физіологіи, общей и частной патологіи и эпизоотологіи.

Третій отдѣлъ: статьи и работы по *зоотехникѣ, гигіенѣ, діэтетикѣ, сельскому хозяйству*, ветеринарной статистикѣ и экстерьеру.

Четвертый отдѣлъ: статьи и работы по хирургической, терапевтической, дерматологической, эпизоотологической клинической ветеринаріи и судебно-ветеринарной позиціи.

Пятый отдѣлъ: критика и библіографія.

Шестой отдѣлъ: литературное обозрѣніе и смѣсь. Рефераты по отечественной и иностранной журналистикѣ.

УСЛОВІЯ ИЗДАНІЯ: „Ветеринарный Вѣстникъ" въ 1884 году будетъ выходить *шестью* книжками отъ 5 до 8 печатныхъ листовъ въ каждой (что составитъ отъ 30 до 48 листовъ), *безсрочными выпусками*, смотря по накопленію научнаго матеріала, съ *приложеніемъ* въ концѣ года какого-нибудь спеціальнаго руководства въ формѣ кафедральныхъ лекцій, переводныхъ или оригиналь-

ныхъ сочиненій. По мѣрѣ увеличенія числа подписчиковъ редакція, въ свою очередь, увеличитъ какъ число книгъ, такъ и объемъ приложеній.

Начавшіяся издаваться съ 1882 года *„Руководство къ Частной Патологіи и Терапіи домашнихъ животныхъ“* и *Зоофармакологіи“* будутъ продолжаться и въ 1884 году. Независимо отъ этихъ двухъ руководствъ выходитъ еще и *„Анатомія домашнихъ животныхъ“*. Всѣ три руководства будутъ помѣщаться въ видѣ приложеній къ каждому выпуску.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: за годъ безъ приложенія **6 руб.**, съ приложеніемъ **7 руб.**, съ пересылкой **8 руб.**

Примѣчаніе. По соглашенію съ редакціей допускается разсрочка въ платежѣ на текущій годъ и *уступка* по *два рубля* за оставшіеся годовые экземпляры 1882 и 1883 гг.

Адресъ. Въ Харьковскій Ветеринарный Институтъ, профессору *Петру Андреевичу Гордѣеву*. По этому же адресу принимаются статьи и работы, причемъ послѣднія должны быть четко написаны.

Редакторъ-Издатель, *П. Гордѣевъ*.

Выпелъ и Разсылается подписчикамъ

1 № (январь) 1884 г.

„Извѣстій С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.“

Содержаніе: I. **Дѣйствія Славянскаго Общества.** II. **Славянское Обозрѣніе**: Исповѣдники и партія, **О. Ѳ. Миллера.** Дѣятельность юго-славянской академіи въ Загребѣ, **П. Л. Куликовскаго.** Изъ путевыхъ замѣтокъ по Хорватіи, **И. П Саитоновича.** Изъ Праги, корреспонденція. Славистика въ С.-Петербургской Духовной Академіи. Пожертвованія въ пользу бѣдствующихъ галичанъ. III. **Славянскія библіографическія**: Новый ученый трудъ В. И. Ламанскаго. Н. Любовичъ: Исторія реформаціи въ Польшѣ (замѣтка **В. Л. Кракау**). Вступительная лекція К. Я. Грота въ варшавскомъ университетѣ. Отчетъ объ ученой командировкѣ въ славянскія земли проф. І. І. Первольфа. Праздникъ „Славы“ у сербовъ **П. Л. Куликовскаго.**

Подписка на „Извѣстія“ принимается въ помѣщеніи Славянскаго Общества на площ. Александринскаго театра, № 7. Подписная цѣна на годъ за 12 книжекъ **ДВА РУБЛЯ** съ доставкой и пересылкой.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Вышелъ и продается въ книжномъ магазинѣ А. Г. Сыркина въ Вильнѣ, а также у другихъ солидныхъ книгопродавцевъ Имперіи и Царства Польскаго

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХЪ И ЮГОСЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ И ПРИЛЕЖАЩИХЪ СТРАНЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

ЯКОВОМЪ ГОЛОВАЦКИМЪ.

Съ приложеніемъ географической карты.

Въ Вильнѣ 1884 года, въ 8 ю долю XXIX и 372 страницы.

Въ этомъ словарѣ собраны топографическія названія областей, рѣкъ, горъ, городовъ и селеній въ славянскихъ земляхъ, въ которыхъ первобытно славянскія названія перепначены до неузнаванія. Въ такомъ видѣ они вошли въ общественное и литературное употребленіе, между тѣмъ какъ первоначальныя славянскія названія живутъ до сихъ поръ въ устахъ народа, а незнающіе славянскихъ нарѣчій ученые весьма часто не могутъ найти ихъ на картахъ составленныхъ подъ вліяніемъ иноземныхъ сочиненій. Въ настоящемъ словарѣ исправлены многочисленныя ошибки и неточности русскихъ географическихъ картъ, составленныхъ по нѣмецкимъ образцамъ, послѣ тщательной провѣрки оныхъ съ славянскими источниками и съ примѣненіемъ иностраннаго правописанія къ русскому. Въ этомъ словарѣ возстановлены почти всѣ исковерканныя иностранцами славянскія названія, съ ссылками на настоящіе, издревле славянскіе, географическіе термины мѣстностей и напечатаны крупнымъ шрифтомъ, съ показаніемъ произношенія ихъ на мѣстномъ нарѣчіи и обозначеніемъ области и уѣзда, въ которомъ онѣ находятся, народонаселенія городовъ и проч.

Такой географическій словарь долженъ быть настольной книгой для всякаго туриста и путешественника по славянскимъ землямъ, онъ долженъ лежать въ кабинетѣ каждаго журналиста, писателя, литератора для постоянныхъ справокъ и провѣрки европейскихъ книгъ и газетъ. Этотъ словарь (первый и единственный въ этомъ родѣ)—весьма полезенъ для всѣхъ учебныхъ заведеній, пока въ учебникахъ и атласахъ не будутъ замѣнены невѣрные иноземные термины родными славяно-русскими.

Въ особенности же Географическую Карту (въ масштабѣ 1:2,000.000), на которой обозначены границы югославянскихъ земель по С. Стефанскому договору и Берлинскому конгрессу, можно рекомендовать для военно-учебныхъ заведеній и для военно-тактическихъ упражненій.

Цѣна Географическаго Словаря съ картой 2 руб. 50 коп.—Карта отдѣльно стоитъ 1 руб.; наклееная же на холстѣ—1 руб. 50 коп.

Желающіе могутъ адресоваться: *Въ Вильну*, къ Дѣйств. Статск. Совѣтнику *Якову Ѳедоровичу Головацкому*, на Георгіевскомъ проспектѣ въ домѣ Довойны.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ КНИЖКИ:

1) КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА

и къ ней главнѣйшіе пути чрезъ г. Кіевъ, съ 5-ю планами и 3-я видами въ 180 страницъ.

Цѣна **40** коп; въ изящномъ переплетѣ **60** коп.

сверхъ того прибавляется по **40** коп. за экземпляръ для выписывающихъ ее съ изданнымъ путеводителемъ

„КІЕВЪ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ“,

въ которомъ помѣщены: общій очеркъ Кіева, общія статистическія свѣдѣнія; частное раздѣленіе города на восемь полицейскихъ участковъ; ближайшія окрестности. *Указатель* для розысканія улицъ, домовъ и ихъ нумеровъ по всѣмъ частямъ Кіева. Топографическій планъ и 9-ть видовъ г. Кіева.

2) КІЕВСКІЙ АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЬ

(третій годъ изданія)

въ которомъ помѣщены адресы всѣхъ правительственныхъ и частныхъ управленій, заведеній и должностныхъ лицъ этихъ учрежденій. Алфавитъ для розысканія фамилій; частныя объявленія и мѣсяцесловъ.

Цѣна **50** коп; въ изящномъ переплетѣ **75** коп.

Продаются въ Кіевѣ въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ и въ книжныхъ лавкахъ Кіево-Печерской Лавры Выписывающіе непосредственно отъ издателя, *по адресу:* Кіевъ, Окружной Штабъ, *Н. Тарановскому.*

ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ.

ФИЛОСОФІЯ
XVII и XVIII в.
ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ ФИЛОСОФІЕЮ
XIX в.

и отношеніе той и другой къ образованію (изъ лекцій по исторіи философіи). *С. С. Гогоцкаго*, профессора университета Св. Владиміра. Вып. III. Кіевъ, 1884 г.

ОПЕЧАТКИ.

Въ январской книжкѣ «Кіевской Старины» за нынѣшній годъ

Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
Стр. 114, строка 4 снизу:	
«Перечислены *есть* шанцы» . .	«Перечислены *не есть шанцы*».
Стр. 118, строка 2 сверху:	
«*все* хотѣлъ»	«*не* хотѣлъ».
Стр. 122, строка 6 сверху:	
«*Бефвица*»	«Бервица».
Стр. 127, строка 14 снизу:	
«*другими*»	«дорогими».

Отъ редакціи.

Журналъ **«Кіевская Старина»** выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Не смотря на всѣ принимаемыя редакціею мѣры относительно своевременной и исправной разсылки книжекъ журнала, въ теченіи двухъ лѣтъ бывали не рѣдкіе случаи неполученія нѣкоторыми изъ подписчиковъ той или иной, а иногда и нѣсколькихъ книжекъ; но происходило это, какъ удостовѣрилъ опытъ, кромѣ случаевъ неисправности почталіоновъ, большею частію отъ *неточнаго* и *неполнаго* обозначенія подписчиками адреса и неизвѣщенія, или-же несвоевременнаго извѣщенія о перемѣнѣ онаго, при чемъ самыя заявленія о неполученіи книгъ присылаемы были спустя даже полгода и годъ.

Редакція не находитъ возможнымъ на будущее время удовлетворять всѣ безъ изъятія жалобы подписчиковъ, высылая,какъ дѣлалось доселѣ, иногда по 5 и 8 книгъ, въ замѣнъ утраченныхъ не по ея винѣ, и отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Софійская площадь, № 11-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Диптера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаемъ тщательныя рецензіи. О присылкѣ таковыхъ просимъ въ особенности галицко-русскихъ братій нашихъ, такъ какъ ихъ изданія неизвѣстны здѣсь.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под., которыхъ получается вообще очень много, просимъ, кому есть возможность, предварительно свѣрять съ существующими Сборниками, отмѣчать разности, если это будетъ только варіантъ, и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи, а въ самомъ записываніи держаться малорусскаго правописанія нашего изданія и не писать безъ твердаго знака. Тѣхъ, которыхъ сообщеніями въ этомъ родѣ мы не могли доселѣ воспользоваться, просимъ объяснять это преимущественно невозможностію для редакціи дѣлать массу справокъ и сличеній, примѣчаній и объясненій и утомительной установки правописанія, которое не рѣзало-бы глаза и слуха.

ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,"

1884 г. (Третій годъ изданія). **1884 г.**

Журналъ „**Кіевская Старина**", посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1884 году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.** Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ **5 руб.**, по выходѣ IV книжки **3 руб.** и VI—**2 руб.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: *Въ редакцію* „**Кіевской Старины**", *Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевской Старины" принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, газету „ДѢЛО". Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія составляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

Редакторъ-издатель **Ѳ. Г. Лебединцевъ.**